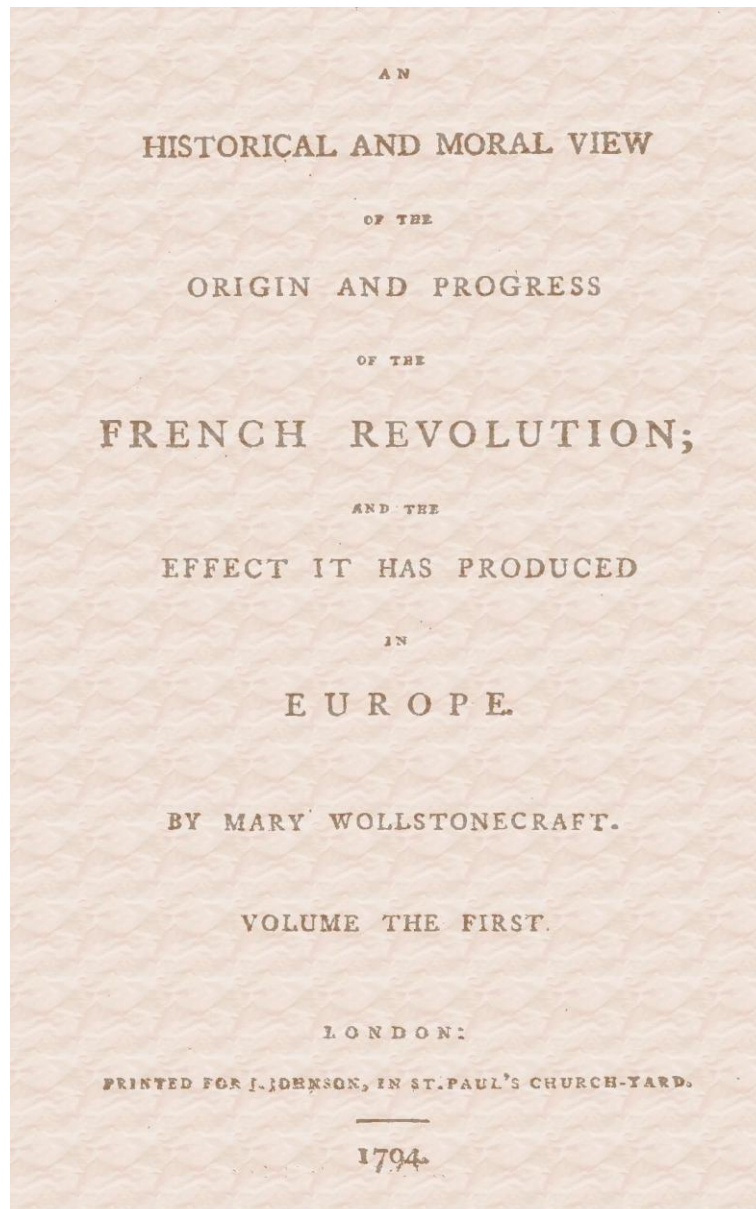

Исторический и моральный взгляд на происхождение и ход Французской революции, а также на эффект, который она произвела в Европе

Мэри Уолстонкрафт

Электронная книга проекта Гутенберга Исторический и моральный взгляд на происхождение и ход Французской революции; и эффект, который она произвела в Европе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исторический и моральный взгляд на происхождение и ход Французской революции; и эффект, который она произвела в Европе

Автор: Мэри Уолстонкрафт

Дата выхода: 10 августа 2022 [Электронная книга # 68724]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Дж. Джонсон, 1794

Авторские права: Ричард Тонсинг и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга подготовлена на основе изображений, предоставленных цифровой библиотекой HathiTrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" - ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ; И НА ЭФФЕКТ, КОТОРЫЙ ОНА ПРОИЗВЕЛА В ЕВРОПЕ ***

Примечание переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

Engraving

A. L. Merritt. sc. ft.

Mary Wollstonecraft

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, А ТАКЖЕ НА ЭФФЕКТ, КОТОРЫЙ ОНА ПРОИЗВЕЛА В ЕВРОПЕ.

АВТОР: МЭРИ УОЛСТОНКРАФТ.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ДЖ. ДЖОНСОНА ВО ДВОРЕ ЦЕРКВИ СВЯТОГО ПАВЛА.

1794.

Реклама.

Эта история, включающая в себя такое разнообразие фактов и мнений, разрослась под моей рукой; тем более что в письменном виде я не могу избежать некоторых отрывочных рассуждений и описаний нравов и вещей, которые, хотя и не являются строго необходимыми для разъяснения событий, тесно связаны с главной целью; я также провел несколько теоретических исследований, отмечая при этом политические последствия, которые естественным образом вытекают из прогресса знания. Поэтому вполне вероятно, что эта работа будет расширена еще на два или три тома, значительная часть которых уже написана.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Революция во Франции демонстрирует сцену в политическом мире, не менее новую и интересную, чем разительный контраст между узкими взглядами, свойственными суевериям, и просвещенными чувствами маскулинной и усовершенствованной философии.

Чтобы отметить выдающиеся черты этой революции, требуется ум, не только неискушенный старыми предрассудками и закоренелыми привычками вырождения, но и улучшение характера, вызванное применением самых широких принципов человечности.

Быстрые перемены, жестокие, подлые и гнусные убийства, которые омрачили яркую перспективу, которая начала озарять лучом радости мрачный горизонт угнетения, не могут не вызвать холода в сердцах сочувствующих и парализовать интеллектуальную энергию.

Обрисовать эти перипетии - задача настолько трудная и меланхоличная, что с сердцем, трепещущим от прикосновений природы, становится необходимым остерегаться ошибочных выводов чувствительности; и разум, сияющий на большом театре политических перемен, может оказаться единственным надежным проводником, который приведет нас к благоприятному или справедливому заключению.

Этот важный вывод, касающийся счастья и возвышения человеческого характера, требует серьезного и зрелого рассмотрения; поскольку он в конечном итоге должен низвести достоинство общества до уровня презрения, а его членов - до еще большего несчастья; или возвысить его до такой степени величия, о которой до сих пор не могли мечтать самые просвещенные государственные деятели и философы.

Рассматривая затем эти грандиозные события холодным взором наблюдателя, суждение, которое трудно сохранить неизменным под давлением катастрофических ужасов, производимых отчаявшимися и разъяренными группировками, будет постоянно осознавать, что именно незагрязненная масса французской нации, чьи умы начинают проникаться чувством свободы, обеспечила равновесие государства; часто находящегося на грани уничтожения; несмотря на безрассудство, эгоизм, безумие, предательство и, что еще более пагубно, притворный патриотизм, общий результат развращенных нравов, сопутствующее тому раболепию и сладострастию, которые так долго охватывали высшие слои этой знаменитой нации.

Обратив таким образом внимание на обстоятельства, мы сможем ясно увидеть, что революция не была вызвана способностями или интригами нескольких человек; и не была результатом внезапного и недолговечного энтузиазма; но естественным следствием интеллектуального совершенствования, постепенно идущего к совершенству в развитии сообществ, от состояния варварства к состоянию утонченного общества, пока не дошло до того момента, когда искренность принципов, по-видимому, ускоряет свержение огромной империи суеверий и лицемерия, воздвигнутой на руинах готической жестокости и невежества.

Содержание.

КНИГА I.

ГЛАВА I.

Введение. Прогресс общества. Конец правительства. Подъем политических дискуссий среди французов. Революция в Америке. Добродетель пытались построить на ложных принципах. Круазады и эпоха рыцарства. Правление Ришелье и кардинала Мазарини. Театральные развлечения и драматические поэты Франции —Мольер, Корнель, Расин. Людовик XIV. Регентство.—Людовик

Страница
1.

XV.

ГЛАВА II.

Мария-Антуанетта. Louis XVI. Управление Неккером и Калоном. Созвана знать. Калонн опозорен и вынужден бежать из королевства. Его характер. Причины порабощенного состояния Европы. с. 33.

. III.

Управление де Бриенном. Роспуск нотаблей. Земельный налог и гербовый сбор, рекомендованные ими, но отклоненные парламентом. Ложа правосудия. Парламент сослан в Труа, но вскоре скомпрометирован в своем отзыве. Борьба придворной партии за предотвращение созыва генеральных штатов. Изгнание герцога Орлеанского и двух энергичных членов парламента. Cour pléniere. Замечания о парламентах. Заключение членов в тюрьму. Депутаты провинции Британия отправлены в Бастилию. Солдаты напали на народ. стр. 48.

, вспоминал Неккер. Его характер. Нотабли собрались во второй раз. Коалиция дворянства и духовенства в защиту своих привилегий. Провинциальные народные собрания. Политические публикации в пользу тиров-etat. Общие размышления о реформе, — о современном состоянии Европы,— и о революции во Франции. стр. 59.

КНИГА II.....

Глава II. И.

ретроспективный взгляд жалоб в Франции—дворяне—военные—духовенство—крестьяне целом. Выборы депутатов в генеральные штаты. Искусство придворных. Ассамблея штатов. Беспорядки в Париже. Открытие генеральных штатов. Король говорит!. Ответ хранителя печатей. Речь мистера Неккера. Оспаривание режима собрания. Молчаливое установление свободы прессы. стр. 75.

Попытка суда воздержаться от этого. Депутаты объявляют себя национальным собранием.

ГЛАВА II.....

Национальное собрание приступает к делу. Оппозиция знати, епископов и двора. Объявлен королевский сеанс, и зал собрания окружен солдатами. Участники собираются на теннисном корте и клянутся никогда не расходиться, пока не будет завершена конституция. Большинство духовенства и двое дворян присоединяются к палате общин. Séance royale. Король говорит!. Энергичное поведение собрания. Речь Мирабо. Лица депутатов объявлены неприкосновенными. Меньшинство дворян присоединяется к палате общин. По просьбе короля меньшинство духовенства делает то же самое, и в конце концов за ним следует большинство знати. Характер королевы Франции, короля и знати. Лекции о свободе в Пале-Рояле. Париж окружен войсками. Дух свободы проникнут в солдат. Одиннадцать французских охранников были заключены в тюрьму за то, что не хотели стрелять в население, и освобождены народом. Протест национального собрания. Король предлагает перенести собрание в Нуайон, или Суассон. Неккер уволен. Городское ополчение предложило. Принц Ламбеск напал на население в саду Тюильри. Ночные оргии в Версале.

стр. 109.

ГЛАВА. III.

Приготовления парижан к обороне города. Стража и городская стража присоединяются к горожанам. Вооруженные граждане назначают главнокомандующего. Поведение национального собрания во время беспорядков в Париже. Они публикуют декларацию прав и предлагают свое посредничество с гражданами, в чем король высокомерно отказывает. Слушания в Париже 14 июля. Взятие Бастилии. Застрелен мэр. Заседание национального собрания в Версале. Появление короля в собрании. Его речь.

стр. 165.

ГЛАВА IV.

Размышления о поведении двора и короля. Пагубные последствия усложнения законов. Общее распространение знаний. Состояние цивилизации древних. Это прогресс. Кружады и реформация. Ранняя свобода Британии. Британская конституция. Государство свободы в Европе. Россия. Закат философии Аристотеля, Декарт. Ньютон. Образование улучшилось. Германия. Фридрих II.

с. 215.

из Пруссии.

КНИГА III.

Глава II. И.

депутации Национального собрания прибывает в Париж. Байи избран мэром, а Лафайет - главнокомандующим национальной гвардией. Отставка министерства. Неккер напомнил. Король посещает Париж. Характер парижан. Революция началась преждевременно. Эмиграция нескольких представителей знати и других. Калонн советует французским принцам настроить иностранные державы против Франции. Фулон убит. стр. [241](#).

ГЛАВА II.

Герцог Лианкур избран президентом. Народ вооружается для защиты страны. Муниципальные чиновники, назначенные при старом правительстве, заменены комитетами. Несколько человек вероломно уничтожены, взорвав мину на гражданском празднике. Житель Женеви, задержанный патрулем. Французы с подозрением относятся к планам Британии. Возвращается Неккер. Генеральная амнистия, объявленная парижскими должниками. Дебаты по декларации прав. Декларация прав отдельно от конституции, определенной на. Жертвы, приносимые знатью, духовенством и т. д. Стр. [263](#).

ГЛАВА. III.

Размышления о членах национальной ассамблеи. Отделение нескольких псевдопатриотов. Общество созрело для улучшения по всей Европе. Война естественна для людей в диком состоянии. Замечания о происхождении и прогрессе общества. Искусство—собственность—неравенство условий—война. Картина нравов в современной Франции. стр. [295](#).

КНИГА IV.

Глава II. И.

мнениями о транзакции на четвертое августа. Беспорядки, вызванные этими сделками. Неккер требует разрешения ассамблеи на заем. Заем был объявлен. Десятина отменена. Дебаты по декларации прав. Формирование конституции. Дебаты об исполнительной власти. Принято временное вето. Мнимые и реальные взгляды на объединение деспотов против Франции. Дебаты о создании сената. Средства мирного проведения реформы должны быть частью каждой конституции.

стр. 313.

ГЛАВА II.

Замечания по поводу вето. Женщины выставляют свои украшения на всеобщее обозрение. Обсуждают, может ли испанская ветвь Бурбонов править во Франции. Поведение короля в отношении указов четвертого августа. Тщеславие французов. Дебаты о размещении тысячи регулярных войск в Версале. Частные лица предлагают свои драгоценности и столовое серебро, чтобы восполнить дефицит ссуды. Король отправляет на монетный двор свой богатый сервиз из серебра. Предложение Неккера о том, чтобы каждый гражданин отказывался от четвертой части своего дохода. Речь Мирабо по этому поводу. Его обращение к нации.

стр. 359.

ГЛАВА. III.

Размышления о новом способе увеличения поставок. Справедливой системы налогообложения пока не установлено. Бумажные деньги. Необходимость постепенных реформ.

с. 388.

Книга В.

Глава II. И.

Erreur Национального собрания в пренебрежении обеспечить свободу Франции. Это поведение по сравнению с поведением американских штатов. Необходимость формирования новой конституции, как только старое правительство будет уничтожено. Объявление короля неприкосновенным - неправильная мера. Безопасность франции от контрреволюции. Бегство короля в раздумьях.

стр. 399.

ГЛАВА II.

Увеселения в Версале. Национальная кокарда растоптана. Толпа женщин направляется в отель-де-Виль, а оттуда в Версаль. Ответ короля на запрос национального собрания о том, что он санкционирует декларацию прав и первые статьи конституции. Дебаты по этому поводу. Прибытие толпы в Версаль. Король принимает депутацию от женщин и санкционирует указ о свободном обращении зерна. Созвано собрание. Лафайет прибывает с парижским ополчением. Дворец атакован толпой, которую разгоняют национальные гвардейцы. Размышления о поведении герцога Орлеанского.

стр. 420.

ГЛАВА. III.

Толпа требует перевезти короля в Париж. Описан этот город. Король направляется в столицу в сопровождении депутации национального собрания и парижского ополчения. Титул короля изменен. Заседания национального собрания. Размышления о декларации прав.

стр. 470.

ГЛАВА IV.

Ход реформ. Энциклопедия. Свобода печати. Столицы. Французы недостаточно подготовлены для революции. Дикарь по сравнению с цивилизованным человеком. Последствия экстравагантности — торговли - и мануфактур. Оправдание свирепости парижан.

стр. 492.

АН

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА I.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА. КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ. ПОДЪЕМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ Среди ФРАНЦУЗОВ. РЕВОЛЮЦИЯ В АМЕРИКЕ.
ДОБРОДЕТЕЛЬ ПЫТАЛИСЬ ПОСТРОИТЬ НА ЛОЖНЫХ ПРИНЦИПАХ. КРУАЗАДЫ И
ЭПОХА РЫЦАРСТВА. ПРАВЛЕНИЕ РИШЕЛЬЕ И КАРДИНАЛА МАЗАРИНИ.
ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ ФРАНЦИИ —МОЛЬЕР,
КОРНЕЛЬ,РАСИН. ЛЮДОВИК XIV. РЕГЕНТСТВО. ЛЮДОВИК XV.

Когда мы размышляем о младенчестве человека, его постепенном продвижении к зрелости, его жалкой слабости как одинокого существа и грубости его первых представлений о природе гражданского общества, не покажется странным, что приобретение политических знаний происходило так чрезвычайно медленно; или что общественное счастье не достигалось более быстрыми темпами и не распространялось в целом.

Правда, совершенство, достигнутое древними, всегда давало воображению историка-поэта тему для украшения ее отборнейшими цветами риторики; хотя хладнокровное изучение фактов, кажется, ясно доказывает, что цивилизация мира до сих пор состояла скорее в развитии вкуса, чем в упражнении ума. И разве эти хваленые усовершенствования также не ограничивались небольшим уголком земного шара, в то время как политические взгляды мудрейших законодателей редко простирались дальше великолепия и возвеличивания своей отдельной нации, они с яростным наигранным патриотизмом попирали самые священные права человечества? Когда в Греции процветало искусство, а литература начала изливать свои льстивые чары на общество, мир был в основном населен варварами, которые вели вечную войну со своими более утонченными соседями, несовершенство правительства которых подрывало его основы, наука политики неизбежно получила сдерживающий эффект в зародыше — и когда мы обнаружим, что римская империя распадается на атомы из-за зародыша смертельной болезни, имплантированной в ее жизненно важные органы; в то время как сладострастие остановило прогресс цивилизации, который делает совершенство искусств зарей науки; мы убедимся, что римская империя распадается на атомы. , что потребовались века совершенствования разума и опыта в области моральной философии, чтобы убрать мусор и продемонстрировать первые принципы общественного порядка.

Наше огромное превосходство над этими народами, вероятно, объясняется открытием полярного притяжения иглы, совершенством, которого достигли астрономия и математика, и удачным изобретением книгопечатания. Ибо, в то время как возрождение литературы добавило собранную мудрость древности к усовершенствованиям современных исследований, последнее наиболее полезное искусство быстро увеличило количество копий произведений гения и сборников научных трудов, сделав их доступными для людей всех слоев общества: научные открытия также не только привели нас к новым мирам; но, облегчая общение между различными нациями, трения в искусстве и торговле придали обществу необыкновенно приятный лоск вежливости; и таким образом, благодаря постепенному смягчению манер, полностью изменился облик социальной жизни. Но остатки суеверия и неестественное различие привилегированных классов, происходящее от варварской глупости, все еще сковывали мнения людей и пятнали их природное достоинство; пока несколько выдающихся

английских писателей не начали обсуждать политические темы с энергией людей, которые начали чувствовать свою силу; и, в то время как только слух об этих чувствах привлек внимание и развил умы некоторых литераторов во Франции, ряд стойких спорщиков, которые более тщательно их усвоили, бежали от притеснений, чтобы испытать их на опыте в Америке.

Локк, следуя по стопам этих смелых мыслителей, рекомендовал более методичным образом проявлять религиозную терпимость и проанализировал принципы гражданской свободы, поскольку в его определении свободы мы находим элементы *Декларации прав человека*, которая, несмотря на фатальные ошибки невежества и извращенное упрямство эгоизма, в настоящее время превращает возвышенные теории в практические истины.

Революция, это правда, вскоре привела к коррупции, которая с тех пор разъедала британскую свободу. — Тем не менее, когда остальная Европа стонала под тяжестью самых несправедливых и жестоких законов, жизнь и имущество англичан были в сравнительной безопасности; и, если в ордере на арест соблюдалось различие рангов, когда на карту была поставлена слава Англии, блестящие победы скрывали этот недостаток в лучшей из существующих конституций; и все с ликованием вспоминали, что жизнь или свобода человека никогда не зависели от воли отдельного человека.

Англичане тогда не без оснований гордились своим телосложением; и если эта благородная гордость выродилась в высокомерие, когда причина стала менее заметной, то это всего лишь незначительный недостаток человеческой природы; достойный сожаления лишь потому, что он останавливает прогресс цивилизации и заставляет людей воображать, что их предки сделали все возможное для обеспечения счастья общества и улучшения условий жизни человека, потому что они сделали многое.

Когда образование было доступно лишь небольшому числу граждан государства, а изучение его привилегий было предоставлено еще меньшему числу, правительства, по-видимому, действовали так, как будто люди были созданы только для них; и, изобретательно смешивая свои права с метафизическим жаргоном, роскошное величие отдельных людей поддерживалось страданиями основной массы их собратьев и амбициями, разжигаемыми кровавой расправой над миллионами невинных жертв.

Самая искусная цепь деспотизма когда-либо поддерживалась ложными представлениями о долге, навязанными теми, кто хотел извлечь выгоду из обмана. Таким образом, свобода человека была ограничена; и спонтанный поток его чувств, который должен был бы оплодотворить его разум, был подавлен в самом источнике, и он стал в той же степени несчастным, в какой стал неестественным. И все же определенные мнения, насаждаемые суеверием и деспотизмом рука об руку, пустили такие глубокие корни в наших привычках мышления, что может показаться дерзким и самонадеянным замечание, что то, что часто называют добродетелью, есть всего лишь недостаток мужества отбросить предрассудки и следовать склонностям, которые не боятся ока небес, хотя и боятся порицания, не основанного на естественных принципах морали. Но ни в какой период скудное распространение знаний не позволяло основной массе людей участвовать в обсуждении политических наук; и если философия в конце концов упростила принципы общественного союза, чтобы сделать их легкими для понимания каждым здравомыслящим существом и думающим существом, то, как мне кажется, этот человек может с благожелательным самодовольством и подобающей гордостью созерцать приближающееся царствование разума и мира.

Кроме того, если люди лишены возможности точно судить о своих гражданских и политических правах из-за запутанного состояния, в которое их поставило изощренное невежество, и, таким образом, вынуждены отдавать свои способности рассуждать благородным глупцам и педантичным мошенникам, неудивительно, что поверхностные наблюдатели сформировали мнения, неблагоприятные для той степени совершенства, которой способны достичь наши интеллектуальные способности, или что деспотизм пытается подавить дух исследования, который, по-видимому, колоссальными шагами ускоряет свержение деспотичной тирании и оскорбительных действий. честолюбие.

Природа сделала людей неравными, наделив одних более сильными физическими и умственными способностями, чем других, и целью правительства должно быть уничтожение этого неравенства путем защиты слабых. Вместо этого он всегда склонялся на противоположную сторону, истощая себя из-за пренебрежения первым принципом своей организации.

Кажется, что это великая компетенция правительства, хотя и едва ли признаваемая, поддерживать баланс таким образом, чтобы способности или богатство отдельных людей не могли нарушить равновесие в целом. Ибо, поскольку тщетно ожидать, что люди смогут обуздать свои страсти в пылу действия, законодатели должны постоянно иметь в виду это совершенство законов, когда, спокойно понимая интересы человечества, разум убеждает их, что их собственные лучше всего обеспечиваются безопасностью общего блага. Первые социальные системы, безусловно, были основаны на страсти; индивиды желали оградить свое собственное богатство или власть и сделать рабами своих братьев, чтобы предотвратить вторжение. Их потомки всегда работали над тем, чтобы спаять цепи, которые они выковали, и обезопасить узурпацию власти с помощью обмана частичных законов: законов, которые могут быть отменены только усилием разума, освобождающих человечество, превращающих управление в науку, а не в ремесло, и цивилизующих широкие массы, проявляя их понимание наиболее важных объектов исследования.

Однако после революции 1688 года в Англии политические вопросы больше не обсуждались в широком масштабе; потому что была достигнута та степень свободы, которая позволяла мыслящим людям беспрепятственно заниматься своими делами; или, если некоторые люди жаловались, они присоединялись к партии и рассуждали о неизбежных страданиях, порождаемых борющимися страстями.

Но во Франции горечь угнетения примешивалась к повседневной чаше, и серьезная глупость суеверий, взращенных в поте лица трудом, бросалась в глаза каждому здравомыслящему человеку. Тогда писатели, борющиеся за гражданскую свободу, в основном направляли свои силы против суеверий, хотя тирания суда возрастала вместе с его порочностью.

Вольтер, идущий впереди и высмеивающий со счастливой смесью сатиры и веселья, рассчитанной на то, чтобы доставить удовольствие французам, непоследовательные ребячества религии кукольного театра, обладал искусством прикреплять колокольчики к колпаку шута, которые звенели со всех сторон, привлекая внимание и задевая тщеславие его читателей. Руссо также занимал ту же позицию; и, восхваляя свое причудливое состояние натуры, с тем интересным красноречием, которое приукрашивает рассуждения прелестями чувства, убедительно изобразил пороки общества, управляемого священниками, и источники гнетущего неравенства, побуждая людей, очарованных его языком, прислушаться к его мнению.

Таланты этих двух писателей были особенно развиты для того, чтобы изменить настроения французов, которые обычно читают, чтобы поддержать беседу; и их язвительные реплики и плавные периоды сохранялись в головах каждого и постоянно срывались с языка в многочисленных веселых кругах.

Во Франции, действительно, новые мнения передаются из уст в уста с электрической скоростью, неизвестной в Англии; так что нет такой разницы между чувствами различных слоев населения в одной стране, которая проявляется в оригинальности характера, обнаруживаемой в другой. В наших театрах ложы, ямы и галереи наслаждаются разными сценами; и некоторые из них снисходительно разыгрываются более утонченной частью публики, чтобы позволить остальным получить свою порцию удовольствия. Во Франции, напротив, высоконравственное чувство, вероятно, скорее романтическое, чем возвышенное, вызывает взрыв аплодисментов, когда кажется, что одно сердце волнует каждую руку.

Но люди не довольствуются тем, что просто смеются над угнетением, когда они едва могут извлечь из его хватки все необходимое для жизни; так что от написания эпиграмм на суеверия раздраженные французы перешли к сочинению филиппик против деспотизма. Огромные и несправедливые налоги, которыми дворяне, духовенство и монарх облагали народ, обратили внимание благотворительности на эту главную ветвь власти, а глубокий трактат гуманного г-на Кенэ породил секту *экономистов*, первых поборников гражданской свободы.

Накануне американской войны просвещенная администрация генерального контролера Тюрго, человека, воспитанного в этой школе, позволила Франции увидеть проблеск свободы, который, заслоняя горизонт деспотизма, только усиливал контраст. Стремясь исправить злоупотребления, в равной степени невежливые и жестокие, этот превосходнейший человек, допустивший, чтобы его ясный рассудок был омрачен рвением, разворошил осиное гнездо, которое бесчинствовало на меду промышленности в лучах благосклонности двора; и он был вынужден уйти с поста, который он так достойно исполнял. Разочарованный в своем благородном плане освобождения Франции от клыков деспотизма в течение десяти лет, без страданий анархии, которые заставляют нынешнее поколение дорого платить за освобождение потомков, он, тем не менее, внес большой вклад в ту революцию общественного мнения, которая, возможно, единственная может опрокинуть империю тирании.

Праздные прихоти женоподобного двора долгое время задавали тон охваченному благоговейным страхом населению, которое, глупо восхищаясь тем, чего не понимало, жило на *да здравствует король*, в то время как его кровососущие приспешники высасывали каждую вену, которая должна была согреть их честные сердца.

Но непреодолимая энергия моральных и политических настроений полувека, наконец, разожгла в яркое пламя просветляющие лучи истины, которые, проливая новый свет на умственные способности человека и давая новый толчок его рассуждениям, полностью подорвали опору священничества и лицемерия.

В эту славную эпоху терпимость к религиозным взглядам в Америке, порожденная духом времени, когда этот континент был населен преследуемыми европейцами, немало способствовала распространению этих рациональных настроений и продемонстрировала феномен правительства, основанного на разуме и равенстве. Взоры всей Европы были пристально прикованы к практическому успеху этого эксперимента в области политической

науки; и в то время как короны старого света обращали свое внимание на с трудом заработанное вознаграждение за тяжелый труд и заботы простых граждан, которые жили вдали от дворов, лишённые жизненных удобств, справедливой награды за трудолюбие, или, парализованные угнетением, изнывали в грязи и безделье, англо-американцы казались другой расой существ, людьми, созданными для того, чтобы пользоваться преимуществами общества, а не просто приносить пользу тем, кто правил; польза, которую они получали от жизни, была присваивается почти в каждом штате; рассматривается только как балласт, поддерживающий устойчивость судна, необходимый, но презираемый. Разница была настолько заметной, что, когда французы стали помощниками этих храбрых людей во время их благородной борьбы с тираническими и бесчеловечными амбициями британского двора, это придало им тот стимул, единственным желанием которого было дать крылья свободе, которая, нависнув над Францией, побудила ее возмущенных приверженцев обрушить свою месть на шаткую структуру правительства, фундамент которого был заложен глубоким невежеством, а его стены укреплены бедствиями миллионов, которые насмеяются над расчетом — и, в этом смысле, под руинами была погребена система, наиболее пагубная для человеческого счастья и добродетели.

Америка, к счастью, оказалась в ситуации, сильно отличающейся от всего остального мира; ибо в ее власти было заложить первые камни своего правительства, когда разум отваживался превзойти предрассудки. Пользуясь уровнем цивилизации мира, она не сохранила тех обычаев, которые были всего лишь уловками варварства; или не думала, что конституции, сформированные случайно и постоянно исправляемые, превосходят планы разума, вольного извлекать пользу из опыта.

Когда общество только регулировалось, законы не могли быть скорректированы таким образом, чтобы учитывать будущее поведение его членов, потому что способности человека раскрываются и совершенствуются благодаря усовершенствованиям, вносимым обществом: следовательно, правила, устанавливаемые в зависимости от обстоятельств, были очень несовершенными. Что же тогда мешает человеку в каждую эпоху цивилизации отстаивать свою позицию и по-новому моделировать материалы, которые были поспешно брошены в грубую массу, которую только время укрепило и сделало почтенной?

Когда общество впервые было подчинено законам, вероятно, из-за честолюбия некоторых и желания безопасности во всем, для людей было естественно быть эгоистичными, потому что они не знали, насколько тесно их собственный комфорт связан с комфортом других; и также было очень естественно, что человечность, скорее следствие чувств, чем разума, имела очень ограниченный диапазон. Но когда люди однажды увидят ясно, как свет небесный, — и я приветствую этот славный день издалека! — что от общего счастья зависит их собственное, разум придаст силы трепещущим крыльям страсти, и люди *“будут поступать с другими так, как они хотели бы, чтобы поступали с ними”*.

В чем до сих пор заключалось политическое совершенство мира? У двух самых знаменитых наций это было всего лишь усовершенствованием нравов, продолжением той семейной любви, которая является скорее следствием симпатии и эгоистичных страстей, чем разумной человечности. И чем закончился их столь превозносимый патриотизм? Напрасной славой и варварством — провозглашает каждая страница истории. И почему энтузиазм по поводу добродетели исчез, как утренняя роса, ослепив глаза своих почитателей? Почему? — потому что это была мнимая добродетель.

В период, когда им приходилось бороться с угнетением и воспитывать молодое государство, каких только примеров героизма нет в летописях Греции и Рима! Но это было всего лишь пламя страсти, “живой дым”, ибо, победив своих врагов и принеся самые поразительные жертвы во славу своей страны, они стали гражданскими тиранами и охотились на само общество, ради блага которого легче было умереть, чем выполнять трезвые жизненные обязанности, которые приносят в него удовлетворение, которое скорее ощущается, чем видится. Подобно родителям, которые забывают все предписания справедливости и человечности, чтобы возвеличить самих детей, которых они держат в состоянии зависимости, эти герои любили свою страну, потому что это была их страна, постоянно показывая своим поведением, что это была лишь часть ограниченной любви к самим себе.

Настало время, чтобы более просвещенная нравственная любовь к человечеству вытеснила или, скорее, поддержала физические привязанности. Настало время, чтобы молодежь, приближающаяся к зрелости, руководствовалась принципами, а не подгонялась ощущениями — и тогда мы можем ожидать, что герои нынешнего поколения, которым все еще приходится справляться со своими чудовищами, будут трудиться над установлением таких рациональных законов по всему миру, чтобы люди не останавливались на мертвой букве и не становились искусственными существами по мере того, как они становятся цивилизованными.

Мы должны полностью освободиться от всех представлений, почерпнутых из диких традиций первородного греха: поедания яблока, похищения Прометея, открытия ящика Пандоры и других басен, слишком утомительных для перечисления, на основе которых священники воздвигли свои чудовищные структуры навязывания, чтобы убедить нас, что мы от природы склонны ко злу: тогда мы оставим место для расширения человеческого сердца и, я надеюсь, обнаружим, что люди незаметно сделают друг друга счастливее по мере того, как станут мудрее. Действительно, необходимость подавлять многие из своих самых спонтанных желаний, добиваться искусственных общественных добродетелей, делает человека порочным, лишая его того достоинства характера, которое зиждется только на правде. Ибо нет ничего парадоксального в утверждении, что социальные добродетели пресекаются в зародыше самими законами общества. Достаточно одного принципа действия — уважать себя, будь то страх перед Богом - религия; любовь к справедливости—мораль; или любовь к себе — желание счастья. И все же, как может человек уважать себя; а если нет, то как верить в существование добродетели, когда он ежедневно прибегает к уловкам, которые не подпадают под юрисдикцию закона, чтобы добиться респектабельного положения в жизни? На самом деле, кажется, что делом цивилизованного человека является ожесточение своего сердца, чтобы на нем он мог оттачивать остроумие; которое, принимая название проницательности или хитрости у разных персонажей, является лишь доказательством того, что голова ясна, потому что сердце холодно.

Кроме того, одна из главных причин страданий в нынешнем несовершенном состоянии общества заключается в том, что воображение, постоянно подвергаемое пыткам, превращается в раздутую жировую клетчатку ума, лишаящую жизненно важные органы питания. Я думаю, не было бы слишком преувеличением настаивать на том, что люди становятся порочными в той же мере, в какой они вынуждены из-за недостатков общества подчиняться своего рода самоотречению, которое предписывает невежество, а не мораль.

Но это зло проходит; появился новый дух, организующий тело-политическое; и где найти критерий, позволяющий оценить средства, с помощью которых можно ограничить влияние

этого духа, ныне царящего в сердцах половины жителей земного шара? Разум, наконец, явил свое пленительное лицо, сияющее благожелательностью; и темная рука деспотизма уже не сможет снова заслонить его сияние или притаившийся кинжал подчиненных тиранов не доберется до ее груди. Образ Бога, внедренный в нашу природу, теперь расширяется все быстрее; и по мере того, как он раскрывается, свобода с материнским крылом, кажется, воспаряет в области, намного превышающие вульгарное раздражение, обещая приютить все человечество.

Это вульгарная ошибка, основанная на поверхностном взгляде на предмет, хотя, по-видимому, она подтверждена опытом, что цивилизация может зайти лишь так далеко, как она заходила до сих пор, а затем неизбежно должна вернуться к варварству. И все же многое кажется несомненным, что государство неизбежно состарится и ослабеет, если наследственное богатство поддерживает наследственный ранг при любом описании. Но когда с судами и правом первородства будет покончено, и будут установлены простые законы о равенстве, что помешает каждому поколению сохранять энергию молодости?—Что может ослабить тело или разум, когда подавляющее большинство общества должно упражняться и в том, и в другом, чтобы зарабатывать на жизнь и приобрести респектабельность?

Французская революция является убедительным доказательством того, до какой степени вещи будут управлять людьми, когда простые принципы начнут действовать единой мощной пружиной против сложных колес невежества, многочисленных пропорционально их слабости и постоянно требующих ремонта, потому что сиюминутные соображения всегда являются порождением трусливой глупости или узких расчетов эгоизма. Чтобы прояснить эту истину, нет необходимости ворошить пепел варварских амбиций; показывать невежество и, как следствие, глупость монархов, которые правили железным прутom, когда орды европейских дикарей начали формировать свои правительства; хотя обзор этой части истории ясно докажет, что ограниченность ума естественным образом порождает свирепый нрав.

Мы можем похвастаться поэзией тех веков и теми очаровательными полетами воображения, которые во время пароксизмов страсти проявляются в тех единичных актах героической добродетели, которые бросают блеск на всю бездумную жизнь; но развитие разума, несмотря на это северное сияние, кажется, является единственным способом укротить людей, неугомонность духа которых порождает порочные страсти, ведущие к тирании и жестокости. Когда тело сильное, а кровь теплая, мужчинам не нравится думать или принимать какой-либо план поведения, если только он не нарушается постепенно: сила, которая часто растрачивалась на фатальные действия, становится богатым источником энергии ума.

Люди восклицают, замечая только зло, против роскоши, привносимой искусствами и науками; когда очевидно, что только развитие этих искусств, подчеркнуто называемых искусствами мира, может превратить меч в орало. Война - это приключение, к которому, естественно, стремятся праздные люди, и оно требует чего-то подобного, чтобы возбудить сильные эмоции, необходимые для пробуждения бездействующих умов. Невежественные люди, когда кажется, что они размышляют, больше упражняют свое воображение, чем понимание; предаются мечтаниям, вместо того чтобы следовать логике мышления; и таким образом становятся романтиками, как круазадеры; или как женщины, которые обычно ленивы и беспокойны.

Если мы тогда с отвращением отвернемся от обескровленной царственной пышности и ребяческих раритетных представлений, которые забавляют поработленную толпу, мы

почувствуем еще большее презрение к сословию людей, которые развивали свои способности только для того, чтобы дать им возможность укрепить свою власть, вводя невежд в заблуждение; превращая знания, которые они концентрировали в своих камерах, в более отточенный инструмент угнетения. Преодолевая столько препятствий, прогресс полезных знаний на протяжении нескольких веков был едва заметен; хотя уважение к общественному мнению, этому великому смягчителю нравов и единственной замене моральных принципов, набирало силу.

Круазады, однако, встряхнули общество, изменив его облик; и дух рыцарства, принявший новый характер во время правления доблестного Франциска первого, начал смягчать свирепость древних галлов и франков. *Вопрос о почетном звании* был решен, и постепенно сформировался характер *джентльмена*, которым с тех пор так дорожили во Франции; и такого рода ублюдочная мораль, часто единственная замена всем узам, которые природа сделала священными, удерживала в рамках тех людей, которые не подчинялись никаким другим законам.

Тот же дух, смешанный с кровавым вероломством Гизов, поддерживал мужественное достоинство Генриха четвертого, которого природа наградила тем теплым телосложением, нежностью сердца и прямою ума, которые естественным образом создают энергичный характер.— Гибкая сила, которая, возбуждая любовь, вызывает уважение.

Во времена министерства Ришелье, когда началась династия *фаворитизма*, искусствам покровительствовали, а итальянский способ управления с помощью интриг имел тенденцию ослаблять тела, отшлифованные трением о постоянную утонченность. Лицемерие незаметно переходит в фальшь, и Мазарини, олицетворение лицемерия, проложил путь к внушительной помпезности и фальшивому величию правления надменного и надутого Людовика 14-го; который, привив вкус к величественному легкомыслию, ускорил совершенствование того вида цивилизации, который заключается в утончении чувств за счет сердца; источник всего истинного достоинства, чести, добродетели и всех благородных качеств ума. Пытаясь заставить фанатизм мириться со сладострастием, а честь и распущенность пожимать друг другу руки, терялась грань различия, или порок скрывался под маской соответствующей ему добродетели. Слава Франции, пузырь, поднятый горячим дыханием короля, послужил предлогом для подрыва счастья; в то время как вежливость заменила человечность и создала ту крепость зависимости, которая заставляет людей обменивать свое зерно и вино на нездоровые смеси неизвестно чего, которые, удовлетворяя извращенный аппетит, разрушают тонус желудка.

Феодалный вкус к турнирам и военным пирам теперь естественным образом сменился любовью к театральным развлечениям; когда доблестные подвиги стали слишком большой нагрузкой для ослабленных мышц, чтобы доставлять удовольствие, и люди нашли тот ресурс в развитии ума, который делает телесную активность менее необходимой для предотвращения застоя в потоке жизни.

Все пьесы, написанные в этот период, за исключением Мольера, отражали придворные нравы и, таким образом, извращали формирующийся вкус. Этот выдающийся человек единственный писал о грандиозных масштабах человеческих страстей для человечества в целом, оставляя авторам более низкого уровня задачу подражания манерам, которые подчеркивают *костюм* эпохи.

Корнель, подобно нашему Драйдену, часто балансирующий на грани абсурда и бессмыслицы, полный благородных идей, которые, смутно вырисовываясь в его воображении, он выражает туманно, все еще восхищает своих читателей, рисуя слабые очертания гигантских страстей; и, в то время как очарованное воображение заманивает последовать за ним по зачарованной земле, сердце иногда неожиданно трогает возвышенное или патетическое чувство, присущее природе.

Вскоре после этого Расин элегантно гармоничным языком описал нравы своего времени и с большим здравомыслием придал живописный оттенок многим неестественным сценам и наигранным чувствам: всегда стремясь сделать своих персонажей дружелюбными, он не в состоянии придать им достоинства; а утонченная мораль, разбросанная повсюду, принадлежит кодексу вежливости, а не добродетели^[1]. Опасаясь нарушить светские приличия поведения и шокировать привередливую публику, галантность его героев интересует только галантных и литературных людей, чьи умы открыты для различных видов развлечений. По сути, он был отцом французской сцены. Ничто не может сравниться с любовью, которую французы впитывают с молоком матери к общественным местам, особенно к театру; и этот вкус, задающий тон их поведению, породил так много сценических трюков в большом театре нации, где старые принципы постоянно дополняются новыми сценами и декорациями.

Их национальный характер, возможно, в большей степени сформирован театральными развлечениями, чем принято думать: на самом деле это школы тщеславия. И, после такого рода образования, удивительно ли, что почти все сказано и сделано для сценического эффекта? или что вспыхивают холодные декламационные экстазы только для того, чтобы высмеять ожидание демонстрацией теплоты?

Таким образом, чувства, извергаемые устами, чаще исходят из головы, чем из сердца. В самом деле, естественные чувства - это всего лишь символы, придаваемые воображением воспоминанным ощущениям; но французы постоянным удовлетворением своих чувств заглушают грезы своего воображения, которые всегда требуют воздействия внешних объектов; и, редко размышляя о своих чувствах, их ощущения всегда живы и преходящи; они выдыхаются каждым проходящим лучом и рассеиваются малейшей бурей.

Если пристрастие к веселью характеризует низший класс англичан, французы любого вероисповедания в равной степени восхищаются фосфорической, сентиментальной позолотой. Это постоянно наблюдается в театрах. Страсти лишены всей своей радикальной силы, чтобы придать гладкость разглагольствующим чувствам, которые с насмешливым достоинством, подобно разноцветным тряпкам на сморщенных ветвях дерева свободы, торчащих в каждой деревне, выставляются как нечто очень грандиозное и значительное.

Войны Людовика также были театральными представлениями; и делом его жизни было устраивать церемонии, жертвой которых он сам стал, когда его величие пошло на убыль, а жизнерадостность иссякла^[2]. Но даже ближе к концу его правления труды Фенелона и беседы его ученика, герцога Бургундского, послужили поводом для различных политических дискуссий, теоретической основой которых было счастье народа — до тех пор, пока смерть, окутавшая семью и славу Людовика огромным покрывалом, сострадание не привлекла его недостатки под тот же ужасный покров, и мы сочувствуем человеку, попавшему в беду, чье процветание было пагубным.

Людовик, воздействуя на чувства своего народа, придал новый оборот рыцарскому юмору того времени: ибо с истинным духом донкихотства французы считали делом чести поклоняться своему королю; и слава *великой монархи* стала национальной гордостью, даже если это стоило им очень дорого.

В качестве доказательства извращенности умов того периода и преобладавших ложных политических взглядов, превративших несчастного короля в раба собственного деспотизма, достаточно привести один анекдот.

Придворный уверяет нас,^[3] что самым унижительным обстоятельством, которое когда-либо случалось с королем, и одним из тех, которые причинили ему наибольшую боль, была публикация мемориала, с большим усердием распространяемого его врагами по всей Франции. В этом мемориале союзники призвали французов потребовать созыва их древних *генеральных штатов*. Они говорят им, “что честолюбие и гордыня короля были единственными причинами войн во время его правления; и что, чтобы обеспечить себе прочный мир, они были обязаны не складывать оружие до созыва генеральных штатов”.

Невозможно поверить, если добавить, что, несмотря на тюремное заключение, изгнание, бегство или казнь двух миллионов французов, этот мемориал не произвел особого эффекта. Но король, который был серьезно ранен, позаботился о том, чтобы написать ответ^[4]; хотя он мог бы утешить себя воспоминанием о том, что, когда они собрались в последний раз, Людовик XIII распустил их с пустыми обещаниями, о которых забыли, как только они были даны.

Энтузиазм французов, который, как правило, бросает их из крайности в крайность, в это время привел к полной перемене нравов.

Во время регентства порок был не только неприкрытым, но и дерзким; и ситуация полностью изменилась: теперь все лицемеры были выстроены по другую сторону, придворные, стараясь показать свое отвращение к религиозному лицемерию, бросали вызов приличиям и насиловали природную скромность, когда хотели возмутить щепетильное ребячество суеверий.

В характере регента мы можем проследить все пороки и изящество ложной утонченности; формирование вкуса путем разрушения сердца. Преданный удовольствиям, он так быстро опустошил пьянящую чашу всех ее сладостей, что его жизнь была потрачена на поиски среди отбросов новизны, которая могла бы вдохнуть жизнь в наслаждение. Остроумие, которое поначалу было изюминкой его ночных оргий, вскоре уступило место, столь же плоскому, самым грубым излишествам, главной разновидностью которых была вопиющая безнравственность. И что он сделал, чтобы спасти свое имя от поругания, кроме как защитить нескольких распутных художников и литераторов? Его доброта сердца проявлялась только в сочувствии. Он жалел о бедствиях людей, когда они были у него на глазах; и так же быстро забывал эти сердечные стремления в своем чувственном увлечении.

Он часто и с большим удовольствием рассказывал историю о приоре Вандомском, который случайно понравился любовнице Карла II, и король смог избавиться от своего соперника, только попросив Людовика XIV отозвать его.

В такие моменты он расточал самые горячие похвалы английской конституции и, казалось, был влюблен в свободу, хотя в то время допускал самые вопиющие посягательства на собственность и деспотическую жестокость. Единственное добро, которое он сделал своей стране^[5] возникло

из этого несерьезного обстоятельства; введя моду восхищаться англичанами, он побудил мужчин читать и переводить некоторых из их писателей-мужчин, что в значительной степени способствовало пробуждению спящей мужественности французов. Однако его любовь к изобразительному искусству побудила разных авторов посыпать цветами его неосвященную пыльную эмблему блестящих качеств, которая украшала только почву, на которой они росли.

Последняя часть правления Людовика XV печально известна такими же чудовищными распутствами, не приукрашенными остроумием, на которые скромность охотно набросила бы вуаль, если бы не необходимость наносить последние штрихи на портрет того гнусного деспотизма, под ударами которого стонали двадцать пять миллионов людей; пока, не будучи в состоянии выносить все возрастающую тяжесть угнетения, они не восстали подобно огромному слону, страшному в своем гневе, со слепой яростью топчущему как друзей, так и врагов.

Телесное бессилие и лень разума сделали Людовика XV рабом своих любовниц, которые стремились забыть о его тошнотворных объятиях в объятиях негодяев, находивших отклик в их ласках. Каждый уголок королевства был разграблен, чтобы насытить этих бакланов, которые выжимали самые недра промышленности, чтобы дать новый толчок болезненным аппетитам; развращая мораль и одновременно ломая дух нации.

ГЛАВА II.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. LOUIS XVI. АДМИНИСТРАЦИЯ НЕККЕРА И КАЛОННА. СОБРАЛИСЬ ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ. КАЛОНН ОПОЗОРЕН И ВЫНУЖДЕН БЕЖАТЬ ИЗ КОРОЛЕВСТВА. ЕГО ХАРАКТЕР. ПРИЧИНЫ ПОРАБОЩЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЕВРОПЫ.

Во время этого всеобщего развращения нравов прибыла молодая и красивая *дофина*, и ее встретили с таким идолопоклонническим обожанием, какое можно увидеть только во Франции; ибо жители столицы, в буквальном смысле слова, не могли думать и говорить ни о чем другом; и в их стремлении засвидетельствовать почтение или удовлетворить нежное любопытство погибло огромное количество людей.

Как она могла избежать заражения в такой чувственной атмосфере? Расточительность Людовика XIV, когда любовь и война были его развлечениями, была трезвостью по сравнению с капризной неводержанностью опьяненного воображения того периода. Мадам Дюбарри была тогда в зените своего могущества, что быстро возбудило ревность этой принцессы, самой сильной страстью которой была та невыносимая фамильная гордость, которая горячила кровь всего австрийского дома. Склонность к придворным интригам под маской глубочайшего притворства, чтобы сохранить благосклонность Людовика XV, немедленно была приведена в действие; и вскоре единственным занятием в ее жизни стало либо утолять обиду, либо обманывать пресыщение, вызываемое постоянным и безудержным предаванием удовольствиям.

Таким образом сформировался ее характер, когда она стала абсолютной хозяйкой двора пассивного Людовика, не только самого распутного и заброшенного, который когда-либо демонстрировал безрассудство королевской семьи, но и дерзко небрежного в отношении того внимания к приличиям, которое необходимо, чтобы ввести в заблуждение вульгарных, был

покинут всеми лицами, которые хоть сколько-нибудь заботились о своем моральном облике или благопристойности внешнего вида. Стесненная *этикетом*, который составлял главную часть внушительного величия Людовика XIV, королева пожелала отбросить громоздкую парчу церемоний, не обладая достаточной проницательностью, чтобы понять, что необходимо придать притворное достоинство двору, где не было достаточной добродетели или природной красоты, чтобы придать интерес или респектабельность простоте. Блудница редко бывает настолько глупа, чтобы пренебрегать своими роскошными украшениями, если только она не откажется от своего ремесла; и пышность дворов - это то же самое, но в большем масштабе. Живое пристрастие королевы к своей родной стране и любовь к своему брату Джозефу, которому она неоднократно посылала значительные суммы, украденные у публики, в значительной степени вызвали невыразимое презрение к королевской семье, теперь лишенной пышности, скрывавшей ее уродство; а суверенное отвращение, возбуждаемое ее губительными пороками, полностью уничтожало всякое почтение к этому величию, которому одна только власть придавала достоинство, презрение вскоре породило ненависть.

Печально известная сделка с ожерельем, в которой она, вероятно, была одурачена негодьями, которых она воспитывала, вызвала раздражение как знати, так и духовенства; а ее мессалинские пиры в *Трианон* сделали ее всеобщим объектом насмешек и сатиры.

Однажды возбужденному вниманию народа не давали уснуть, ибо ежедневно возникали новые обстоятельства, дававшие новый толчок дискуссиям о том, что самые несправедливые и тяжелые налоги привлекали всеобщее внимание; пока расточительность королевской семьи не стала общим предметом яростных проклятий.

Король, у которого не хватило решимости поддержать правление Тюрго, избранного его склонностью к умеренности, будучи в растерянности, какие меры предпринять, призвал к руководству благовоспитанного Неккера. Он лишь наполовину понимал планы своего способного предшественника, но тщеславие побудило его осторожно перенять их; сначала он опубликовал своего *графа рендю*, чтобы расчистить путь к популярности. Этот труд был прочитан с поразительной быстротой людьми всех слоев общества; и, напугав придворных, Неккер, в свою очередь, был уволен. Он удалился, чтобы написать свои наблюдения над управлением финансами, которые поддерживали дух исследования, который впоследствии разрушил судебный талисман и показал разочарованной толпе, что те, кого их учили уважать как сверхъестественных существ, на самом деле были не людьми, а чудовищами, лишенными по своему положению человечности и даже сочувствия.

Затем два последующих министра предприняли несколько безуспешных попыток сохранить общественный кредит и изыскать ресурсы для покрытия государственных расходов и расточительства двора, когда короля убедили поставить во главе этих запутанных дел мнимого Калонна.

Во время расточительного правления этого человека, который действовал с дерзостью, свойственной высокомерию, свойственному людям поверхностных, но блестящих талантов, все соображения были принесены в жертву двору; великолепная глупость и беспричинная расточительность, о которых затмевало все, что было описано в истории или рассказано в романах для развлечения недоумевающих глупцов, только ускорили разрушение общественного кредита и ускорили революцию, вызвав шумное негодование народа. Бесчисленные разрушительные уловки того времени приносили деньги в государственную

казну только для того, чтобы быть растраченными королевской семьей и ее сворой паразитов; пока все не рухнуло, желание по-прежнему поддерживать себя в столь желанном положении, как должность генерального контролера финансов, побудило его созвать собрание *знати*, само название которого указывает на них как на людей, представляющих интересы аристократии.

Людовик XVI, обладавший значительной долей здравого смысла и желанием содействовать полезной реформации, хотя им всегда руководили те, кто его окружал, без колебаний отдал необходимые приказы о созыве собрания, что открыло усталой нации самую приятную перспективу, поскольку она была новой; но в то же время донесло до их изумленных умов осознание чудовищности *дефицита*, который череда пороков и безрассудств увеличила сверх всяких прецедентов.

Безнравственность Калонна, однако, вызвала всеобщее недоверие ко всем его планам: но с чрезмерной самонадеянностью, характерной для этого человека, он все еще думал, что сможет ловко добыть необходимые средства, чтобы привести в движение колеса правительства и утихомирить возмущение нации, предложив уравнивание налогов; что, унижая дворянство и почтенное духовенство, которые, таким образом, должны были быть низведены с их привилегированной высоты до уровня граждан, не могло не вызвать благодарности остальной нации. И парламенты, заключил он, не посмеют выступить против его системы, чтобы не навлечь на себя недоверие и ненависть общественности.

Не распространяясь о намерениях Калонна, которые самая широкая благотворительность, после его прежней расточительности, вряд ли могла бы считать интересами народа, умеренные люди вообразили, что этот проект мог бы принести много пользы; дать французам всю свободу, которую они были в состоянии переварить; и, предотвратив беспорядки, которые с тех пор привели к стольким катастрофическим событиям, хладнокровно подготовив их к восприятию большего, всплеск тщеславия и невежества не сделал бы их головы головокружительными, а сердца ожесточенными. Однако некоторые здравомыслящие наблюдатели, напротив, скорее придерживались мнения, что, поскольку люди осознали масштабы *дефицита*, они теперь были убеждены, что требуется конкретное средство, *новая конституция*, чтобы излечить зло, которое было наростом гигантской тирании, которая, казалось, высасывала жизненные соки из трудящихся, чтобы наполнить ненасытные пасти тысяч раболепствующих рабов и праздных подхалимов. Но хотя народ мог бы в настоящее время быть удовлетворен этой спасительной реформой, которая постепенно возымела бы эффект, исходя из аналогии, которую финансист не принял во внимание, дворянство было недостаточно просвещено, чтобы прислушаться к требованиям справедливости или благоразумия. Действительно, со времен Ришелье система министров состояла в том, чтобы смирять дворян, увеличивать власть двора; и поскольку министерство, генералы и епископы всегда были благородны, они помогали поддерживать фаворита, который подавлял все общество, только ради шанса на индивидуальное повышение. Но эта неприкрытая попытка отменить их привилегии развела вокруг его ушей рой шершней, жаждущих заполучить добычу, на которую они жили; ибо каким другим именем мы можем назвать пенсии, места и даже поместья тех, кто, обложив промышленность налогами, бунтовал от безделья без пошлин^[6]?

Приближающееся национальное банкротство было очевидной причиной созыва *знати* в 1787 году; но созыв, по правде говоря, следует приписать голосу разума, исходящему из органа двадцати пяти миллионов человеческих существ, которые, хотя и находились в оковах

отвратительной тирании, чувствовали, что кризис близок, когда права человека и его достоинство будут утверждены на вечном основании справедливости и человечности.

The *Знатные люди*, однажды собравшись, понимали, что их поведение будет проверено пробудившейся общественностью, которая теперь настороже, скрупулезно изучила каждую национальную проблему; и серьезно исследовали причины, вызвавшие *дефицит*, с чем-то вроде независимого духа свободных людей. Однако на их расспросы министр дал лишь уклончивый ответ, "что он действовал, повинаясь воле короля": "когда по всей Европе стало известно, что его величество был всего лишь фигурой в Версале; и даже обвинению, выдвинутому против Калонна Лафайетом в обмене национальными владениями и присвоении миллионов из их доходов в угоду королеве, графу д'Артуа и остальной клике, которая удерживала его на месте, все поверили. Фактически, государство было ограблено, чтобы поддержать неустанные требования королевы, которая хотела расчленить Францию, возвеличить Австрию и баловать своих фаворитов. Таким образом, при дворе, попустительствующем казнокрадству, министр вел беспроектную игру, в то время как честный труженик стонал от тысячи злоупотреблений и предоставлял утешение своим трудолюбивым или сбережения, которые юношеская сила приберегала на времена дефицита или дряхлости, для удовлетворения растущих потребностей легкомысленной, вероломной принцессы и алчности ее беспринципных агентов.

Этот искусный, хотя и слабый макиавеллистский политик не позволял никому другому приближаться к королю; который, проникнутый доверием его красноречия, не мог не быть ослеплен его правдоподобными планами. Тем не менее у него был могущественный враг, с которым нужно было бороться, в лице г-на де Бретея, который, удовлетворив некоторые мелкие страсти дофины во время ее первой борьбы за власть, теперь был защищен абсолютной властью королевы. Пытаясь помериться силами с ее министром, он был сбит с толку; и вся толпа льстецов, вкусивших от грабежа добычи, мгновенно насторожилась, чтобы открыть глаза Людовику, над которым они долгое время осыпали маком, и вскоре убедила его в вероломстве его фаворита; в то время как два привилегированных сословия объединили свои силы, чтобы сокрушить своего общего врага, приступив к мести в то самое время, когда они следовали велениям благоразумия.

Обвинения Лафайета, возможно, послужили мнимой причиной для общественности и даже для короля; однако вряд ли можно предположить, что они оказали какое-либо влияние на клику, которая изобрела или потворствовала планам, необходимым для постоянного пополнения запасов для своих удовольствий. Дело в том, что, скорее всего, его сочли неподходящим для этой задачи или он больше не хотел быть послушным орудием зла, и его выбросили в сторону как непригодного для использования.

Опозоренный, он быстро удалился в свое поместье; но ему недолго было позволено бороться с болезнью изгнанных министров в мрачной тишине бездействия; ибо, услышав, что парламент осудил его, он в порыве ярости бежал из королевства, осыпаясь проклятиями оскорбленного народа, в ненависти или восхищении которого редко можно увидеть смягченные оттенки рефлексии.

Расточительность его правления превосходила расточительность любого другого бедствия Франции; однако не похоже, чтобы им руководил план или даже желание обогатиться. Напротив, с дикой расточительностью он, по-видимому, растрачивал огромные суммы, которые

вымогал силой или обманом, просто для того, чтобы ублажить или купить друзей и иждивенцев; пока, совершенно измученный, он не был вынужден прибегнуть к схеме займов Неккера. Но, не обладая, подобно ему, доверием общественности, он не мог с такой же легкостью получить нынешнее предложение, тяжесть которого была бы перенесена вперед и стала бы камнем преткновения для его преемников. Неккер, благодаря выгодным условиям, которые он предлагал держателям денег, ввел пагубную систему биржевых спекуляций, которая постепенно обнаруживалась, потому что те, кто лучше всего мог открыть людям глаза, были заинтересованы в том, чтобы держать их закрытыми. И все же Калонне не смог убедить ту же группу людей довериться его предложениям; которые, не решившись принять, они решили дискредитировать, чтобы обеспечить проценты и непомерные премии, которые причитались ежедневно.

Обладая необычайной быстротой понимания и смелостью в осуществлении грубых планов, которые становятся правдоподобными благодаря риторическому потоку слов, Калонн, яркий представитель национального характера, по-видимому, скорее испытывал недостаток в принципах, чем в чувствах человечности; и его сбили с пути скорее тщеславие и любовь к удовольствиям, которые незаметно снимают моральные ограничения, чем те глубокие планы вины, которые заставляют людей видеть масштабы зла, которое они вынашивают, пока крокодил все еще находится в яйце. И все же, как человечество всегда судит по событиям, необдуманная самонадеянность, если не порочность его поведения, навлекла на него всеобщее порицание: ибо в кризис, когда всеобщие стоны угнетенной нации провозглашали болезнь государства, и даже когда правительство было на грани распада, разве он не растратил сокровища своей страны, забыв не только о моральных обязательствах, но и об узах чести, о том уважении к молчаливому доверию своих граждан, которое государственный деятель должен свято чтить? с тех пор его обласкали почти при каждом дворе Европы, и он стал одним из главных проводников деспотизма на набережной Круазад, направленного против зарождающейся свободы Франции.

Размышляя о поведении придворных чиновников, мы получаем возможность в значительной степени объяснить рабство в Европе и обнаружить, что ее нищета возникла не столько из-за несовершенства цивилизации, сколько из-за ошибочности тех политических систем, которые неизбежно превращали фаворита того времени в плутоватого тирана, стремящегося накопить богатство, достаточное, чтобы спасти себя от забвения, когда почести, за которые с таким трудом боролись, должны быть сорваны с его чела. Кроме того, в то время как министры находили безнаказанность во всемогуществе, которое давала им печать власти, и в тайном страхе перед теми, кто надеялся однажды получить такое же вознаграждение, распространенность развращенных манер привела их к совершению всевозможных чудовищных глупостей. Короли были одурачены министрами, любовницами, и секретаршами, не замечавшими хитрых камердинеров и коварных горничных, которые редко бездельничали; а они наиболее продажны, потому что у них меньше всего независимости характера, которую нужно поддерживать; пока в круговороте коррупции никто не может указать на первопроходца. Отсюда огромное упорство судов в их поддержке; отсюда их сильное неприятие республиканских форм правления, которые обязывают их министров нести ответственность за правонарушения; и отсюда же можно проследить их мучительные опасения перед доктриной гражданского равенства.

ГЛАВА III.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕ БРИЕННОМ. РОСПУСК НОТАБЛЕЙ. ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ И ГЕРБОВЫЙ СБОР, РЕКОМЕНДОВАННЫЕ ИМИ, НО ОТКЛОНЕННЫЕ ПАРЛАМЕНТОМ. ЛОЖА ПРАВОСУДИЯ. ПАРЛАМЕНТ СОСЛАН В ТРУА, НО ВСКОРЕ СКОМПРОМЕТИРОВАН ИЗ-ЗА ОТЗЫВА. БОРЬБА ПРИДВОРНОЙ ПАРТИИ ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ СОЗЫВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ. ИЗГНАНИЕ ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО И ДВУХ ЭНЕРГИЧНЫХ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА. COUR PLENIERE. ЗАМЕЧАНИЯ О ПАРЛАМЕНТАХ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА. ДЕПУТАТЫ ПРОВИНЦИИ БРИТАНИЯ ОТПРАВЛЕНЫ В БАСТИЛИЮ. СОЛДАТЫ НАПАЛИ НА НАРОД.

После отставки Калонна г-н де Бриенн, человек, таланты которого Тюрго переоценил, теперь был избран королевой, потому что раньше он разделял ее взгляды и все еще оставался раболепным рабом той власти, которой он так долго добивался, чтобы получить столь желанное место министра. Приложив больше усилий для получения должности, чем для подготовки себя к выполнению возложенных на него функций, его слабый и робкий ум пребывал в постоянном смятении; и он в полном замешательстве принял налоги, предложенные его предшественником; потому что деньги должны были быть, а он не знал, куда обратиться, чтобы раздобыть их нехитрым способом вымогательства.

The *Нотабли* были теперь распущены; и это было бы естественным следствием бездействия министра, который их собрал, даже если бы их энергичные расспросы не сделали их присутствие досадным для двора. Это, однако, было невежливой мерой, поскольку они с большим отвращением вернулись в свои соответствующие жилища, чтобы распространять свободные мнения, которые породили негодование и споры.

Перед распадом *нотаблей*, их, тем не менее, убедили рекомендовать земельный налог и гербовый сбор; и указы были отправлены в парламент для регистрации. Но эти магистраты, никогда не забывая, что они пользовались, в силу своей должности, привилегированным освобождением от налогов, чтобы избежать наказания за первое, что должно было быть таким же самозванством, воспользовались общественной одиозностью второго; таким образом, с демонстрацией патриотизма избегая открытого противодействия интересам народа, что ясно доказало бы, насколько дороже они ценили свои собственные.

Теперь, чтобы запугать парламент, яркое и меретричное великолепие двора демонстрировалось в так называемом ложе правосудия, хотя на самом деле всякое правосудие было торжественной насмешкой; и, хотя он делал вид, что консультируется с ними, эдикты были утверждены государственным мандатом. Парламент тем временем, ссылаясь на необходимость, заявил, что право санкционировать самозванство принадлежит только генеральным штатам, созыва которых они требовали. Спровоцированный их решительным сопротивлением, двор сослал их в Труа; и они пошли на компромисс в пользу своего отзыва,

зарегистрировав продление *deuxieme vingtieme*, трусливого бегства со своей прежней территории.

Столетие назад (доказательство прогресса разума) народ, переварив свое разочарование, подчинился бы с грубым молчаливым согласием величественной ВОЛЕ короля, не осмеливаясь исследовать ее значение; но теперь, признавая свое собственное достоинство, они настаивали, что всякая власть, исходящая не от них, незаконна и деспотична, и громко провозглашали великую истину — Что необходимо созвать генеральные штаты. Правительство, однако, подобно умирающему негодяю, отрезанному невоздержанностью, в то время как все еще остающаяся жажда наслаждений побуждает его истощать свои силы борьбой со смертью, еще некоторое время безуспешно боролось за существование, полагаясь на помощь придворных эмпириков, которые тщетно льстили себе надеждой, что смогут предотвратить его распад. Действительно, с того момента, как Бриенна сменила Калонна, все механизмы, какие только мог изобрести демон деспотизма, были приведены в движение, чтобы изменить течение общественного мнения, с непреодолимой силой распространяя на своей прекрасной груди новые чувства свободы и сокрушая, по мере того как оно разрасталось, гибнущие памятники почтенного безумия и хрупкие барьеры суеверного невежества.

Но припасов все еще не хватало; и двор, успешно использовавший хитрости для получения займа, который был необходимым рычагом в его коварных планах, объединился с некоторыми членами парламента, и соглашение должно было быть ратифицировано на *королевском сеансе*. Тем не менее, поскольку парламент решил, что им будет управлять явное большинство, схема хранителя печатей, который намеревался ускорить процесс, не сообщая о голосовании, потерпела полное поражение.

Разоблачение этой несправедливой попытки заставило возмущенных магистратов, обрадованных возможностью восстановить свою популярность, смело отстаивать свой собственный характер и интересы народа. Герцог Орлеанский также, несколько насмешливо намекнув королю, что это всего лишь еще одно ложе правосудия, был сослан вместе с двумя другими членами совета, которые храбро протестовали. Эти магистраты, ставшие теперь объектами общественного обожания, рассматривались благодарной публикой как их единственный оплот против нападков министерства, которое продолжало изводить изобретателей, изобретать средства противодействия стечению обстоятельств, которые гнали перед ними всякую оппозицию.

Двор, поскольку я считаю, что правительству в этот период пришел полный конец, продолжал совершать одну ошибку за другой, пока, наконец, не возложил все свои надежды на народные реформы, намеченные Бриенном совместно с Ламуаньоном, человеком с более сильным характером, чтобы умаслить народ и сокрушить парламент. Несколько ударов, слабых ударов разгневанных людей, которые все еще хотели сохранить украденные сладости власти, были направлены против этого органа, рассчитанного на то, чтобы ввести в заблуждение людей, которым также был обещан реформированный кодекс уголовных законов. Но время, когда частичные средства правовой защиты были бы жадно приняты, прошло, и люди отчетливо видели, что их воля вскоре станет законом, а их власть всемогущей. Но министр Бриенн, не зная об этом, чтобы избежать дальнейшей оппозиции, предложил план *пленарного заседания*: разнородного собрания принцев, дворян, магистратов и солдат. Счастливая замена, как он себе представлял, парламенту, который, восстановив древние формы правления королей

Франции, внушал бы благоговейный трепет и забавлял народ. Он не учел, что их умы теперь были заняты другими предметами, и их энтузиазм перешел в другое русло.

Это поведение оказалось более разрушительным для суда, чем любая предыдущая глупость, совершенная его советниками. Идиотизм теперь характеризовал все меры. Парламент, однако, попал в ловушку и утратил уважение и доверие народа, воспротивившись некоторым популярным эдиктам; в частности, одному в пользу протестантов, которого они сами требовали десять лет назад и против которого они теперь возражали только потому, что он исходил от другой стороны. Тем не менее, двор, независимо от опыта, пытался восстановить свою репутацию путем преследований; в то время как, предпринимая все противоречивые движения, которые мог продиктовать страх, чтобы продемонстрировать свою власть и внушить благоговейный страх нации, он объединил все партии и привлек все королевство к одному действию.

Деспотические и экстравагантные шаги, предпринятые для повышения эффективности *пленарного заседания*, пробудили чувствительность самых вялых; и бдительность двадцати пяти миллионов сентинелей была поднята, чтобы следить за передвижениями двора и следовать за его коррумпированными министрами по всем лабиринтам софистики и уклонений, в самые логова их гнусных махинаций. Чтобы помешать различным парламентам обсудить и, как следствие, выработать план совместных действий, эдикт о наказании этого переполненного кабинета министров должен был быть представлен им всем в один и тот же день; и были собраны значительные силы, чтобы запугать членов, которые осмелились бы проявить неповиновение. Но они были вовремя предупреждены, чтобы не быть застигнутыми врасплох и не согласиться: поскольку, получив намек на замысел, копия эдикта была украдена из прессы с помощью универсального двигателя коррупции - денег.

Подогретые открытием этой тайной попытки обманом заставить их к слепому повиновению, они связали себя клятвой действовать согласованно и не регистрировать декрет, полученный через посредника, который нарушал привилегию, которую они узурпировали, участвовать в законодательстве, сделав их санкцию на эдикты необходимой для придания им силы: привилегию, которая принадлежала только генеральным штатам. Тем не менее, поскольку правительство часто находило удобным превращать парламенты в замену власти, которую они боялись увидеть в действии, эти магистраты иногда пользовались этой слабостью, чтобы протестовать против угнетения; и таким образом, прикрывая узурпацию респектабельной завесой, двенадцать парламентов рассматривались народом как единственные барьеры для сопротивления посягательствам деспотизма. И все же проницательный канцлер Лопиталь, не обманутый их случайной полезностью, оберегал французов от их незаконных амбиций: ибо не было ли опасной любезностью со стороны народа позволять адвокатской аристократии, покупавшей свои места, быть как бы единственными представителями нации? И все же их сопротивление часто становилось препятствием на пути тирании, а теперь вызвало дискуссию, которая привела к самому важному из всех вопросов, а именно: в чьих руках должна находиться верховная власть? — кто должен взимать налоги и издавать законы? — и ответом было всеобщее требование справедливого представительства, которое должно собираться в установленные сроки, не завися от каприза исполнительной власти. Неспособное достичь своей цели искусством или силой, слабое министерство, уязвленное разочарованием, решило, по крайней мере, отомстить двум самым смелым членам церкви. Но объединенные магистраты, оспаривавшие власть вооруженных сил, были вынуждены отправиться в Версаль, чтобы

заставить короля подписать специальный приказ; и к пяти часам следующего утра святилище правосудия было осквернено, и двух членов парламента, презрев видимое возмущение народа, потащили в тюрьму. Вскоре после этого, в довершение всех провокаций, депутация, посланная провинцией Бретань с протестом против создания *пленарного суда*, была приговорена к заключению в Бастилии.

Не имея денег и боясь потребовать их, разве что окольным путем, придворные, подобно безумцам, тратили себя на праздное применение силы: ибо в то время, как граждане Парижа сжигали чучела двух несносных министров, которые таким образом оскорбили их в лице своих должностных лиц, они были отданы на растерзание наемным рабам деспотизма и растоптаны кавалерией, вызванной для подавления намеренно возбужденного бунта.

Крики ужаса и негодования раздались по всему королевству; и нация в один голос потребовала справедливости — увы! справедливости никогда не знали во Франции. Возмездие и мстительность были его роковыми заменителями. И с этой эпохи мы можем датировать начало тех массовых убийств, которые навлекли на эту преданную страну столько ужасных бедствий, научив людей мстить за себя кровью!

Надежды нации, правда, все еще были обращены к обещанному созыву генеральных штатов, которые с каждым днем становились все более необходимыми. Но обезумевшие министры, хотя и были неспособны изобрести какой-либо план, чтобы выпутаться из массы трудностей, в которые они опрометчиво вляпались, не могли и думать о созыве власти, которая, как они предвидели, без какой-либо дальновидности, быстро уничтожит их собственную.

Между тем брожение продолжалось, и пролитая кровь только усилила его; более того, граждане Гренобля со спокойствием приготовились противостоять силе силой, и мирмидоны тирании могли бы посчитать это серьезным состязанием, если бы известие об отставке министров не вызвало одного из тех моментов энтузиазма, который благодаря самому быстрому проявлению симпатии объединяет все сердца. Тронутые этим, люди, жившие за счет резни, бросали оружие и заливались слезами в объятиях граждан, которых они пришли убивать, вспоминали, что они соотечественники, и стонали под тем же гнетом; и их поведение, которому быстро зааплодировали с тем пылом чувствительности, который возбуждает подражание, послужило примером для всей армии, заставив солдат задуматься о своем положении, и могло бы послужить благотворным уроком любому двору, менее развращенному и бесчувственному, чем версальский.

ГЛАВА IV.

НЕККЕР ВСПОМИНАЛ. ЕГО ХАРАКТЕР. НОТАБЛИ СОБРАЛИСЬ ВО ВТОРОЙ РАЗ. КОАЛИЦИЯ ДВОРЯНСТВА И ДУХОВЕНСТВА В ЗАЩИТУ СВОИХ ПРИВИЛЕГИЙ. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ПОДДЕРЖКУ ЯРУСОВ-ЕТАТ. ОБЩИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕФОРМЕ, О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЕВРОПЫ И О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ.

Таковы были меры, принятые для того, чтобы вывести из себя народ, начинающий открывать глаза и теперь шумно требующий восстановления своих давно отчужденных прав; когда суд, тщетно пытаясь запугать или обмануть их, счел целесообразным утихомирить бурю, отозвав

Неккера. Этот человек пользовался доверием Франции, которое он в какой-то степени заслужил за тот свет, который он пролил на состояние доходов и на систему экономики, которую он пытался внедрить во время своего прежнего правления; но, к сожалению, он не обладал талантами или политической проницательностью, достаточными для управления государством в это опасное время. Воспитанный в конторе, он приобрел знание деталей и внимание к небольшим преимуществам, столь необходимым, когда человек желает разбогатеть благодаря тому, что называется честным характером; и, накопив очень большое состояние благодаря неослабному трудолюбию; или, если воспользоваться коммерческим выражением, *вниманию к главному шансу*, его дом стал прибежищем литераторов своего времени.

Слабости богатого человека всегда поощряются, иногда, возможно, незаметно, его многочисленными иждивенцами и посетителями, которые находят его стол забавным или удобным. Поэтому неудивительно, что, обладая способностями сносного финансиста, он вскоре был убежден, что является великим писателем и непревзойденным государственным деятелем. Кроме того, когда нравы нации очень развращены, люди, которые хотят казаться и даже быть более нравственными, чем толпа, в целом становятся педантично добродетельными; и, постоянно противопоставляя свою мораль окружающим их бездумным порокам, формируется искусственный, ограниченный характер сектанта; манеры становятся жесткими, а сердце холодным. Обманутые также своей надуманной добродетелью, многие люди резко называются лицемерами, которые всего лишь слабы; а популярность часто кружит голову тем, кто трезво исполнял бы обычные обязанности человека в тени частной жизни.

Приняв робкой рукой многие из мудрых планов своего образца, ясноголового, бесстрастного Тюрго, Неккер считался большей частью нации непревзойденным политиком: неудивительно и то, что люди, вырванные из уныния, ошибочно оценили его политические познания, сравнив их с познаниями величайшего государственного деятеля, которого когда-либо производила Франция или, возможно, любая другая страна.

Написав статью на тему, которая, естественно, привлекла внимание публики, у него хватило тщеславия поверить, что он заслужил преувеличенные аплодисменты, которые ему раздавали, и репутацию мудреца, хотя он был всего лишь проницательным. Не довольствуясь известностью, которую он приобрел, написав на тему, которую его склад ума и профессия позволяли ему понять, он пожелал добиться большей известности, объединив в большую книгу различные метафизические обрывки аргументов, которые он почерпнул из разговоров людей, любящих остроумные тонкости; и стиль, за исключением некоторых декламационных пассажей, был настолько же раздутым и запутанным, насколько мысли были притянуты за уши и не связаны между собой^[7].

Поскольку именно с этого периода мы должны датировать начало тех великих событий, которые, опережая ожидания, почти лишили наблюдателей дыхания, становится необходимым приступить к выполнению задачи с осторожностью; поскольку задачей историка должно быть не столько заполнение очерка, сколько прослеживание скрытых пружин и секретного механизма, приведших в движение революцию, самую важную из когда-либо зарегистрированных в анналах человечества. Это был кризис, который требовал смелости и точности; и ни один человек во Франции, за исключением Неккера, не имел репутации человека, обладающего обширными политическими талантами, потому что старая система правления едва ли предоставляла поле, на котором способности людей могли бы раскрыться, а

их суждения вызревать на опыте. И все же, пока в королевстве царило величайшее брожение, он, по-видимому, не думал ни о чем, кроме тех робких промежуточных мер, которые всегда оказываются губительными в отчаянных случаях, когда рана требует, чтобы ее задели за живое.

Старое правительство представляло собой тогда лишь обширные развалины; и в то время как его столпы дрожали на своих безосновательных основаниях, взоры всей Франции были устремлены на их обожаемого министра. В этой ситуации, со всем своим прежним эмпиризмом, он начал свою вторую карьеру, как другой Санградо. Но люди больше не могли выносить кровотоечения — их вены были уже настолько разорваны, что трудно было найти место для нового надреза; а смягчающих средств, которые применялись в прежние времена, теперь было недостаточно, чтобы остановить прогрессирующую смертельную болезнь. В этой ситуации, прислушиваясь к голосу нации, поскольку он был в растерянности, какой шаг предпринять, чтобы сохранить свою популярность, он решил ускорить созыв генеральных штатов: сначала отозвать изгнанных магистратов и вернуть парламентам выполнение их функций. Следующей его заботой было рассеять все опасения по поводу голода; опасения, которые были искусно нагнетены придворными агентами, чтобы иметь предлог сформировать запасы провизии для армии, которую они ранее решили собрать в окрестностях Парижа.

До сих пор он, по-видимому, действовал, по крайней мере, с некоторой степенью осмотрительности; но, не обращая внимания на огромную силу, которую тогда приобрело общественное мнение, он колебался относительно способа образования генеральных штатов, в то время как парламент принял указ о недопущении их созыва любым другим способом, чем это было сделано в 1614 году. С этим упрямым стремлением издавать законы для нации больше нельзя было мириться, когда они выступали против воли народа: и все же, руководствуясь общим инстинктом корпоративных организаций, они воспользовались прецедентами, которые доказали их правоту, вызвав всеобщее презрение; ибо геркулесова сила всей империи теперь устраняла все препятствия на пути к свободе.

В этот критический момент министр, пользовавшийся большой популярностью, имел возможность, если бы он управлял двором, предложить систему, которая в конечном итоге оказалась бы приемлемой для всех сторон; и таким образом предотвратить ту ужасную судорогу, которая сотрясала королевство от края до края. Вместо этого он во второй раз созвал *знаменитостей*, чтобы высказать свое мнение по вопросу, в отношении которого общественность уже приняла решение, не осмеливаясь сам одобрить это решение. Самое сильное доказательство, которое он мог привести, это то, что его ум не был достаточно гибким, чтобы расширяться вместе с открывающимися взглядами народа; и что он не обладал глазом гения, который, быстро различая все возможное, позволяет государственному деятелю действовать с твердым достоинством, опираясь на свой собственный центр.

Увлеченные общим порывом, с необдуманной пылостью людей, чьи сердца всегда черствеют по мере их охлаждения, когда их согревает какой-нибудь внезапный порыв энтузиазма или симпатии, *знатные люди* своим последующим поведением показали, что, хотя красноречие побудило их поддержать некоторые вопросы патриотического толка, у них не было принципов, необходимых для того, чтобы заставить их отказаться от местных преимуществ или личных прерогатив ради блага всего сообщества, участие в котором им со временем предстояло разделить. В самом деле, романтическая добродетель, или дружба, редко выходит за рамки

профессий, потому что это просто следствие любви к подражанию великим, а не к приобретению умеренных качеств, свойственных тщеславным людям.

The *Знатным* людям предстояло теперь решить два важных вопроса, а именно: урегулировать порядок избрания и порядок последующего голосования. Население и богатство нескольких провинций, благодаря коммерческим выгодам и другим причинам, придали стране новое лицо со времени предыдущих выборов; настолько, что, если бы сохранялось старое деление, представительство не могло бы не быть очень неравным. И все же, если следовать естественному порядку населения, великий вопрос о голосовании приказами или раздачей голосов, казалось, был предreshен значительным увеличением числа членов *ярусов-etat*.

Дворяне и духовенство немедленно сплотились вокруг стандарта привилегий, настаивая на том, что Франция будет разорена, если будут затронуты их *права*. И теперь они были настолько верны своим частным интересам, что все комитеты, в которые входили *нотабли*, за исключением того, председателем которого был *месье*, были настроены против того, чтобы *уровни-это* такое увеличение власти, необходимое для того, чтобы они могли приносить пользу. В то время как, однако, эти споры и интриги, казалось, не обещали скорого решения, народ, уставший от проволочек и испытывающий отвращение к препятствиям, постоянно воздвигаемым на пути заседания генеральных штатов судом, который всегда тайно работал, чтобы вернуть себе пустяковые привилегии, которыми он якобы жертвовал ради общего блага, начал собираться и даже решать предыдущий вопрос, совещаясь вместе в нескольких местах. Дофин подал пример, и три ордена, объединившись, набросали план организации всего королевства, который послужил образцом для других провинциальных штатов и послужил основой для работы учредительного собрания при формировании конституции. Хотя слух об этом распространился повсюду, двор, все еще пребывавший в такой тупой безопасности, что не видел, что люди, которые в то время осмеливались думать самостоятельно, теперь не будут закованы в петлю, как звери, когда сила подчинена разуму, с удивлением наблюдал прибытие депутатий из разных стран и с изумлением слышал смелые голоса людей, говорящих о своих правах, прослеживающих общество до его истоков и живописующих самыми яркими красками ужасные грабежи старого правительства. Ибо после того, как умы людей были утомлены придворными уловками, слабыми мерами министра и узкими, эгоистичными взглядами парламентов, они с жадностью изучали произведения ряда способных писателей, которые ежедневно выпускали памфлеты из прессы, чтобы взволновать *tiers-état*, отстаивать свои права на расширенных принципах и энергично выступать против непомерных притязаний привилегированных сословий, которые отстаивали древние узурпации, как если бы они были естественными правами определенного *рода*. человека. Работы аббата Сийеса и маркиза де Кондорсе были самыми философскими, в то время как елейное красноречие Мирабо смягчало эти сухие изыскания и разжигало пламя патриотизма.

При таком положении дел Неккер, видя, что народ набрался решимости, убедил совет постановить, что число депутатов *нижних этажей* должно быть равно числу депутатов двух других сословий, вместе взятых; но будут ли они голосовать палатами или в одном органе, все еще оставалось неопределенным.

Люди, чье терпение было истощено травмами и оскорблениями, теперь думали только о подготовке инструкций для своих представителей.—Но вместо того, чтобы стремиться к постепенному улучшению, позволяя одной реформе спокойно порождать другую, они,

казалось, были полны решимости разом поразить корень всех своих несчастий: объединенные бедствия необузданной монархии, излишне многочисленного духовенства и чрезмерно разросшегося дворянства: и эти поспешные меры, ставшие предметом философского исследования, естественно, сводятся к двум различным темам исследования.

первое. Если, исходя из прогресса разума, мы будем уполномочены заключить, что все правительства будут улучшены, а счастье человека поставлено на прочную основу, постепенно подготавливаемую совершенствованием политической науки; если унижительные различия в рангах, рожденные варварством и вскормленные рыцарством, действительно станут в глазах всех здравомыслящих людей настолько презренными, что скромный человек в течение пятидесяти лет, вероятно, покраснел бы от такого различия; если цвет нравов в Европе полностью изменится по сравнению с тем, что было полвека назад, а свобода ее граждан снизится. сносно обеспеченный: если с каждым днем расширяющаяся свобода будет все прочнее утверждаться вследствие всеобщего распространения истины и знаний: тогда государственным деятелям кажется неблагоприятным форсировать принятие какого-либо мнения, стремясь к скорейшему разрушению упрямых предрассудков; потому что эти преждевременные реформы, вместо того чтобы способствовать, разрушают комфорт тех несчастных существ, которые находятся под их властью, предоставляя в то же время деспотизму сильнейшие аргументы для противопоставления теории разума. Кроме того, объекты, предназначенные для отправки, вероятно, задерживаются, в то время как суматоха внутренних беспорядков и гражданских разногласий приводит к самым ужасным последствиям — принесению в жертву человеческих жертв.

Но, в конце концов, необходимо заметить, что, если вырождение высших слоев общества таково, что никакое средство, менее чревато ужасами, не может привести к радикальному излечению; и если, наслаждаясь плодами узурпации, они властвуют над слабыми и всеми доступными им средствами сдерживают любые гуманные усилия, направленные на то, чтобы вывести человека из состояния деградации, в которое его погрузило неравенство судьбы; люди имеют право прибегать к принуждению, чтобы отразить принуждение. И, далее, если можно будет удостовериться, что молчаливые страдания граждан мира под железными ногами угнетения больше, хотя и менее очевидны, чем бедствия, вызванные такими жестокими потрясениями, какие произошли во Франции; которые, подобно ураганам, проносящимся над ликом природы, лишают ее всего ее цветущего изящества; может быть, политически справедливо продолжить те меры, которые были приняты этой возрождающейся страной, и сразу же выкорчевать те вредные растения, которые отравляют лучшую половину человеческого счастья. Ибо цивилизация до сих пор, создавая неравенство условий, которое делает богатство более желанным, чем таланты или добродетели, настолько ослабила все органы человеческого тела-политические, и превратила человека в такого хищного зверя, что сильные всегда пожирали слабых, пока само значение справедливости не было упущено из виду, а на его место не пришла благотворительность, самая показная система рабства. Богатые веками тиранили бедных, уча их, как действовать, когда они обладают властью, и теперь должны почувствовать последствия. Несчастье делает людей свирепыми, а мизантропия всегда является порождением недовольства. Пусть тогда счастье одной половины человечества не строится на несчастье другой, и гуманность заменится милосердием и всеми показными добродетелями вселенской аристократии. Как, в самом деле, мы можем ожидать, что люди будут жить вместе, как братья, когда в обществе мы видим только господина и слугу? Ибо до тех

пор, пока люди не научатся взаимно помогать, не управляя друг другом, политические объединения мало что смогут сделать для улучшения условий существования человечества.

Европа, вероятно, еще несколько лет будет пребывать в состоянии анархии, пока перемена настроений, постепенно подрывающая твердыни обычаев, не изменит нравы, не разжигая мелких страстей людей, своры визжащих псов, изнеженных тщеславием и гордыней. На самом деле это мелкие страсти, которые во время летнего безделья ложатся на сердце и портят атмосферу, потому что понимание остается прежним.

Несколько актов свирепого безрассудства справедливо навлекли много дискредитации на великую революцию, произошедшую во Франции; и все же я уверен, что смогу доказать, что люди по сути своей добры, и что знания быстро развиваются до такой степени совершенства, когда гордые отличительные черты искушенных дураков будут затмеваться мягкими лучами философии, и человек будет рассматриваться как человек, действующий с достоинством разумного существа.

Из беспрекословного подчинения своим суверенам французы внезапно превратились во всех суверенов; однако, поскольку для людей естественно бросаться из одной крайности в другую, мы должны остерегаться предположения, что дух момента не испарится и потревоженная вода останется более прозрачной для брожения. Люди без принципов поднимаются, как пена во время шторма, искрящаяся на вершине волны, в которой она вскоре поглощается, когда суматоха стихает. Анархия - это страшное состояние, и все здравомыслящие и доброжелательные люди были с тревогой внимательны, наблюдая, как французы воспользуются своей свободой, когда беспорядок, связанный с приобретением, утихнет: и все же, в то время как сердце сжимается от подробностей преступлений и безумств, а разум приходит в ужас от труда распутывать черную ткань заговоров, которая демонстрирует человеческий характер с самой отвратительной точки зрения, возможно, трудно заставить себя поверить, что из этой хаотичной массы поднимается более справедливое правительство, чем когда-либо создавалось. прелести социальной жизни в мире.— Но у вещей должно быть время, чтобы найти свой уровень.

AN

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА II.

ГЛАВА I.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕДОВОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИИ —ДВОРЯН, ВОЕННЫХ, ДУХОВЕНСТВА, ФЕРМЕРОВ В ЦЕЛОМ. ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ. ИСКУССТВО ПРИДВОРНЫХ. АССАМБЛЕЯ ШТАТОВ. БЕСПОРЯДКИ В ПАРИЖЕ. ОТКРЫТИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ. Король говорит!. ОТВЕТ ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧАТЕЙ. РЕЧЬ МИСТЕРА НЕККЕРА. ОСПАРИВАНИЕ РЕЖИМА СОБРАНИЯ. НЕГЛАСНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ПРЕССЫ. ПОПЫТКА СУДА ОГРАНИЧИТЬ ЕЕ. ДЕПУТАТЫ ОБЪЯВЛЯЮТ СЕБЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ.

Прежде чем мы перейдем к грандиозному делу, вызванному заседанием генеральных штатов, необходимо ретроспективно взглянуть на притеснения, на которые французы так громко жаловались; и, хотя мы прослеживаем их справедливость, вопрос будет заключаться только в том, почему они раньше не подняли свои плечи, чтобы сбросить с себя этот могучий груз. Чтобы установить эту истину, нам не нужно углубляться в исследования, хотя может быть трудно собрать воедино все звенья феодальной цепи, которая связывала деспотизм шестидесяти тысяч дворян, которые не только осуществляли всю тиранию, разрешенную системой, но и поощряли еще более масштабные грабежи своих многочисленных подданных. Что, в самом деле, может сравниться с рабством бедного земледельца; не только разграбленного законами о тайге и охотничьем хозяйстве, но даже вынужденного позволять целым стаям голубей пожирать его зерно, не осмеливаясь уничтожать их, потому что эти голуби принадлежали замку; а затем вынужденного нести скудный урожай для сбора на мельницу *of monseigneur*, который, следуя жизненному укладу француза на всех этапах налогообложения, должен затем выпекаться в привилегированной печи?,,

Возможно, было бы придиричливо останавливаться на некоторых отвратительных условиях личного рабства, которые, хотя и устарели, не были отменены; тем более что действовали более показательные, если не менее изматывающие, не менее унижительные поборы, развращавшие каждое моральное чувство двух слоев общества: управляющих и управляемых.

Когда человек, изгнанный из страны, главной прелестью которой является независимость, такими тревожными ограничениями желает заняться каким-либо занятием в городе, он должен предварительно приобрести патент у какого-нибудь привилегированного лица, которому этот налог был продан генеральным фермером или паразитом министра.

Все жили грабежом; и его универсальность дала ему санкцию, которая сняла ненависть, хотя ничто не могло смягчить несправедливость. И все же, такова была нечувствительность великих, что удовольствия, доставляемые этими поборами, были не менее приятны для чувств, потому что оплачивались в поте лица. — Нет; подобно отвратительному налогу Веспасиана, деньги есть деньги; и кого заботило, на что они взимались? Таким образом, богатые неизбежно становились грабителями, а бедные - ворами. Говоря о чести, честность была упущена из виду; и, поскольку обычай давал мягкие названия различным зверствам, мало кто считал своим долгом исследовать пренебрегаемые принципы или отказаться от своей доли награбленного, чтобы удовлетворить романтическую необычность взглядов, которая вызывала скорее насмешки, чем подражание.

Военные, вредители в каждой стране, были и здесь сплошь благородными и объединились со ста тысячами привилегированных лиц разного звания, чтобы поддерживать свою прерогативу получения дохода, который мертвым грузом ложился на сельское хозяйство; в то время как они не были обязаны прямым образом что-либо предпринимать для покрытия государственных расходов.

Повинность, барщина, обязанность поставлять лошадей для перевозки войск из одной части королевства в другую, даже когда это наиболее необходимо на ферме; ограничения в ведении сельского хозяйства, столь же несправедливые и досадные; были наложены только на лодыжки рабочих. Деятельность, постоянно сдерживаемая такими различными ограничениями, вместо того чтобы подкрепляться поощрением, была воздвигнута непреодолимая преграда на пути сельскохозяйственных улучшений; ибо каждый индивид, изолированный угнетением, жил, строго говоря, впроголодь, не заботясь о том, чтобы накапливать удобства ценой экстраординарного труда, когда наслаждение зависело от стольких жертв. И все же, так и не начав осознавать последствия, люди, вероятно, не осознали причину; и только восклицали против новых предписаний, потому что они не мыслили достаточно глубоко, чтобы обнаружить старые.

Кроме того, Франция содержала двести тысяч священников, объединенных тем же духом распущенности; которые предавались всем порочным удовольствиям скрытой безнравственности, в то же время они обнимали народ, освящая самые дьявольские предрассудки; империи которых приносились в жертву все соображения справедливости и политического совершенствования.

К злу такого масштаба добавились язвенные черви, которые прятались за монастырскими стенами. Ибо шестьдесят тысяч человек, которые, отрекшись от мира, перерезали нить природы, служили опорой духовенству, получавшему более четверти урожая всей Франции, независимо от владений, которыми оно обладало, а они были огромны. И эта группа людей, пиявки королевства, идолы невежд и палладиум тирании, не внесла ни фартинга в поддержку гидры, которую они стремились защитить, как стража самих себя. Демонстративно хвастаясь своим милосердием, в то же время упиваясь добычей обмана, совершая самое гнусное святотатство, вся их жизнь была насмешкой над доктринами, которым они учили и которые притворялись, что почитают. Помимо этих и других неприятностей, почти бесчисленных, одно переплеталось с другим; каждая мелкая монополия способствовала укреплению массивной структуры деспотизма, который поднял голову вопреки времени и разуму. Действительно, многое зависело от каприза представителей привилегированных сословий, которыми двор мог управлять по своему желанию, время от времени давая им подзатыльник, чтобы заставить замолчать любое раздраженное рычание.

Были также генеральные фермеры с их армией из пятидесяти тысяч сборщиков, которые своим способом взимания и накопления доходов усиливали угнетение, самое жестокое, какое только можно было изобрести, потому что сами принципы этого общества вели к самому гнусному казнокрадству; и безнаказанность обеспечивалась коалицией грабителей, этим множеством чиновников, чьи семьи и льстецы все жили и жирели на добыче, полученной в их постоянной войне с правосудием. И, в то время как интересы народа постоянно приносились в жертву парламентами, суды низшей инстанции были еще более продажными, потому что состояли из

тех судебных практиков, которые разрастаются, как икра на гниющих телах, когда государство становится коррумпированным.

Таковы были обиды!— Такие обложения, ‘которые, взятые вместе, обложили королевство налогом,’ говорит Рабо, - который воображение боится подсчитать’. Эту группу людей мы можем рассматривать как составляющую Францию до тех пор, пока основная масса людей, которые были рабами и карликами, сбросив свои оковы и поднявшись в росте, внезапно не появилась с достоинством и претензиями человеческих существ: Да; С теми же чувствами; или, возможно, более сильными, потому что более естественными; и претендующими на равные права с теми дворянами, которые, подобно великанам древности, были великими только благодаря любезности воображения. Кто настолько бессердечен к интересам человечества, чтобы утверждать, что это не было благородным возрождением? Кто настолько поглощен эгоистичными страхами, чтобы не почувствовать прилив тепла, видя, как жители огромной империи поднимаются из низшего состояния звериной деградации на вершину, где, созерцая зарю свободы, они могут вдохнуть бодрящий воздух независимости, который даст им новое строение ума? Кто настолько находится под влиянием предрассудков, чтобы настаивать на том, что французы - это особая раса, созданная природой или привычкой быть рабами и неспособная когда-либо проникнуться теми благородными чувствами, которые характеризуют свободный народ? Когда их зарождение бросилось в глаза на выборах в генеральные штаты, которые были подготовительной борьбой за то, чтобы изменение мнения привело к существенным изменениям в правительстве.

Теперь шесть миллионов человек были в движении, чтобы выбрать депутатов и подготовить их инструкции; и на этих собраниях палата общин начала свою политическую карьеру, обсуждая на новой почве темы, которые быстро стали единственными интересными во всем королевстве.

В некоторых местах три ордена, собиравшиеся вместе, казалось, решали важный вопрос о равенстве представителей, но, в общем, первые две палаты старались упорно защищать свои пошатнувшиеся prerogatives, а третья с осторожной ревностью требовала удовлетворения претензий, которые, как они едва ли могли ожидать, другие назовут столь резким именем.

В палате представителей знати, хотя и разделенной на различные звания, царило полное благопристойное; низшие из них долгое время плохо переносили властную наглость тех принцев и пэров, которые надменно оспаривали каждый шаг чести. Тем не менее, все согласилось отказаться от своих денежных привилегий и в туманных выражениях присоединились к общественному голосу, требуя принятия конституции.

Те же разногласия произвели более заметный эффект среди духовенства: значительные беспорядки были следствием борьбы приходских священников, общинников этого ордена, за то, чтобы иметь должный вес на чаше весов; и их успех казался верным предвестником того поворота, который должны были принять дела в стране. Фактически, каждая епархия стала центром мелкого деспотизма, более раздражающего, чем большая, потому что находилась рядом с каждым человеком; и приходские священники, которые не стремились к привилегиям, наиболее угнетенные, возглавляли авангард в новой борьбе за равенство; в то время как неуважение к митре прокладывало путь к презрению к короне.

Каким бы неделимым ни было до сих пор духовенство, неприличная гордыня сановников церкви на этом этапе привела к расколу, который побудил большинство духовенства перейти на

сторону народа, в то время как лишь незначительное меньшинство знати покинуло общее дело партии. Приходские священники, по сути, со времени своего избрания представлялись резервным корпусом для третьего сословия; там они добивались того влияния, в котором им было отказано в их собственной палате, находя себя более близкими по интересам и склонностям к этому ордену, чем к богатым пасторам, которые, отделяя овец от козлиц, приказывали им держаться в стороне, поскольку обладали меньшим богатством - святостью этого сословия, как и всех других. Избрание столь многих представителей низшего духовенства, несмотря на угрозы и интриги их многочисленных начальников, было поразительным доказательством того, что могущество церкви шло на убыль и что народ начинал ощущать свою собственную силу. Беспорядки в то время казались раскатами надвигающейся бури; и ораторы, сформированные в этих провинциальных собраниях, чтобы впоследствии фигурировать в национальных, были поощрены аплодисментами к упорству.

Имея в виду то же самое, единообразие настроений сквозило во всех инструкциях третьего сословия; в основном они касались привилегий двух других сословий: ибо на этих злоупотреблениях держались самые популярные публикации, вселявшие убеждение в умы страдающих людей. Знаменитый памфлет, написанный аббатом Сийесом, выдержал шестьдесят изданий; и герцог Орлеанский, задетый за живое королевской семьей, приложил немало усилий для распространения мнений, которые были далеки от его собственных; таким образом, со слепым честолюбием он стремился свергнуть двор, руины которого обрушились на его собственную голову.

Но настроение нации, измученной страданиями и подогретой этими дискуссиями, настолько превысило их разум, что побудило избирателей с поспешным рвением проинструктировать своих представителей требовать немедленного пресечения множества злоупотреблений, не заботясь о последствиях.—К сожалению, так всегда поступают разгоряченные страсти; ибо в порыве исправить злоупотребления одно слишком часто лишь заменяется другим. Так трудно внушить раздраженным умам спасительные уроки опыта! И люди настолько склонны в момент действия бросаться из одной крайности в другую, не принимая во внимание, что сильнейшая убежденность разума не может быстро изменить привычки тела, не говоря уже о манерах, которые постепенно вырабатывались определенными способами мышления и действия.

Однако вся нация в один голос призвала к конституции, устанавливающей равные права как основу свободы; и для защиты от грабежей фаворитов, независимо от того, нападали ли они на личность или собственность. Таким образом, свобода печати и отмена *lettres de cachet* были, в общем, статьями, последовавшими за положительным судебным предписанием об ограничении права на налогообложение представительным органом нации. Был рекомендован институт присяжных заседателей, и депутатам было предложено принять во внимание, нельзя ли уменьшить количество смертных приговоров или полностью отменить их; были сделаны замечания о пагубной тенденции лотерей и о досадных препятствиях, создаваемых на пути торговли барьерами и монополиями. Короче говоря, все протестовало против тирании и несправедливости двора, знати и духовенства, разоблачая один вид угнетения и распространяясь на другой; однако среди этих многочисленных неприяженных заявлений только молитвы и восхваления были адресованы королю; и ничто так не ставило под сомнение их искренность, как взгляд на республиканство .

Чтобы отвлечь надвигающуюся бурю от того, чтобы она не разразилась над их головами, заговорщики решили возложить все свои надежды на помощь иностранных войск, которые они собирали из разных частей королевства, не желая доверять французским солдатам, которые принимали облик граждан. Между тем, с обычным придворным коварством они продолжали забавлять депутатов, пока не смогли сокрушить их сразу и эффективно разрушить надежды народа. Человеческое сердце от природы доброе, хотя так часто бывает обмануто страстью. — Ибо, хотя его чувства изощренны или подавлены; хотя голова замышляет самые черные козни; даже в тишине одиночества, кто прошепчет себе, что он злодей? Не попытается ли он, подобно дьяволу Мильтона, найти проклятую ссылку на необходимость, чтобы скрыть свою вину? — отдавая дань уважения, вопреки себе, вечной справедливости, которую он нарушает под предлогом самосохранения. Но не только добродетели человека, те меняющиеся оттенки, с цветом которых невозможно определить, провозглашают его врожденное достоинство. Нет; его пороки несут на себе ту же печать божественности: и необходимо извратить понимание, прежде чем сердце сможет сбиться с пути истинного. Мужчины точно так же лениво перенимают привычку думать о своем дне, не взвешивая его. Таким образом, те самые придворные, которые могли хладнокровно созерцать резню, которая, должно быть, была следствием сбора иностранных войск, потому что это было продолжением установленного порядка вещей, с тех пор начали, вероятно, с настоящим ужасом, с созерцания бойни, которую производило само их упорство. Такова обманчивость человеческого сердца, и так необходимо прояснить голову, чтобы сделать чистыми принципы действия.

Однако депутаты, которых в основном собирали из отдаленных уголков страны, стали в своих деревнях стойкими сынами независимости. И, хотя мания французов обожать своего монарха распространилась на все части королевства, это лишь придавало веселья аплодисментам за уютными столами, хозяевами которых они были; или активности танцам, которые были настоящим взрывом живого духа. Очень отличается от похотливых провокаций порока, демонстрируемых в опере, которые, разрушая социальные привязанности, которые привязывают людей друг к другу, подавляют весь общественный дух; ибо что такое патриотизм, как не расширение семейных симпатий, ставших постоянными благодаря принципу? Кроме того, писания, пробудившие дух этих людей, немного опьянили их мозг. Таково, по большей части, пагубное воздействие красноречия, что, убеждая вместо того, чтобы убеждать, великолепие воодушевления, которое оно вызывает, омрачается тем ложным великодушием, которое тщеславие и невежество постоянно принимают за истинное возвышение души; хотя, подобно палящим лучам солнца после дождя, оно высушивает до бесплодия сердце, эмоции которого слишком быстро иссыкают.

Придворные, презирая их деревенщину и по-прежнему считая людей символами, продолжали выполнять обычную рутину служебных обязанностей, регулируя церемонии приема; все это имело тенденцию оскорблять третье сословие и показывать, что с представителями привилегированных сословий по-прежнему следует обращаться так, как если бы они были отдельным классом существ. Наглость такого поведения не могла не вызвать искреннего негодования и задеть тщеславие тех, кто широко обсуждал права человека; хотя они и были немного смущены церемонией, которая их сковывала, они были вынуждены ежеминутно вспоминать, что они равны этим придворным; и краснели даже перед самими собой, что могли на мгновение прийти в благоговейный трепет от такой детской пышности. Они были не столько поражены пышностью Версаля, сколько возмущены надменностью двора, великолепие которого было доказательством того, до какой степени они обнищали народ, который теперь

требовал освобождения. Поэтому, проникнутые новыми представлениями о независимости, которые заставляли их отвергать любую идею о различии людей, они воспользовались большинством, предоставленным им советом, и начали спланировать свои силы. Видя также, что, действуя решительно, они пользуются доверием народа, который, забыв *да здравствует король*, восклицал только *да здравствуют тиры-etat!*— они с каждым днем становились все тверже.

Придворные немедленно выбрали дом свиданий, где они должны были регулярно согласовывать наилучшие меры по подавлению растущего могущества палаты общин; и они, не без доли недоверия, которое характеризует нацию, собирались в разных местах, пока взаимный интерес не объединил их в той, которую выбрали депутаты от Бретани. Аналогично, неуважение, о котором свидетельствовали приказы относительно их одежды, подготовило их к презрению, которое им суждено было получить, будучи разделенными, подобно индийским кастам, среди которых человек боится быть оскверненным прикосновением низшего: ибо, верный закоренелому предубеждению в пользу прецедентов^[8], знать была нарядно одета для показа, в то время как палате общин было глупо приказано носить черную мантию, которая отличает юристов. Но, как только волна мнений меняется, все способствует ускорению ее хода.

Перед заседанием генеральных штатов вопрос, который должен был в первую очередь взволновать различные интересы, должны ли они голосовать приказами или опросом, был настолько тщательно обсужден, что во многих инструкциях он стал одной из главных статей. Ибо для нации было очевидно, что, если бы различным орденам было разрешено собираться в своих отдельных палатах, каждый из которых был наделен старой привилегией оспаривать решения двух других, их можно было бы обмануть обещаниями реформ, в то время как придворная казна пополнялась демонстрацией законности. На самом деле придворной партии было благоразумно отстаивать эту позицию, потому что это казалось единственным способом свести на нет все планы реформации, которые наносили удар по их авторитету. Таким образом, это было подготовительное мероприятие, с помощью которого они должны были помериться своими силами; и, слава Богу! энергия, проявленная в этом случае, всегда проявлялась представителями этих введенных в заблуждение людей.

Мы видели, как заговоры этого слабого, своевольного кабинета повсюду терпели поражение, и проследили их кровавые следы; но мы обнаружим, что они все еще верны своему следу, снова прибегая к насилию, когда обман был бесполезен.

Чтобы создать предлог для ловкого ввода значительных военных сил, во время созыва генеральных штатов в Париже вспыхнули два или три мятежа, в ходе которых погибло много безрассудного населения. Один из них, в частности, хотя и все еще окутанный тенью тайны, вызвал большое замешательство и значительную резню как раз накануне их встречи.

Уважаемый фабрикант в пригороде Парижа, с самой честной репутацией, нанимал на работу нескольких бедняков, которым щедро платил; однако против этого человека усердно распространялись какие-то досужие истории, хорошо продуманные, чтобы ввести людей в заблуждение и вывести из себя, потому что они затрагивали их тщеславие и их самую насущную нужду - нехватку хлеба. Редкостью, реальной или мнимой, этого предмета всегда пользовались те, кто хотел вызвать беспорядки в Париже; и в этот момент одураченные парижане восстали по наущению придворных агентов, чтобы покончить с собой. Бунту было позволено разгореться до того, как были предприняты какие-либо серьезные попытки его подавления, что сделало

необходимым вмешательство небольшой армии, к чему и стремились, и утвердило мнение, что буйная толпа должна испытывать благоговейный страх перед присутствием войск, пока генеральные штаты совещаются.

Во время этого накала страстей или, по крайней мере, когда он начал спадать, генеральные штаты были открыты 5 мая 1789 года тронной речью, к которой придворные, пользуясь обычной фразеологией, естественно прикрепили бы эпитет *-милостивый*. Король начал с бессердечного заявления о своем удовлетворении оттого, что видит себя окруженным представителями народа; а затем, перечислив тяжелые долги нации, значительная часть которых была накоплена за время его правления, он добавил одну из тех праздных лживостей, которые украшали его декламацию, не бросая никому пыли в глаза, *что это было сделано ради благородного дела*; в то время как это было печально известно, это дело следовало бы считать самым бесчестным, если бы власть до сих пор не была истинным философским камнем, превращающим самые низкие поступки в безупречную честь. Впоследствии он сослался на дух новаторства, овладевший умами людей, и общее недовольство, взбудоражившее нацию: но, как это принято при дворах, диктуя и одновременно делая комплименты, он заверил их, что полагается на их мудрость и умеренность; завершив словами *"конечно, смиренный слуга королей"*, заявление о своей приверженности общественному благу.

Оставленная без внимания речь хранителя печатей, как и ответ, обычно произносимый королю в палате общин Англии, была лишь отголоском речи его величества, в которой он рекомендовал умеренность в мерах, принятых для пресечения злоупотреблений правительства, с необходимым количеством панегириков доброте короля.

Внимание и аплодисменты, однако, ожидали Неккера, хотя за ними последовали усталость и отвращение. Он говорил три часа, представив со своей обычной помпезностью ряд тривиальных замечаний; пытаясь таким образом за туманом риторических оборотов уйти от темы, которую он боялся затрагивать, поскольку в равной степени опасался оскорбить суд и желал сохранить свою репутацию в глазах народа. Не было произнесено ни слова относительно исключительного права генеральных штатов взимать налоги - первого требования нации. И люди, которые в течение некоторого времени не говорили ни о чем, кроме свободы и реформ, были удивлены и недовольны тем, что он избегал любых упоминаний о новой конституции. Склоняясь на сторону привилегированных слоев населения, он утверждал, что способ обсуждения и голосования на отдельных собраниях является опорой нации — и все же, осторожно добавляя остроты, чтобы иметь предлог использовать другой язык в случае необходимости, он заметил, что *иногда* лучше проводить опрос. Это несвоевременное руководство, естественно, вызвало недовольство обеих сторон, как это всегда бывает, когда люди со слабыми, сложными характерами, у которых не хватает смелости поступать правильно, хотят иметь наглость, чтобы отважиться на порицание, которое последовало бы за открытым признанием их нерешительных мнений; или, скорее, их решимости хорошо держаться с сильнейшими. Остановившись на финансовом положении, он заверил их, что государственного банкротства можно легко избежать; и что даже *the дефицит*, который был преувеличен Францией и Европой, составлял всего пятьдесят шесть миллионов; и он покажется менее значительным, когда они вспомнят, что со времени его правления доход увеличился на двадцать пять миллионов. Правда, при рассмотрении деталей выяснилось, что большая часть этой суммы все еще находится в перспективе; и в то же время она должна была быть увеличена за счет налогов, которые, как надеялись все добропорядочные граждане, вскоре исчезнут.

Короче говоря, французы, восторженно поаплодировав этому блестящему виду с высоты птичьего полета, заметили, пожав плечами с *хладнокровием*, "что эти гипотетические ресурсы были просто верой и надеждой при условии, что они будут благотворительными". В отношении отмены привилегий, которые воевали с человечеством, он использовал некоторые из тех же иезуитских аргументов, которые используются противниками отмены позорной торговли рабами; что, поскольку эти привилегии были своего рода собственностью, необходимо было отказаться от них. добейтесь компенсации, отступного, прежде чем с ними можно будет покончить - по справедливости.

Таким образом, дух справедливости — трудно сдержать негодование, нападая на подобные софизмы, — всегда возмущался насмешливым уважением к эгоизму; ибо, не отбрасывая возражений, достаточно доказать, что определенные законы несправедливы, потому что ни одно правительство не имело права их издавать; и, хотя во времена невежества они могли получить то, что называется юридической санкцией, "долг заключается в нарушении, а не в соблюдении". Кроме того, эти жалкие доводы являются оскорблением здравого смысла и причиняют горе народу. Где, в самом деле, французы или англичане могли бы найти фонд для выплаты компенсаций привилегированным орденам или плантаторам? Таким образом, злоупотребления должны продолжаться до истечения срока давности — из чистого уважения к святости общественной веры!

Так говорили король и Неккер; но эти обращения, вместо того чтобы примирить, только усилили упорство обеих сторон, так что яростный спор о порядке голосования вспыхнул немедленно, когда они собрались, чтобы образовать законное собрание. На следующий день даже депутаты третьего сословия собрались в общем зале и согласились, что трем орденам следует приступить к проверке своих полномочий совместно; ясно понимая, что, если бы орденам когда-то разрешили вести дела по отдельности, союз был бы невозможен, и все их усилия по выработке конституции были бы недействительными, если бы они попытались сделать основой равенство прав. Дворянство и духовенство не присоединились к палате общин, они решили возобновить свое заседание на следующее утро; только как совокупность отдельных лиц, не имевших власти действовать, еще не носивших политического характера. Само это соревнование, казалось, призывало их поддержать их притязания на равенство, потому что оно решительно предупреждало их, что все их действия окажутся совершенно бесполезными, если они позволят приказам проверять друг друга. Наиболее здравомыслящие члены палаты общин придерживались мнения, что все ожидания постоянной реформы были химеричны, если все представительство не было сформировано в неделимое собрание, и поощряли более нерешительных упорствовать; хотя знать 13-го числа дала им понять, что они убедились в законности своих выборов.

Однако духовенство, разделившееся в своих интересах, действовало более осторожно; и самые проникательные из них, видя, что их орден становится несносным для народа, который теперь обожествлял третье сословие, предложили создать примирительный комитет с целью, как они утверждали, способствовать хорошему взаимопониманию между всеми сторонами. Король также, в свою очередь, когда знать отвергла посредничество духовенства, предложил план примирения; могущественное ничто, которое выдвинул двор. Но эта бочка, брошенная киту, не отвлекла внимания ни одной из сторон от главной цели; хотя дворяне, многие из которых были в курсе приближения армии, на случай, если дело дойдет до крайности, притворились, что соглашались; но в то же время тщательно охраняли все свои древние притязания; и эта

неискренность навлекла на них всеобщую ненависть, которой они заслуживали, смешанную с презрением, которое всегда вызывает безрезультатная борьба. Примирительные меры, по сути, были в то время всего лишь торжественным фарсом; хотя духовенство, довольно коварно, чтобы снискать расположение народа, сетуя на высокие цены на хлеб, потребовало, чтобы депутаты от трех сословий встретились, чтобы обсудить, как можно уменьшить это недовольство. Депутаты палаты общин с подобающим достоинством, сдержанные благоразумием, стояли на своем; и, ловко отразив хитрый удар, нанесенный по их популярности, они объяснили духовенству, что это был еще один мощный мотив, заставивший их умолять все партии сплотиться вокруг одного и того же вопроса, чтобы исправить зло, которое возбуждало в их сердцах равное сочувствие.

Бездействие, вызванное этими спорами, не могло не воспламенить общественное мнение, тем более что свежие публикации ежедневно подпитывали его. Ибо свобода печати теперь была негласно установлена, и самые свободные чувства высказывались с пылом поверхностного знания вопреки судебным манифестам. Тем не менее, в качестве доказательства того, что суд просто терпел в течение сезона то, чего они не могли предотвратить, журнал заседаний генеральных штатов был остановлен специальным распоряжением; чтобы избежать этого, он был продолжен в форме писем Мирабо своим избирателям.

Этот запрет, вероятно, был продиктован желанием успокоить провинции в оцепенении невежества, в котором они так долго дремали; но было неблагоразумно привлекать внимание строгими мерами, которые, будучи быстро отменены, имели совершенно противоположный эффект, возбуждая, а не утешая, дух сопротивления. В действительности взоры всей Франции были в настоящее время обращены к палате общин. Надежды нации основывались на ее великодушии; и будущее счастье миллионов зависело от их стойкости. Именно при таком положении вещей они предоставили всему миру и потомкам убедительное доказательство того, что от представителей народа требуются только энергия и аккуратность, чтобы придать достоинство их действиям и обезопасить их от происков всех объединенных сил деспотизма.

По прошествии почти пяти недель, когда терпение нации было совершенно истощено задержкой, палата общин решила представить королю обращение, написанное Мирабо, с объяснением их мотивов, а затем перейти к делу. Но предварительно они в последний раз послали депутацию к другим орденам, чтобы пригласить их еще раз собраться в общем зале, чтобы вместе проверить их полномочия; добавив, что, если они не явятся, они должны представиться и действовать соответствующим образом. Это решение стало смертельным ударом по власти двух других палат и ударило прямо в корень всех различий.

Дворяне, чья закоренелая гордыня и невежество помешали им присоединиться к третьему сословию на первом собрании депутатов, теперь с ужасом увидели, что их власть и влияние, подобно заплесневелым свиткам их родословной, рассыпаются в прах. Духовенство, однако, более ловкое, или, вернее, несколько приходских священников, мало-помалу откликнулись на призыв и направились в зал. Не может быть никаких сомнений в том, что палата общин на первом заседании и долгое время после него с радостью объединилась бы с дворянами; таким образом, последние сохранили бы многие из своих привилегий и вес в нации, необходимый для того, чтобы воспрепятствовать тому перевесу на стороне народа, который, как было легко предвидеть, привел бы ко многим эксцессам. Этот вывод подтверждается постоянным опытом, поскольку обычно случается, что люди, не руководствующиеся практическими знаниями, в каком бы деле они ни занимались, опрометчиво бросаются из одной крайности в другую. И,

конечно, из-за состояния раболепия, в которое была погружена французская нация, следовало ожидать возмездия или, по крайней мере, опасаться необузданной свободы. Подобно мальчикам, выгнанным из школы, они, возможно, пожелают удостовериться в своей свободе, совершая озорные поступки и демонстрируя полное пренебрежение к произвольным командам, которые подавляли их настроение, не проявляя их понимания. Однако глупое высокомерие дворян лишило их, прежде чем это было определено разумом, этих праздных различий во взглядах, символов варварства, которые еще не были полностью изношены из уважения.

Министр, все еще боявшийся действовать независимо от двора, обвинил это энергичное поведение палаты общин в безрассудстве, которое король не должен был санкционировать. И все же они, твердые и решительные, хотя и опасавшиеся, что придворный, подобно умирающему дикарю, смертельно раненному своим врагом, может во время агонии смерти нанести им отчаянный удар, приняли самые благоразумные меры предосторожности, чтобы не раздражать падающего врага. Но поскольку эти мягкие резолюции были ошибочно приняты обезумевшей знатью, которая смешивала истинную силу духа умеренности с трусостью, жребий был брошен, и депутаты провозгласили себя *НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ*.

Энтузиазм воспламенил каждое сердце и распространился подобно мысли от одного конца королевства до другого. Самой новизны этой меры было достаточно, чтобы воодушевить народ менее непостоянный, чем французы; и, возможно, невозможно составить точное представление о том восторге, который это решение вызвало во всех уголках империи. Европа также с удивлением услышала то, что разнеслось по Франции, вызвав самые живые эмоции; и потомки должны с удивлением читать рассказ о безумствах и зверствах, совершенных двором и знатью в тот важный кризис.

Общественный договор Руссо и его замечательная работа о происхождении неравенства среди человечества были в руках всей Франции, и ими восхищались многие, кто не мог проникнуть в глубину рассуждений. Короче говоря, они были выучены наизусть теми, чьи головы не могли постичь цепочку аргументов, хотя они были достаточно ясны, чтобы ухватить основные идеи и действовать в соответствии с их убежденностью. Возможно, великое преимущество красноречия состоит в том, что, производя впечатление на умы, подверженные только эмоциям, оно придает крылья медленной поступи разума и огонь холодному труду исследования. И все же можно заметить, что по мере того, как развивается понимание, ум становится все более привязанным к осуществлению исследования и сочетанию абстрактных идей. Дворяне Франции также читали эти сочинения для развлечения; но они не оставили в их умах следов убеждения, достаточно сильного, чтобы преодолеть те предрассудки, которыми своекорыстие так дорожило, что они легко убедили себя в их разумности. Дворянство и духовенство со всеми их иждивенцами, находившимися под влиянием тех же чувств, составляли значительную часть нации, на остальных они смотрели с презрением, считая их всего лишь травой на земле, необходимой для украшения природы, но пригодной только для того, чтобы ее топтали ногами. Но эти презираемые люди начинали осознавать их реальное значение и с упором повторяли удачное сравнение аббата Сейеса, 'что знать подобна растительным опухолям, которые не могут существовать без сока растений, которые они истощают'. Тем не менее, в общении с аристократами углы гордости, которые только время могло бы незаметно сгладить, были, возможно, слишком грубо отброшены, поскольку безумие различий быстро изнашивалось само по себе и, вероятно, постепенно растаяло бы перед

рациональными мнениями, которые постоянно укреплялись, плодонося на почве по мере того, как они растворялись; вместо этого ураганом было нанесено разрушение по мере того, как оно падало.

Многие офицеры, служившие в Америке во время последней войны, видели жителей целой империи, живущих в состоянии совершенного равенства; и вернулись, очарованные их простотой и честностью, представителями справедливого правительства, построенного на прочном фундаменте равной свободы, чтобы оценить правильность или политику другой системы. Убежденные в своей бесполезности как дворяне, они, воспламененные любовью к свободе, поддерживали взгляды палаты общин сердцем и голосом. Но придворные льстецы и большая часть знати, которые были в полном невежестве во всем, что не входило в искусство жить в постоянном круговороте удовольствий, не чувствуя пропасти, на которой они стояли, поначалу не отступали ни на шаг, чтобы спастись; и это упрямство было главной причиной, приведшей ко всей новой организации конституции, созданной национальным собранием. Французы в действительности достигли, благодаря порокам своего правительства, той степени ложной утонченности, которая делает каждого человека в его собственных глазах центром мира; и когда этот грубый эгоизм, эта совершенная порочность преобладает в нации, должна произойти абсолютная перемена; потому что ее члены утратили цемент человечности, который держал их вместе. Все остальные пороки - это, собственно говоря, избыточная сила, силы, растрачиваемые впустую; но это болезненное пятно показывает, что в сердце есть смерть. Какой бы, на самом деле, ни была мудрость или глупость смешанного правительства короля, лордов и общин, это не имеет значения для современной истории; потому что кажется достаточно очевидным, что аристократия Франции уничтожила саму себя из-за невежественного высокомерия своих членов, которые, запутавшись в густом тумане предрассудков, не могли разглядеть ни истинного достоинства человека, ни духа времени.

Также заслуживает внимания, что возрождение французского правительства в этот кризис зависело от стойкости национального собрания в начале борьбы, ибо, если бы партия придворных одержала верх, палата общин пребывала бы в своем обычном состоянии незначительности, и все их действия оказались бы всего лишь торжественным фарсом. Они закутались бы в свои черные мантии, как стадо работников похоронного бюро на похоронах, просто для того, чтобы раболепным шагом следовать за праздной кавалькадой к месту ее упокоения; и люди увидели бы только возрождение своей древней тирании, облаченной в новые одеяния.

ГЛАВА II.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПРИСТУПАЕТ К ДЕЛУ. ОППОЗИЦИЯ ЗНАТИ, ЕПИСКОПОВ И ДВОРА. ОБЪЯВЛЕН КОРОЛЕВСКИЙ СЕАНС, И ЗАЛ СОБРАНИЯ ОКРУЖЕН СОЛДАТАМИ. УЧАСТНИКИ СОБИРАЮТСЯ НА ТЕННИСНОМ КОРТЕ И КЛЯНУТСЯ НИКОГДА НЕ РАСХОДИТЬСЯ, ПОКА НЕ БУДЕТ ЗАВЕРШЕНА КОНСТИТУЦИЯ. БОЛЬШИНСТВО ДУХОВЕНСТВА И ДВОЕ ДВОРЯН ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ПАЛАТЕ ОБЩИН. КОРОЛЕВСКИЙ СЕАНС. Король говорит!. ЭНЕРГИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОБРАНИЯ. РЕЧЬ МИРАБО. ЛИЦА ДЕПУТАТОВ ОБЪЯВЛЕНЫ НЕПРИКОСНОВЕННЫМИ. МЕНЬШИНСТВО ДВОРЯН ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПАЛАТЕ ОБЩИН. ПО ПРОСЬБЕ КОРОЛЯ МЕНЬШИНСТВО ДУХОВЕНСТВА ДЕЛАЕТ ТО ЖЕ САМОЕ, И, НАКОНЕЦ, ЗА НИМ СЛЕДУЕТ БОЛЬШИНСТВО ЗНАТИ — ХАРАКТЕР КОРОЛЕВЫ ФРАНЦИИ, КОРОЛЯ И ЗНАТИ. ЛЕКЦИИ О СВОБОДЕ В ПАЛЕ-РОЯЛЬ. ПАРИЖ ОКРУЖЕН ВОЙСКАМИ. ДУХ СВОБОДЫ ПРОНИКНУТ В СОЛДАТ. ОДИННАДЦАТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ГВАРДЕЙЦЕВ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ТЮРЬМУ ЗА ТО, ЧТО НЕ ХОТЕЛИ СТРЕЛЯТЬ В НАСЕЛЕНИЕ, И ОСВОБОЖДЕНЫ НАРОДОМ. ПРОТЕСТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ. КОРОЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРЕНЕСТИ СОБРАНИЕ В НУАЙОН, ИЛИ СУАССОН. НЕККЕР УВОЛЕН. ГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖИЛО. НА НАСЕЛЕНИЕ В САДУ ТЮИЛЬРИ НАПАЛ ПРИНЦ ЛАМБЕСК. НОЧНЫЕ ОРГИИ В ВЕРСАЛЕ.

Третье сословие, образовав национальное собрание, приступило теперь к делу со спокойной рассудительностью, принимая во внимание насущные потребности государства. Внимательно следуя также своим инструкциям, они сначала объявили, что все налоги, не введенные с согласия представителей народа, являются незаконными; а затем дали временную санкцию на нынешние сборы, чтобы избежать роспуска одного правительства до того, как они сформируют другое. Затем они обратили свое внимание на следующий по важности объект и заявили, что, как только, в согласии с его величеством, они будут в состоянии установить принципы национального возрождения, они займются рассмотрением и ликвидацией национального долга; тем временем было объявлено, что государственные кредиторы находятся под надежной охраной чести французской нации. Эти указы завершались решением о том, что ассамблея, которая теперь стала активной, должна посвятить свои первые минуты расследованию причин дефицита, поразившего королевство, и поиску наиболее быстрого и эффективного средства правовой защиты.

Знать, епископы и, фактически, весь двор теперь всерьез начали спланировать все свои силы, убежденные, что стало необходимым противопоставить их объединенным силам палату общин, помешать им добиться своего.

Палата духовенства в течение нескольких дней обсуждала вопрос о том, где они должны подтвердить свои полномочия. Некоторые из них в ходе этой дискуссии, по-видимому, продвинулись вперед, нащупывая свой путь; ибо, когда они теперь разделились, большинство решило присоединиться к национальному собранию.

Встревоженный перспективой такого объединения, один из членов палаты, которая почти присвоила себе законодательную прерогативу знати, предложил обратиться к королю с просьбой распустить генеральные штаты; в то время как дело народа было там энергично поддержано меньшинством, незначительным по численности, но сильным аргументами, воодушевленным популярностью, которую их смелое заявление не могло не вызвать во время господства энтузиазма.

Это был момент, полный великих событий. Двор все еще полагался на уловки и, испытывая к представителям народа крайнее презрение, делал вид, что в какой-то степени уступает мольбам нации, хотя и давал понять, что король - единственный источник правосудия и что он выполнит все, чего могут разумно потребовать его верные подданные. Уловка, столь же очевидная, сколь и замысел, была вопиющей; ибо в тот момент, когда они притворялись, что видят какую-то причину в своих требованиях, они оберегали себя от получения единственной вещи, которая могла обеспечить их права, - равного представительства; с этой целью они организовывали вредные советы, состоящие из персонажей, наиболее неприятных в глазах народа. На этих собраниях было решено развлекать общественность до тех пор, пока не будет собрана армия; и тогда, в случае упрямства, они навлекут на себя последствия. Соответственно, 20 июня, в день, когда большинство духовенства должно было присоединиться к палате общин, герольд объявил о *королевском сеансе*; и отряд стражи окружил зал национального собрания, чтобы позаботиться (таков был поверхностный предлог) о том, чтобы он был должным образом подготовлен к приему короля. Депутаты подошли к дверям в обычное время; но только президенту (Байи) и секретарям было разрешено войти, чтобы забрать свои бумаги; и они увидели, что скамейки уже убраны и что все входы охраняются большим количеством солдат.

Преследование редко ослабляет мужество; и решительные и энергичные действия ассамблеи в этот день нанесли решительный удар придворным уловкам. Правда, во время первой суматохи удивления некоторые депутаты говорили о том, чтобы немедленно отправиться в Марли, пригласить короля присоединиться к ним и в поистине отеческой манере объединить его власть с их властью для содействия общественному благу; и таким образом, энергично взывая к его сердцу и пониманию, убедить его, что они говорят на языке истины и разума. Но другие, более искушенные в министерских уловках, спокойно посоветовали перенести заседания на соседний теннисный корт. Ибо они знали, что сердца придворных укреплены ледяными предрассудками; и что, хотя момент сочувствия, приток живой крови может в одно мгновение растопить их, это только сделает их еще более черствыми, когда пройдет отблеск сердечного жара.

Собравшись на теннисном корте, они подбадривали друг друга; и, действуя единым духом, в присутствии аплодирующей толпы они торжественно взяли за руки и призвали Бога в свидетели, что не расстанутся, пока не будет завершена конституция. Благословения, слетавшие с уст каждого и искрящиеся слезами радости из всех глаз, придавали новую силу героизму, который возбуждал их, вызывали прилив чувств, который разжигал пламя патриотизма во всех общественных чувствах. Застенки деспотизма и штыки, заточенные для резни, тогда одинаково игнорировались даже самыми боязливymi; пока в один из таких моментов бескорыстного забвения личных интересов все не посвятили себя содействию общественному счастью, пообещав до последней крайности сопротивляться всем усилиям такой закоренелой тирании. Послали за отсутствующими депутатами, и одного, который оказался болен, пришлось нести самому, чтобы его слабый голос присоединился к общему

крику. И сами солдаты, не повинувшись своим офицерам, стали добровольными сотнями у входа в святилище свободы, жадно впитывая настроения, которые впоследствии распространили по своим гарнизонам.

Это унижение, нанесенное третьему сословию, не могло не вызвать нового чувства отвращения к Парижу и придать новый импульс воодушевлению народа в целом. Однако такое энергичное поведение палаты общин вызвало при дворе лишь высокомерное презрение. Ибо веселые круги настолько погрязли в утонченной деликатности и брезгливом уважении к изысканным манерам, что они не могли обнаружить великодушия даже в обращении крестьянина или лавочника, не говоря уже о величии в собрании, независимо от церемоний. И чтобы самим не испытывать недостатка в этом отношении, *королевский сеанс* перенесли на другой день, чтобы можно было убрать галереи, которые были возведены национальным собранием для размещения зрителей.

Это был еще один неразумный шаг со стороны кабинета министров, потому что это дало время духовенству объединиться с палатой общин, которая искала место, достаточно вместительное для размещения такого органа. Наконец, собравшееся в церкви духовенство во главе с несколькими епископами и двумя дворянами Дофина присоединились к ним; и это место, по-видимому, придававшее святость их союзу, имело тенденцию укреплять в более благородной форме решение, принятое на теннисном корте.

На следующий день *королевский сеанс* действительно состоялся со всем внешним великолепием, обычно демонстрируемым на подобных представлениях; которые до сих пор едва ли можно было назвать пустыми, потому что они производили желаемый эффект. Но публика, обратившая свое внимание на другие вещи, теперь с презрением смотрела на то, что раньше внушало почти идолопоклонническое уважение. Депутатам третьего сословия снова было приказано войти через отдельную дверь, и их даже заставили значительное время стоять под проливным дождем. Люди, которые были полностью исключены, объединились в группы, делая возмущенные комментарии по поводу неоднократных оскорблений, нанесенных их представителям, и все умы точно так же содрогались от пустой попытки внушить им мнение об их незначительности; когда сами усилия, приложенные для этого, свидетельствовали об их растущей значимости в государстве.

Целью речи короля по этому поводу было аннулировать всю работу национального собрания и предложить определенные льготы в качестве приманки к подчинению, которые король намеревался предоставить народу; как будто, замечает Мирабо, 'права народа были милостями короля'. Затем было зачитано заявление о его суверенной воле и волеизъявлении, в котором, предприняв коварную попытку лишить собрание доверия общественности, он заявил, что, если они покинут его, он обеспечит счастье своего народа без их помощи, зная смысл инструкций, данных депутатам. Первым пунктом благожелательных *намерений* короля было предоставление генеральным штатам полномочий по снабжению припасами; однако было тщательно оговорено, что он должен состоять из трех орденов, которые должны были голосовать в соответствии с древним порядком. Выдвигались и некоторые другие благотворные планы реформ, но всегда с искусными изменениями, которые позволили бы старым злоупотреблениям прочно закрепиться. Например, налоги должны были взиматься одинаково; однако осторожное уважение к собственности санкционировало почти все остальные феодальные привилегии; и абсолютная отмена *официальных документов*,^[9] хотя его величество желал обеспечить личную

свободу, было указано, что это несовместимо с общественной безопасностью и сохранением чести частных семей. Свобода печати была признана необходимой; но генеральным штатам было предложено указать способ сделать ее совместимой с должным уважением к религии, морали и чести граждан. Суть всех остальных статей была той же; начиная с плана реформы и заканчивая *если и но*, которые должны были сделать его недействительным. Затем, перейдя к главной цели собрания, король завершил свою речь словами, забыв, что сейчас не время воображать себя правителем Константинополя: "Я *приказываю* вам немедленно разойтись и присутствовать каждому из вас завтра в зале, отведенном для вашего ордена, чтобы возобновить там ваши заседания; и, следовательно, я приказал великому распорядителю церемоний распорядиться подготовить залы".

Большинство знати и меньшинство духовенства подчинились этому безапелляционному приказу и подобострастно следовали за королем, как тренированные лошади его двора. Члены национального собрания, однако, остались сидеть, храня молчание, более угрожающее и устрашающее, чем *Я хочу* или *приказываю* кабинету министров; когда вошел великий церемониймейстер и, обратившись к президенту, напомнил ему от имени короля о приказе немедленно разойтись. Председатель ответил, 'что собрание создано не для того, чтобы получать приказы от кого бы то ни было', но Мирабо, которому этот ответ показался слишком сдержанным, восторженно и, обращаясь к посланнику, сказал: 'Да, мы слышали о намерениях, которые король был вынужден высказать; и вы не можете быть его представителем в этом собрании. — Вы, у кого нет ни места, ни права говорить, не должны напоминать нам о его речи. Однако, чтобы избежать всяких двусмысленностей или задержек, я заявляю вам, что если вам будет поручено заставить нас уйти отсюда, вы должны потребовать приказа применить силу; ибо только штык может заставить нас покинуть наши места'. Трудно представить себе пыл, вызванный этим стремительным красноречием. Этот огонь передавался от груди к груди, в то время как по округе пробежал шепоток, что то, что только что произнес Мирабо, нанесло завершающий удар революции.

Последовали жаркие дебаты; и когда собрание заявило о своей приверженности прежним декретам, аббат Сийес сказал в своей сухой, убедительной манере: 'Джентльмены, сегодня вы те же, кем были вчера'. Затем Мирабо внес предложение, предложившее в качестве разумной меры предосторожности против действий отчаянной интриги объявить личность каждого депутата неприкосновенной; и после небольшого обсуждения оно было принято единогласно.

С этого момента мы можем считать нацию и двор находящимися в состоянии открытой войны. В распоряжении двора были все вооруженные силы империи, насчитывавшие, по меньшей мере, 200 000 человек. У народа, напротив, были только голые руки, воодушевленные, правда, новорожденной любовью к свободе, чтобы противостоять разнообразному оружию тирании. Но армия, разделявшая общую нищету, не была глуха к жалобам или доводам своих сограждан: и они были особенно склонны рассматривать их с самодовольством, потому что справедливое опасение или благоразумная предусмотрительность побудили многие народные собрания включить в свои инструкции пункт, рекомендующий увеличить жалованье солдатам. Признанный таким образом согражданами, этот класс людей, которых европейские деспоты старались держать на расстоянии от других жителей, выделяя их в отдельный класс, угнетать и развращать остальных, начал чувствовать интерес к общему делу. Но суд, который либо не мог, либо не захотел объединить эти важные факты, опрометчиво бросился в те самые зыбучие пески, в которые они тщетно пытались загнать палату общин.

Поскольку Неккер не присутствовал вместо себя на *королевском сеансе*, это придало окраску распространявшемуся в течение некоторого времени слуху о том, что он намеревается уйти из министерства: так что, когда король вернулся, за ним следовала огромная толпа, которая не могла скрыть своего недовольства. Под влиянием того же страха ряд депутатов поспешили к Неккеру, чтобы умолять его не уходить в отставку. И когда ужас усилился, королева, которая всегда первой отказывалась от своих планов, когда появлялась тень личной опасности, послала за ним; и, чтобы лучше прикрыть проект кабинета, убедила его не покидать свой пост. Цель кабинета у него либо не хватило проницательности разгадать, либо у него не хватило великодушия отказаться от должности, которая в равной степени удовлетворяла его гордость и алчность. Эта мера имела тенденцию успокаивать умы людей, хотя и подрывала их дело; ибо, доверяя честности этого министра, который обещал "жить или умереть с ними", они не понимали, что ему нужна энергия души, необходимая для того, чтобы он мог действовать в соответствии с принципами, которые он исповедовал. Однако дело свободы, как показали обстоятельства, не зависело от талантов одного или двух человек. Таково было решение нации; и махинации европейских тиранов еще не смогли отменить его, хотя лжепатриоты в своем стремлении к реформам привели их к совершению действий самых жестоких и несправедливых. Все было вызвано естественными причинами; и мы обнаружим, если бросим беглый взгляд на прогресс знания, что его продвижение к простым принципам неизменно находится в таком соотношении, которое должно быстро изменить запутанную систему европейской политики.

The *Королевский сеанс* произвел так мало эффекта, что ассамблея, как будто их заседания никогда не прерывались, собралась на следующий день в старом зале; а еще через день меньшинство дворян, состоявшее из сорока семи членов, пришло, чтобы присоединиться к палате общин. Все они, и особенно герцог Орлеанский, возглавлявший их, приобрели благодаря такому популярному поведению любовь и доверие нации. Насколько они этого заслуживали, обманывая общественность или самих себя, лучше всего объяснит их будущее поведение.

Действительно, интересные события, которые происходили почти ежедневно в начале революции, разжигали фантазии людей самого разного склада; пока, забыв обо всех эгоистичных соображениях, богатые и бедные не стали смотреть в одну и ту же сторону. Но когда первые успели остыть и сильнее, чем вторые, ощутили неудобства анархии, они с новой силой вернулись на свою старую почву, с удвоенным пылом приняв предрассудки, которые страсть, а не убежденность, изгнала с поля боя в разгар сражения. Это было сильным подкреплением для стойких аристократов; потому что это были в основном хорошие, но близорукие люди, которые действительно желали, чтобы была установлена справедливость как основа нового правительства, хотя они и вздрогнули, когда их нынешнее спокойствие было нарушено; и было необходимо высказать нечто большее, чем просто добрые пожелания.

Этому меньшинству дворян, безусловно, следует признать, что они действовали более осмотрительно, чем их сверстники; и некоторые из них, наиболее респектабельные люди этого класса, как по талантам, так и по морали, вероятно, руководствовались наполовину понятыми принципами. Тем не менее большая часть знати и меньшинство духовенства продолжали собираться в разных палатах, где их праздные обсуждения свидетельствовали об упадке их влияния. Ибо, превратившись в ничто, их нынешняя борьба за восстановление своей власти была столь же бесплодной, сколь самонадеянными были их прежние усилия. И все же зависть и

сварливость дворянства продолжали волновать палату общин; которые, воодушевленные сознанием справедливости своего дела и чувствуя, что они пользуются доверием общественности, решили приступить к выполнению задач своего собрания без согласия высшего сословия; доказав им, когда было слишком поздно сохранять свои искусственные различия, что их силе и авторитету пришел конец. Напрасно им говорили, что они действуют вопреки своим истинным интересам и рискуют сохранением своих привилегий. Тщетно один из самых умеренных депутатов^[10] возражал им по поводу того, что, скорее всего, стало бы следствием их упрямства. Никакие доводы не могли сдвинуть их с места; и, слепые к той опасности, которая им угрожала, они упорно посещали свои советы, не имея никаких определенных правил действий. Это правда, герцог Люксембургский заявил на закрытом заседании комитета, созванном королем 26 июня, что 'разделение орденов ограничило бы непомерные притязания народа и сохранило бы монарха; объединенные, - добавил он, - они не знают повелителя, разделенные - они ваши подданные", и в заключение он решительно заявил, что 'это сохранило бы независимость короны и аннулировало бы работу национального собрания'. Это были мужественные, хотя и не патриотические чувства; и если бы двор сплотился вокруг них и защищал их до последней крайности, они, во всяком случае, предотвратили бы свой позор, избежав кривого пути предательства. Но, отказавшись от всякого достоинства поведения, они доверились искусству маневрирования, которое потерпело поражение от народа, и они были полностью отданы на его милость.

Что касается улучшения общества после разрушения римской империи, то Англия, по-видимому, пошла впереди, практически сведя на нет некоторые упрямые предрассудки путем постепенного изменения мнений. Это наблюдение, которое будут подтверждать факты, может быть приведено, чтобы доказать, что справедливые чувства укрепляются лишь по мере того, как понимание расширяется благодаря культивированию и свободе мысли, а не стесняется страхом бастилии и инквизиции. Например, в Италии и Франции, где ум осмеливался проявлять себя только для формирования вкуса, дворянство было, в самом строгом смысле этого слова, кастой, державшейся в стороне от народа; в то время как в Англии они смешались с коммерсантами, чье равное или более высокое состояние заставляло дворян не обращать внимания на неравенство своего происхождения: таким образом, был нанесен первый удар невежественной гордыне, которая тормозила формирование справедливых мнений, уважающих истинное достоинство характера. Этот денежный интерес, из которого в первую очередь проистекает политическое улучшение, еще не сформировался во Франции; и нелепая гордыня ее дворян, которая заставляла их верить, что чистота их семей будет запятнана, если они согласятся действовать в одной сфере с народом, была преобладающим мотивом, который препятствовал их объединению с палатой общин. Но более распущенная часть духовенства, более верно следовавшая своим собственным интересам, сочла целесообразным со временем поддержать дело власти, откуда их влияние черпало наибольшую силу и только от которой они могли надеяться на поддержку. Этот раскол, как и было обещано, оказался опасным для взглядов двора.

Дезертирство духовенства сделало мобильность возмутительной и ускорило кризис, когда предстояло довести до конца важное состязание.— Именно тогда король осознал, насколько презренным было его нерешительное поведение, и уверенно воскликнул, "что он остался *ОДИН* среди нации, занятый установлением согласия'. Пустые слова! и это притворство было особенно предосудительным, потому что он уже отдал приказ о сборе иностранных войск, целью которых было установить соответствие с острием штыка.

Это полное отсутствие характера привело к тому, что ему льстили все стороны и никто не доверял. Незначительность отличала его манеры при собственном дворе. Действия без энергии и заявления без искренности, демонстрирующие поведение, лишенное уравновешенности, заставили кабинет согласовывать все свои меры независимо от его мнения, оставив королеве задачу убедить его принять их. Зло не успокоилось даже здесь; поскольку разные партии придерживались разных взглядов, гибкость его характера заставляла его санкционировать действия, наиболее противоречащие друг другу и наиболее опасные для его будущей чести и безопасности. Ибо представляется очевидным, что какая бы партия ни одержала верх, его можно было рассматривать только как инструмент, который, став бесполезным, когда цель должна быть достигнута, стал бы предметом неуважительного обращения. Периоды революций, вовлекающих в действие как худших, так и лучших людей; и поскольку дерзость, как правило, торжествует над скромными заслугами, когда политический горизонт взбаламучен бурей, это означало моральную уверенность в том, что линия поведения, проводимая королем, приведет его к позору и гибели.

Однако, видя, что народ единодушен в своем одобрении поведения своих представителей и внимательно следит за тем, чтобы раскрыть замыслы своих врагов, кабинету министров не могло не прийти в голову, что единственный способ усыпить внимание - это притвориться, что подчиняешься необходимости. Кроме того, опасаясь, что, если они продолжат пользоваться своими разными кабинетами, об их заговоре узнают раньше, чем соберутся все агенты, был обнаружен новый пример лицемерия, свидетельствующий о том, что их порочность сравнялась с их глупостью. Ибо теперь короля убедили написать предводителям дворянства и меньшинству духовенства, прося их разъяснить этим двум орденам необходимость объединения с третьим, чтобы приступить к обсуждению его предложений, сделанных на *королевском сеансе*.

Духовенство немедленно согласилось; но знать продолжала возражать против столь унижительного союза, пока суд не придумал предлог чести, чтобы спасти честь своего притворного достоинства, заявив, что жизнь короля окажется в неминуемой опасности, если знать продолжит сопротивляться желанию нации. Притворившись, что поверили этому сообщению, поскольку тайна кабинета была разглашена среди них, и, по-видимому, желая похоронить всякое соперничество в королевской семье, они собрались в общем зале 27-го числа. Тем не менее, даже там первым шагом, который они предприняли, было проведение акции протеста, чтобы предотвратить превращение этой уступки в прецедент.

Всеобщая радость сменила ужас, который был порожден в умах людей их возмутительной упрямцей; и парижане, лелея самые радужные надежды, рассчитывали, что единство усилий обеспечит им возмещение нанесенного ущерба.

Возможно, нет необходимости останавливаться на мгновение на бесчувственности суда и легковерии народа; поскольку они кажутся единственными уликами, которые приведут нас к точному определению причин, полностью уничтоживших всякое доверие к министрам, сменившим руководителей тех печально известных мер, которые уничтожили всю партию; мер, которые вовлекли тысячи невинных людей в такое же разорение и вызвали шумиху против действий нации, которая затемнила славу ее трудов. Больно следить за всеми их хитросплетениями, за преступлениями и безумствами, порожденными недостатком проницательности и справедливых принципов действия. Например, *королевский сеанс* состоялся 23 числа, когда король, не соизволив дать совет, приказал депутатам разойтись по

своим комнатам; и всего через четыре дня после этого он умолял дворянство и духовенство принять все во внимание и согласиться с желанием народа. Действуя таким противоречивым образом, ясно, что клика думала только о том, чтобы нанести решающий удар, который должен был стереть в порошок власть, вымогавшую такие унижительные уступки.

Но народ, легко поверивший и обрадованный тем, что у него снова стало легко на сердце, как только услышал, что по желанию короля состоялось объединение орденов, они поспешили со всех сторон, с добродушной уверенностью призвали короля и королеву и засвидетельствовали в их присутствии, какую благодарную радость вызвало это согласие. Как отличалась эта откровенность людей от откровенно лицемерного поведения клики!

Изысканная, исполненная достоинства вежливость королевы со всеми теми самодовольными манерами, которые танцуют вокруг польщенной красавицы, всякое очарование которой проявляется в сознании того, что она может понравиться, сулила все, что представляла себе сангвиническая фантазия о будущем счастье и покое. В ее чарующих улыбках, действительно, сквозила беспечная надежда, которая, расширяя сердце, заставляет животный дух вибрировать в каждом нерве от удовольствия: и все же она улыбалась только для того, чтобы обмануть; или, если она и чувствовала какие-то нотки сочувствия, то это был всего лишь унисон моменту.

Несомненно, что образование и атмосфера манер, в которых формируется характер, изменяют естественные законы человечества; в противном случае было бы необъяснимо, как человеческое сердце может быть настолько глухо к нежным эмоциям благожелательности, которые самым убедительным образом учат нас, что истинное или прочное счастье происходит только из любви к добродетели и искренности.

Несчастливая королева Франции, помимо преимуществ рождения и положения, обладала очень красивой фигурой, и ее прелестное лицо, искрящееся живостью, скрывало недостаток ума. Цвет ее лица был ослепительно чистым, а когда она была довольна, ее манеры были чарующими, ибо она счастливо сочетала самую вкрадчивую сладострастную мягкость и приветливость с видом величия, граничащим с гордостью, что делало контраст еще более разительным. Независимость также, какого бы рода она ни была, всегда придает лицу некоторую степень достоинства; так что монархи и дворяне с самыми неблагородными душами, считая себя выше других, на самом деле приобрели вид превосходства.

Но ее первые способности были отравлены в зародыше; ибо еще до того, как она приехала в Париж, продажный, податливый аббат уже подготовил ее к роли, которую ей предстояло сыграть; и, несмотря на свою молодость, она так сильно привязалась к процветанию своего дома, что, хотя и была погружена в удовольствия, никогда не упускала случая посылать огромные суммы своему брату при каждом удобном случае. Личность короля, сама по себе весьма отвратительная, стала еще более отвратительной из-за обжорства и полного пренебрежения деликатностью и даже приличиями в его покоях; и, ревнуя к королеве, к которой он питал своего рода всепожирающую страсть, он обращался с ней с большой жестокостью, пока она не приобрела достаточно утонченности, чтобы подчинить его. Удивительно ли тогда, что очень желанная женщина с сангвиническим телосложением с отвращением уклоняется от его объятий; или что пустой ум занят только разнообразием удовольствий, которые выхолащивал ее цирцианский двор? И, вдобавок к этому, истории Юлий

и Мессалин древности убедительно доказывают, что причудам воображения нет конца, когда власть безгранична, а репутация поставлена под сомнение.

Погрузившись затем в самые роскошные удовольствия или руководя придворными интригами, королева стала отъявленной лицемеркой; и ее сердце ожесточилось от чувственных наслаждений до такой степени, что, когда ее семья и фавориты стояли на грани разорения, ее небольшая часть разума была занята только тем, чтобы уберечься от опасности. В качестве доказательства справедливости этого утверждения необходимо только заметить, что во время общего крушения не было найдено ни клочка из ее сочинений, изобличающих ее; и при этом она не потерпела, чтобы от нее вырвалось хоть одно слово, выводящее из себя людей, даже когда она пылала гневом и презрением. Влияние, которое невзгоды могут оказать на ее затянувшееся время понимания, покажет^[11]; но во время ее процветания моменты томления, которые сменялись удовольствиями, проходили в самой детской манере; без проявления какой-либо энергии ума, чтобы смягчить блуждания воображения. И все же она была женщиной с незаурядным обаянием; и хотя ее разговор был пресным, ее комплименты были так искусно приспособлены, чтобы польстить человеку, которому она хотела понравиться или одурачить, и красота королевы так красноречива в глазах даже более высокопоставленных мужчин, что ей редко удавалось добиться своего, когда она пыталась одержать верх над разумом отдельного человека. Над королем она приобрела безграничную власть, когда, справившись с отвращением, которое испытывала к его персоне, заставила его заплатить царственную цену за свои милости. Двор - лучшая школа в мире для актеров; тогда для нее было вполне естественно стать настоящей актрисой и искусницей во всех искусствах кокетства, которые развращают разум и в то же время делают человека соблазнительным.

Если бы несчастный Людовик обладал каким-либо решительным характером, поддерживающим его проблеск чувства справедливости, он бы с этого периода выбрал линию поведения, которая, возможно, спасла бы ему жизнь, регулируя его будущую политику. Ибо одной этой ответной привязанности народа было достаточно, чтобы доказать ему, что нелегко искоренить их любовь к королевской власти; потому что, пока они боролись за свои права с дворянством, они были счастливы принять их как акт благодеяния от короля. Но воспитание предполагаемого наследника короны неизбежно должно разрушить здравый смысл и чувства человека; а воспитание этого монарха, как и Людовика XV, только сделало его чувственным фанатиком.

Священники, как правило, ухитрялись становиться наставниками королей; тем надежнее они поддерживали церковь, прислоняя ее к трону. Кроме того, короли, которые, не расширяя своего понимания, ставят выше внимания к формам морали, которые иногда порождают ее дух, всегда особенно любят те религиозные системы, которые, как губка, стирают преступления, преследующие напуганное воображение нездоровых умов.

Политика французского двора заключалась в том, чтобы очернять разум короля, в то время как он расточал похвалы доброте его сердца. Теперь несомненно, что он обладал значительной долей здравого смысла и проницательности, хотя ему и не хватало той твердости ума, которая составляет характер; или, более точными словами, способности действовать в соответствии с велениями собственного разума человека. Он был сносным ученым, обладал достаточным терпением, чтобы выучить английский язык, и был гениальным механиком. Также хорошо известно, что в совете, когда он следовал только свету своего собственного разума, он часто

останавливался на самых мудрых мерах, от которых его впоследствии убеждали отказаться. Но смерть, по-видимому, является забавой королей, и, подобно римскому тирану, единственным развлечением которого было протыкание мух, этот человек, мягкость сердца которого постоянно контрастировала с притворной водянистостью его головы, чрезвычайно любил наблюдать за теми гримасами, которые корчат замученные животные, вызывая к удовольствию вялые, грубые ощущения. Королева, однако, убедила его не пытаться позабавить ее или вызвать принужденный смех в вежливом кругу, бросая кошку в дымоход или стреляя в безобидного осла. Наученный также лицемерить с колыбели, он ежедневно практиковал презренные приемы двуличия, хотя из-за своей лени предпочитал брать тон, а не задавать его своим властным паразитам.

Французское дворянство, возможно, самая развращенная и невежественная группа людей в мире, за исключением тех предметов вкуса, которые заключаются в разнообразии развлечений, никогда не жило под контролем какого-либо закона, кроме власти короля; и, испытывая лишь недолгий страх перед Бастилией, если они совершат какое-либо чудовищное преступление, не могло терпеливо сносить ограничения, требовалось лучшее управление всем обществом. Высокомерно пренебрегая советами гуманности и даже благоразумием, они решили скорее ниспровергнуть все, чем отказаться от своих привилегий; и это упорство не покажется удивительным, если мы вспомним, что они считали людей вьючными животными и втоптали их в грязь. Это не риторическая фигура, а печальная истина! Ибо общеизвестно, что на узких парижских улочках, где нет пешеходных переходов, защищающих прохожих от опасности, они часто гибли, не замедляя ни малейшего проявления товарищеских чувств, галопа бездумного существа, чья мужественность была похоронена под выдуманным характером.

Я не буду сейчас перечислять феодальные тирании, которые прогресс цивилизации сделал недопустимыми; достаточно заметить, что, поскольку ни жизнь, ни имущество граждан не были защищены равными законами, те, кто мог делать это безнаказанно, часто бесцельно баловались и тем, и другим. Произвольные постановления слишком часто принимали священное величие закона; и когда люди живут в постоянном страхе и не знают, чего им следует опасаться, они всегда становятся хитрыми и малодушными. Таким образом, унижительные манеры, порожденные деспотизмом любого вида, по-видимому, оправдывают их в глазах тех, кто судит о вещах только по их нынешнему виду. Это также приводит к наблюдению, которое частично объясняет недостаток трудолюбия и чистоты во Франции; ибо люди очень склонны тратить свое время впустую, когда они не могут с некоторой степенью уверенности рассчитывать на укрепление плана будущих удобств.

Были приняты все меры предосторожности, чтобы разделить нацию и не допустить, чтобы какие-либо узы привязанности, которые всегда должны объединять человека с человеком во всех жизненных отношениях, сблизили эти два разряда и укрепили их чем-либо вроде равенства. Если, например, сыну знатного человека случилось настолько забыть о своем звании, что он женился на женщине низкого происхождения, то каких только страданий не претерпели эти несчастные создания! — заключенные в тюрьмы или изгнанные из общего гнезда как заразные незваные гости. И если мы вспомним также, что, хотя к земледельцу относились с презрением, на долю земледельца выпадала лишь двадцатая часть прибыли от

его труда, мы перестанем задаваться вопросом, почему знать выступала против нововведений, которые неизбежно должны были перевернуть устои деспотизма.

Закоренелая гордыня знати, алчность духовенства и расточительность двора были, короче говоря, тайными пружинами почти созревшего заговора, направленного против зародыша свободы в сердце национального собрания. Но Париж, этот город, в котором так много разных характеров, этот водоворот, втягивающий в свой центр все пороки, это хранилище всех материалов сладострастного вырождения, это логово шпионов и убийц, также содержал немало просвещенных людей и был способен собрать очень грозную силу для защиты своих мнений.

Кабинет министров с подозрением наблюдал за ростом своего духа и, прибегнув к своим старым уловкам, создал нехватку хлеба, надеясь, что, когда народ впадет в уныние, приближающаяся армия под командованием Брельо быстро разрешит все дело. Но обстоятельства, казалось, благоприятствовали народу, ибо парижские выборщики, после того как они выбрали своих депутатов, поскольку выборы затянулись очень поздно, продолжали собираться в *Отель-де-Виль*, чтобы подготовить инструкции, которые у них не было времени обдумать до созыва генеральных штатов.

На этом перекрестке также просторная площадь, одинаково предназначенная как для бизнеса, так и для развлечений, под названием *Пале-Рояль*, стала местом встреч горожан. Там самые энергичные читали лекции, в то время как более скромные люди читали популярные газеты и брошюры о преимуществах свободы и вопиющем угнетении абсолютных правительств. Это был информационный центр; и весь город, стекавшийся туда поговорить или послушать, возвращался домой, согретый любовью к свободе и преисполненный решимости противостоять, рискуя жизнью, власти, которая все еще стремится поработить их — а когда на кону жизнь, разве люди обычно не получают того, к чему стремятся вместе с теми, кто, желая заполучить их энтузиазм, ставит на карту больше?

Волнения в столице, вызванные в значительной степени постоянным прибытием иностранных войск, послужили, тем не менее, благодетельным предлогом для ее блокады; и по меньшей мере тридцать пять тысяч человек, в основном состоявших из гусар и наемных войск, были сняты с границ и собраны вокруг Версаля. Лагеря были разысканы еще для большего количества людей, а посты, контролировавшие дороги, ведущие в Париж, были заполнены солдатами. Придворные, тогда не в силах сдержать своей радости, хвастались, что национальное собрание скоро будет распущено, а мятежных депутатов заставят замолчать тюремным заключением или смертью. И если бы даже французские солдаты покинули их, среди которых были некоторые признаки восстания, двор зависел от иностранных войск, которые нанесли бы удар террором в самое сердце Парижа и Версаля. Собирающаяся армия уже была очень грозной силой; но дух энтузиазма и острое чувство обиды, обостренное оскорблениями, оказали такое воздействие на людей, что вместо того, чтобы устрашиться, они хладнокровно начали готовиться к обороне.

Все слышали или теперь были проинформированы об усилиях, предпринимаемых американцами для сохранения своей свободы. Все были наслышаны о славной стойкости горстки необузданных бостонских ополченцев, которые на Банкерс-хилл оказали сопротивление дисциплинированным британским войскам, обагрив равнины Чарльзтауна кровью цветка армии своего врага. Этот урок тиранам прогремел по всему королевству; и он

должен был научить их, что люди, решившие стать свободными, всегда превосходят батальоны наемников, даже состоящие из ветеранов.

Народные лидеры также прибегли к самому надежному средству втереться в доверие к солдатам, общаясь с ними и постоянно намекая, что граждане не должны позволять низкопробным служителям власти обращаться с ними как с пассивными орудиями зла. Кроме того, естественно было ожидать, что военные, самая праздная группа людей в королевстве, должны интересоваться злободневными темами дня и извлекать пользу из дискуссий, распространяющих новые политические принципы. И аргументы в пользу свободы оказали на них такое влияние, что уже 23 июня, во время небольшого бунта, две роты гренадеров отказались стрелять в людей, которых их послали разогнать. Но эти признаки непокорности вызвали негодование двора, вместо того чтобы насторожить его: в результате нескольких человек отправили в тюрьму, а войска заперли в казармах; однако, несмотря на эти приказы, они толпами пришли в *Пале-Рояль* через день или два, стремясь объединить свои голоса с общим криком "*да здравствует нация*", который выражал нынешние настроения народа. Французские полки, также прибывшие к этому времени для дислокации с иностранными войсками вокруг Парижа, были препровождены в этот рассадник патриотизма; и, встретив самый сердечный прием, они с интересом выслушали живые рассказы о чудовищах, совершенных их старым правительством, и о подлости тех людей, которые могли жить на хлеб, заработанный убийством своих сограждан.

Пока эти мнения укоренялись, люди услышали, что одиннадцать французских гвардейцев, заключенных в аббатстве за то, что они не подчинились приказу стрелять по населению, были переведены в *Бисетр*, самую позорную из всех тюрем. Теперь началось состязание, ибо народ поспешил освободить их и, пробив себе дорогу, освободил их друзей; и даже гусары, вызванные для подавления беспорядков, сложили оружие. Тем не менее, внимательные к правосудию, они отправили обратно в тюрьму солдата, который ранее был задержан полицией за какой-то другой проступок.

Несмотря на всю свою ярость, люди, еще не ставшие беззаконными, охраняли спасенных ими людей; в то же время они послали депутацию в национальное собрание, чтобы ходатайствовать за них перед королем. Это энергичное, но благоразумное поведение произвело желаемый эффект; и ассамблея назвала определенное количество депутатов, которые со скрупулезным соблюдением приличий должны были потребовать этой милости от короля; и он, соответственно, даровал им помилование, осторожно подчеркнув, что это была первая просьба, высказанная ассамблеей. Но все еще оставалось под вопросом, не был ли этот вынужденный акт снисхождения, как и другие действия суда, предпринят только для того, чтобы закрыть глаза на ведущиеся приготовления, эффективно унижить солдат, метрополию и ассамблею.

В этот период всеобщей подозрительности присутствие столь значительных сил, которые теперь стояли лагерем по всем сторонам столицы, особенно встревожило выборщиков, которые постоянно совещались, чтобы следить за общественным спокойствием; и, чтобы предотвратить грозящую бурю, они предложили собрать городское ополчение. Однако, прежде чем принять решение, они послали известить национальное собрание о своем намерении, желая, чтобы король был проинформирован о том, что, если для обеспечения общественного спокойствия

потребуется вооруженная сила, сами граждане являются наиболее подходящими лицами, которым можно доверить это поручение.

Неустроенное положение Парижа, страдавшего теперь от нехватки хлеба, послужило, однако, благовидным предлогом для увеличения численности войск, что усугубило бедствие. 'Когда с величайшим трудом, - говорит один из выборщиков, - мы можем раздобыть провизию для жителей, было ли необходимо усиливать голод и наши опасения, собирая некоторое количество солдат, которые были рассеяны по всем провинциям? Этим войскам, ' добавляет он, ' было предназначено охранять границы, пока представители нации обсуждают вопрос о формировании конституции. Но эта конституция, желанная королем и востребованная всеми провинциями Франции, должна справиться с опасными внутренними врагами".

Национальное собрание также не могло не заметить, что рядом с ними было расквартировано больше солдат, чем было бы достаточно для отражения иностранного вторжения; и Мирабо со своим обычным рвением воодушевил их к действию, живо обрисовав их положение. "Тридцать пять тысяч человек, - заметил он, - в настоящее время распределены между Парижем и Версалем; ожидается еще двадцать тысяч. За ними следуют эшелоны с артиллерией; и места для батарей уже размечены. Они позаботились обо всех коммуникациях.— Все наши въезды перекрыты; наши дороги, наши мосты и наши общественные места превращены в военные посты. Печально известные события, секретные приказы и поспешные контрзаказы — короче говоря, приготовления к войне бросаются в глаза каждому и наполняют негодованием каждое сердце. Джентльмены, если бы речь шла только об оскорбленном достоинстве собрания, это потребовало бы внимания самого короля; ибо разве он не должен позаботиться о том, чтобы с нами обращались прилично, поскольку мы являемся депутатами нации, от которой исходит его слава, которая одна составляет величие трона? - Да; кто из этой нации почитит личность короля в той мере, в какой он уважает себя? Поскольку он желает повелевать свободными людьми, пришло время изгнать старые отвратительные формы, эти оскорбительные процедуры, которые слишком легко убеждают придворных, окружающих принца, в том, что королевское величие заключается в унижительных отношениях господина и раба; что законный и любимый король должен при любых обстоятельствах проявлять себя с видом раздраженного тирана; или, что узурпаторы, осужденные своей печальной судьбой, ошибочно принимают нежные и льстивые чувства доверия.— И кто осмелится сказать, что обстоятельства сделали необходимыми эти угрожающие меры? Напротив, я собираюсь продемонстрировать, что они одинаково бесполезны и опасны, рассматриваемые либо с точки зрения поддержания порядка, успокоения общества, либо безопасности трона; и, отнюдь не являясь плодом искренней привязанности к особе монарха, они могут лишь удовлетворять личные страсти и прикрывать вероломные замыслы. Несомненно, я не знаю всех предлогов, каждой хитрости врагов реформации, поскольку не могу догадаться, какой правдоподобной причиной они приукрасили мнимую нехватку войск в тот момент, когда не только их бесполезность, но и их опасность поражает умы каждого.

' Какими глазами народ, измученный столькими бедствиями, увидит эту толпу праздных солдат, пришедших оспаривать у них кусок хлеба? Контраст между изобилием, которым наслаждается один, и нищетой другого; между безопасностью солдат, на которых падает манна небесная, и им не нужно думать о завтрашнем дне, и страданиями людей, которые не добиваются ничего, кроме тяжелого труда и мучительного пота, достаточен, чтобы заставить каждое сердце погрузиться в уныние. Вдобавок к этому, джентльмены, присутствие войск разжигает

воображение населения; и, постоянно внушая новые страхи, возбуждает всеобщее возбуждение, пока горожане у самого своего очага не становятся жертвой всевозможных страхов. Люди, возбужденные и взбудораженные, образуют шумные собрания; и, давая волю своей порывистости, бросаются навстречу опасности - ибо страх не поддается ни расчету, ни рассуждениям!' В заключение он обратился к королю с трогательным обращением, в котором заявил, что народ был чрезвычайно встревожен сбором такого количества войск и приготовлениями к разбивке лагерей в этот сезон дефицита; и выразил протест в отношении поведения тех, кто стремился разрушить доверие, которое должно было существовать между королем и представителями народа — доверие, которое единственное может позволить им выполнять свои функции и проводить реформу, ожидаемую от их рвения страдающей нацией.

Эта речь произвела желаемый эффект; и когда предложение было принято, Мирабо попросили подготовить обращение для их рассмотрения.

Смысл обращения заключался в сокращении приведенной выше речи; уважительной; нет, даже нежной; но энергичной и благородной.

Однако этот протест, столь хорошо рассчитанный на сохранение достоинства монарха и умирение общественного волнения, не произвел никакого иного эффекта, кроме высокомерного ответа, который только усилил недоверие, которому отвращение придало новую остроту. Ибо, вместо того чтобы прислушаться к молитве нации, король заявил, что бурных и скандальных сцен, разыгравшихся в Париже и Версале на его глазах и на глазах национального собрания, было достаточно, чтобы побудить его, одной из главных обязанностей которого было следить за общественной безопасностью, разместить войска вокруг Парижа.— Тем не менее, он заявил, что далек от намерения нарушить их свободу дебатов, он лишь хотел уберечь их даже от всякого опасения беспорядков и насилия. Однако, если необходимое присутствие войск будет продолжать вызывать недовольство, он был готов, по просьбе ассамблеи, перевести генеральные штаты в Нуайон или Суассон, а сам отправиться в Компьень, чтобы поддерживать необходимые отношения с ассамблеей. Этот ответ ничего не значил; или, скорее, он официально объявил, что король не отошлет войска. Каким бы очевидным ни был смысл и каким бы презренным ни было притворство, все же, поскольку это исходило от государя, источника богатства и почестей, некоторые из гибких рук депутатов зааплодировали.—Но Мирабо не поддавался на уговоры такой мелкой лжи. 'Джентльмены,' нетерпеливо сказал он, 'доброта сердца короля так хорошо известна, что мы могли бы спокойно положиться на его добродетель, если бы он всегда действовал от себя. Но заверения короля не являются гарантией поведения его министров, которые не перестают вводить в заблуждение его доброе расположение.— И разве нам еще предстоит узнать, что привычное доверие французов к своему королю является не столько добродетелью, сколько пороком, если оно распространяется на все звенья администрации?

Кто из нас на самом деле не знает, что именно наша слепая, легкомысленная невнимательность вела нас из века в век, от ошибки к ошибке, к кризису, который сейчас поражает нас и который должен был бы, наконец, открыть нам глаза, если бы мы не решили оставаться упрямыми детьми и рабами до скончания веков?

'Ответ короля - это решительный отказ. Министерство хотело бы, чтобы это рассматривалось только как простая форма уверенности и доброты; и они сделали вид, что думают, что мы выдвинули наше требование, не придавая особого интереса его успеху, и только для того, чтобы

сделать вид, что мы его выдвинули. Необходимо разуверить министерство — конечно, мое мнение таково, чтобы не потерять доверие и уважение, которыми мы обязаны добродетелям короля; но я также советую нам не быть более непоследовательными, робкими и нерешительными в наших мерах.— Конечно, нет необходимости обсуждать предлагаемый переезд; ибо, короче говоря, несмотря на ответ короля, мы не пойдем ни в Нуайон, ни в Суассон — мы не требовали этого разрешения; и не пойдем, потому что маловероятно, что мы когда-либо захотим разместиться между двумя или тремя группами войск: теми, которые окружают Париж, и теми, которые могут обрушиться на нас из Фландрии и Эльзаса. Мы потребовали вывода войск — это было целью нашего обращения!— Мы не просили разрешения бежать перед ними; но только чтобы они были высланы из столицы. И мы выдвинули это требование не ради себя; ибо они очень хорошо знают, что оно было продиктовано заботой об общих интересах, а не каким-либо чувством страха. В данный момент присутствие войск нарушает общественный порядок и может привести к самым печальным событиям.—Наше удаление, отнюдь не предотвратив, напротив, только усугубило бы зло. Следовательно, необходимо восстановить мир, несмотря на сторонников беспорядка; необходимо быть последовательными с самими собой; а для этого нам нужно придерживаться только одной линии поведения, которая заключается в том, чтобы настаивать, не ослабляя усилий, на том, чтобы войска были отведены, как единственный надежный способ добиться этого".

Эта речь, произнесенная 11 июля, не привела к принятию какого-либо дальнейшего решения в ассамблее, хотя и привлекла внимание членов к определенному вопросу.

Но теперь ситуация быстро приближалась к кризису; в этот самый день Неккер, которого оставили на месте только для того, чтобы ввести в заблуждение народ, был уволен с предписанием не упоминать о его увольнении и покинуть королевство в течение двадцати четырех часов. Он подобострастно подчинился этим приказам и со всей быстротой, вызванной личным страхом, без малейших эмоций сказал дворянину, доставившему приказ короля: 'Мы встретимся сегодня вечером на совете', - и продолжил беседу с компанией за ужином в своей обычной подчеркнутой вежливости. Жалкая слабость! Этот человек, называвший себя другом народа и совсем недавно обещавший 'жить или умереть вместе с ним', не проявил достаточного великодушия, чтобы предупредить их о грозящей опасности.— Ибо он должен был знать, что это увольнение было сигналом к военным действиям; и все же, спасаясь бегством, как преступник, он скрылся переодетым, сохраняя тайну со всей осторожностью трусости.^[12]

На следующий день о назначении нового министра, человека, особенно неприятного для общественности, стало известно народу, который с меланхолическим ужасом взирал на ужасный горизонт, где уже давно собиралась буря, готовая теперь разразиться на их преданные головы. Волнение общественного сознания, действительно, напоминало беспокойное море, которое, приведенное в движение бушующим торнадо, постепенно набухает, пока вся стихия, волна за волной, не начнет проявлять одно безграничное волнение. Теперь все глаза были открыты, все видели приближающийся взрыв, глухой рокот которого уже некоторое время внушал растерянный ужас.

10-го числа в *Отель-де-Виль* было предложено в качестве постановления *Гвардейской буржуазии*, чтобы тысяча двести человек набирались одновременно и сменялись каждую неделю; а поскольку столица была разделена на выборах на шестьдесят округов, то из каждого

будет вызвано только двадцать. И далее было решено, что округа должны оставаться в рабочем состоянии до полной эвакуации войск, за исключением тех, кто составлял общий состав гвардии. На следующий день это было решено; было проголосовано обращение к национальному собранию с просьбой об их посредничестве перед королем, чтобы немедленно санкционировать городское ополчение; и заседания комитета были отложены до понедельника, 13-го. Но некоторые из выборщиков, услышав в воскресенье, что все население направляется в *Отель-де-Виль*, поспешили туда около шести часов вечера и обнаружили, что зал действительно переполнен людьми самого разного положения. Тысячи сбитых с толку голосов требовали оружия и приказа звонить в *набат*.

В восемь часов у *Отель-де-Виль* сменился патруль, и толпа стала давить на солдат, требуя их разоружить; в этот момент удвоились призывы к оружию; и даже пригрозили поджечь зал. Но, все еще соблюдая некоторое уважение к субординации, они потребовали, правда, несколько властно, приказа, в силу которого граждане могли бы вооружиться для отражения опасности, угрожавшей столице, — и среди этих криков несколько поспешных сообщений нарисовали эту опасность в самых ярких красках.

Один из собравшихся сказал, что, как только известие об отставке Неккера достигло Парижа, люди поспешили к скульптору и, схватив быков этого министра и герцога Орлеанского, теперь фактически несли их по улицам: —Другой сообщил им, что толпа ворвалась в разные театры в час их открытия и потребовала, чтобы они были немедленно закрыты;^[13] и что вследствие этого все зрители были отосланы: —Третий объявил о четырех пушках, установленных у входа на *Елисейские поля*, с их канонирами, готовыми зажечь спички, которые должны были начать бой; и что эти четыре пушки были поддержаны кавалерийским полком, который, продвигаясь под командованием принца де Ламбеска к месту расположения Людовика XVI. 15-й, был размещен у моста, ведущего к Тюильри. Он добавил также, что *кавалер* этого полка, проходя мимо солдата французской гвардии, выстрелил в него из пистолета; и что сам принц де Ламбеск прискакал в сад с саблей в руке, сопровождаемый отрядом, который обратил в бегство стариков, женщин и детей, мирно совершавших свою обычную прогулку; более того, что он действительно собственноручно убил старика, спасавшегося от суматохи. Репортер, правда, забыл заметить, что население начало забрасывать принца камнями, которые лежали наготове возле незавершенных зданий. Пораженный, возможно, этим сопротивлением и презирая толпу, которую он ожидал запугать только своим присутствием, в бреду, скорее всего, от ужаса и изумления, он ранил безоружного человека, который убежал перед ним. Как бы то ни было, это беспричинное безобразие вызвало негодование, необходимое для воспламенения каждого духа.

Поскольку избиратели все еще нуждались в оружии и не могли его предоставить, в одиннадцать часов они постановили, что округа должны быть немедленно созданы; и что они направят на все посты вооруженных граждан, чтобы умолять их от имени своей страны избегать любых беспорядков.—Но сейчас был неподходящий момент для разговоров о мире, когда все готовились к битве.—Теперь суматоха стала всеобщей. К оружию! К оружию! эхо разнеслось по всем кварталам - и весь город мгновенно пришел в движение, ища оружие защиты. В то время как женщины и дети сотрясали воздух воплями и причитаниями, раздались выстрелы пушек; и *набат* из разных приходских церквей постепенно присоединился, чтобы вызвать и продолжить всеобщую тревогу.

По-прежнему все их мысли были сосредоточены на оборонительных мерах. Многие горожане, обыскав склады с оружием и захватив вертела и кочерги, появились с оружием в руках, чтобы поддержать свой решительный вид; и, когда к ним присоединились несколько французских гвардейцев в более полном снаряжении, они вынудили тех иностранных наемников, которые первыми пробудили в них ярость, отступить, спасаясь, как звери пустыни перед смелым и великодушным львом. Хотя они и одержали победу в этой ночной схватке, потому что были полны решимости победить, у них все же почти не было огнестрельного оружия; и они были так же неопытны в обращении с тем, что нашли, как обычно поступают жители столиц, — Но негодование заставило каждого из них, настолько неугомонной была их храбрость, схватить что-нибудь для защиты: молотки, топоры, лопаты, пики — все было разыскано и сжато в руках, воодушевленных героизмом; да, настоящим героизмом, ибо личная безопасность была проигнорирована общей опасностью. Жены помогали выковывать пики для своих мужей, а дети бегали складывать камни, готовясь к завтрашнему дню. Чтобы усилить опасения этой ночью, одно из заграждений было подожжено, и банда отчаянных грабителей, воспользовавшись неразберихой, начала грабить несколько домов. К оружию! это был крик об опасности и лозунг города — ибо кто мог закрыть глаза? В то время как набат, заглушавший ропот ярости и отчаяния, придавал смятению торжественный характер.

Разные звуки вызывали разные эмоции в Версале; ибо там сердце, сильно бьющееся от ликования, уступало место самой безудержной радости. Придворные уже вообразили, что все нечестие разгромлено и что собрание в их власти.

Опьяненные успехом, на который рассчитывали слишком рано, королева, граф д'Артуа и их фавориты посетили логово подкупленных негодяев, которые притаились в засаде, готовые напасть на свою добычу; привлекательной приветливостью поведения и более существенными знаками расположения они заставили их забыть обо всем, кроме своих приказов. И они были так польщены благородными словами и кокетливыми улыбками королевы, что, осушая кубок в ее честь, пообещали не вкладывать шпаги в ножны до тех пор, пока Франция не будет вынуждена подчиниться и национальное собрание не разойдется. С дикой свирепостью они танцевали под звуки музыки, настроенной на бойню, в то время как планы смерти и опустошения придавали пикантность оргиям, которые доводили их животный дух до высшей точки. После этого рассказа любые размышления о пагубном воздействии власти или о безудержном потворстве удовольствиям, которые могут таким образом изгнать нежность из женской груди и ожесточить человеческое сердце, были бы оскорблением чувствительности читателя.

Как безмолвен сейчас Версаль! Одинокая нога, поднимающаяся по роскошной лестнице, опирается на каждую площадку, в то время как взгляд скользит по пустоте, почти ожидая увидеть, как яркие образы фантазии воплощаются в жизнь. Процессия Луизов, как и потомки Банко, проходят в торжественной печали, указывая на ничтожество величия, исчезающее на холодных полотнах, прикрывающих наготу просторных стен, в то время как мрачность атмосферы придает более глубокий оттенок гигантским фигурам, которые, кажется, погружаются в объятия смерти.

Осторожно входя в бесконечные, наполовину закрытые покои, мимолетная тень задумчивого странника, отражающаяся в длинных очках, которые тщетно поблескивают во всех направлениях, расслабляет нервы, не ужасая сердца; хотя похотливые картины, в которых

изящество прикрывает сладострастие, уже не соблазнительные, постоянно пробуждают в груди меланхолическую мораль, предвосхищающую застывший урок опыта. Сам воздух холодный, кажется, что он затрудняет дыхание; и истоющая влага разрушения, кажется, проникает в огромную кучу со всех сторон.

Угнетенное сердце ищет облегчения в саду; но даже там те же образы скользят по широким запущенным аллеям — все пугающе тихо; и если маленький ручеек, пробивающийся сквозь густеющий мох вниз по каскаду, по которому он когда-то бежал, вызывает в памяти описание грандиозных водных сооружений, то это только для того, чтобы вызвать томную улыбку при тщетной попытке сравняться с природой.

Lo! это был дворец великого короля! — обитель великолепия! Кто разрушил очарование? — Почему сейчас оно вызывает только жалость? — Почему; — потому что природа, улыбаясь вокруг, предоставляет воображению материалы для строительства ферм и гостеприимных особняков, где, не вызывая праздного восхищения, будет царить радость, которая открывает сердце для доброжелательности, и трудолюбие, которое делает сладким невинное удовольствие.

Плачу, едва сознавая, что плачу, о Франция! из — за пережитков твоего прежнего угнетения; которое, отделяя человека от человека железной оградой, усложнило все и многих сделало совершенно несчастными; Я трепещу, опасаясь встретить какое-нибудь несчастное существо, спасающееся от деспотизма распушенной свободы, слышащее по пятам щелчок *гильотины*; просто потому, что он когда-то был благороден или предоставил убежище тем, чье единственное преступление носит их имя - и, если мое перо почти готово запечатлеть тот день, который сравнял Бастилию с землей, превратив башни отчаяния в руины. трепещут до основания; воспоминание о том, что аббатство все еще предназначено для содержания жертв мести и подозрений, парализует руку, которая стремилась воздать должное штурму, превратившему в груды развалин стены, которые, казалось, насмехались над непреодолимой силой времени. — Пал храм деспотизма; но — деспотизм не был погребен в его руинах! — Несчастливая страна! — когда твои дети перестанут терзать твою грудь? — Когда изменение мнения, приводящее к изменению морали, сделает тебя по-настоящему свободным? — Когда истина даст жизнь настоящему великодушию, а справедливость водрузит равенство на прочное место? — Когда твои сыновья начнут доверять, потому что они заслуживают доверия, а личная добродетель станет гарантией патриотизма? Ах! — когда же твое правительство станет самым совершенным, потому что твои граждане самые добродетельные!

ГЛАВА III.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПАРИЖАН К ОБОРОНЕ ГОРОДА. СТРАЖА И ГОРОДСКАЯ СТРАЖА ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ГОРОЖАНАМ. ВООРУЖЕННЫЕ ГРАЖДАНЕ НАЗНАЧАЮТ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО. ПОВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВО ВРЕМЯ БЕСПОРЯДКОВ В ПАРИЖЕ. ОНИ ПУБЛИКУЮТ ДЕКЛАРАЦИЮ ПРАВ И ПРЕДЛАГАЮТ СВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО Перед ГРАЖДАНАМИ, В ЧЕМ КОРОЛЬ ВЫСОКОМЕРНО ОТКАЗЫВАЕТ. СЛУШАНИЯ В ПАРИЖЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ИЮЛЯ. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ. ЗАСТРЕЛЕН МЭР. ЗАСЕДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ВЕРСАЛЕ. ПОЯВЛЕНИЕ КОРОЛЯ В СОБРАНИИ. ЕГО РЕЧЬ.

Ранним утром 13-го избиратели поспешили в центр всеобщей тревоги, в *отель-де-вилль*, и, побуждаемые необходимостью момента, приняли обсуждавшиеся декреты о немедленном воплощении в жизнь *гвардейско-буржуазной идеи*, не дожидаясь запрошенной санкции национального собрания. Затем большее число людей удалилось, чтобы созвать свои округа; в то время как те немногие, что остались, попытались утихомирить нарастающее с каждой минутой волнение, сообщив народу об этом указе; в то же время разъясняя гражданам убедительные мотивы, которые должны были побудить их разойтись и каждого отправиться в свой округ для зачисления. Но толпа снова призвала к оружию, делая вид, что в арсенале спрятано его огромное количество, на которое никто не может указать. Чтобы хоть на мгновение утихомирить эти крики, людей сослали по *ГИПЕРССЫЛКЕ "Прево де Маршан"*¹⁴. Мэр.

. Соответственно, он пришел и потребовал, чтобы толпа подтвердила его назначение на должность, которую ему доверил его величество. Всеобщее одобрение было сигналом их согласия, и собравшиеся избиратели немедленно обратили свое внимание на стоявшее перед ними серьезное дело.

Затем они учредили *постоянный комитет* для поддержания постоянной связи с различными округами, в который граждан снова призвали немедленно возвращаться со всем собранным ими оружием, чтобы это оружие могло быть надлежащим образом распределено среди парижского ополчения. Но было невозможно продолжать эти важные обсуждения с какой-либо степенью порядка, поскольку новая толпа постоянно устремлялась вперед, чтобы сообщать свежие разведданные; часто ложные или преувеличенные, и всегда вызывающие тревогу. Им сказали, что заграждения были в огне; религиозный дом был разграблен; и враждебные силы были на дороге полным ходом, чтобы напасть на горожан. Огромное количество карет, фургонов и других экипажей действительно было подогнано к дверям отеля; и требования толпы, которой запретили выезд из Парижа, смешиваясь с криками толпы, жаждущей, чтобы ее повели к войскам, о приближении которых было объявлено, были заглушены только более оживленными заявлениями депутатов шестидесяти округов, требовавших оружия и боеприпасов, чтобы привести их в действие. Чтобы успокоить их и выиграть время, мэр пообещал, что если они будут вести себя спокойно до пяти часов вечера, то раздадут некоторое количество огнестрельного оружия, которое должен был предоставить директор мануфактуры.

Эти заверения привели к некоторому успокоению. Воспользовавшись этим, комитет постановил, что парижское ополчение в настоящее время должно состоять из 48 000 граждан; и что офицеры должны быть назначены по каждому округу. Также было принято множество

второстепенных указов, все они были направлены на предотвращение бедствий, естественно вызванных неразберихой, и на обеспечение жизнедеятельности города. Французские гвардейцы, которые ночью помогали горожанам, теперь пришли засвидетельствовать свою преданность общему делу и просить зачисления к ним. Командир городской стражи, военного подразделения, также явился, чтобы заверить комитет, что войска, находящиеся под его командованием, готовы выполнять их приказы и помогать в защите города.

Среди остановившихся экипажей был один из экипажей принца де Ламбеска. Люди вообразили, что поймали самого принца; и когда они убедились в своей ошибке, спасти карету было невозможно, хотя лошадей отвели в соседнюю конюшню, а чемодан, заботливо разобранный, поставили в прихожей. Это тривиальное обстоятельство достойно внимания, потому что оно показывает уважение, которое тогда уделялось собственности, и то, что общественное мнение было всецело сосредоточено на тех грандиозных объектах, которые поглощают частные страсти и интересы. Уязвленные также за живое оскорбительным игнорированием их требований, люди с негодованием ощутили несправедливость, которая придала борьбе героический характер.

Приготовления к войне велись в течение всего этого дня; и все делалось с такой степенью осмотрительности, какой едва ли можно было ожидать от такой стремительности. Были сооружены траншеи, несколько улиц немощеных, а в пригородах образовались баррикады. Защита была единственной целью мыслей каждого человека, и, высмеивая личную опасность, все готовились дорого продать свою жизнь, совершенствуя старое оружие или выковывая новое. Старики, женщины и дети были заняты изготовлением копий, в то время как здоровые мужчины шествовали по улицам организовано, с самым решительным видом, но избегая любого вида насилия: на самом деле, в быстром шаге людского потока была непостижимая торжественность, все их усилия были направлены к одной цели, которая отличала это восстание граждан от того, что обычно называют бунтом. Равенство, действительно, было тогда впервые установлено всеобщим сочувствием; и люди всех рангов, присоединившиеся к толпе, принадлежали к первым, которых нельзя было отличить по какой-либо особой благопристойности поведения, такое общественное достоинство пронизывало всю массу.

В отель-де-виль было доставлено некоторое количество пороха, который население, поскольку самые непокорные всегда собирались вокруг этого центрального места, вероятно, взорвало бы при захвате, если бы отважный избиратель^[15] не, постоянно рискуя своей жизнью, настоял на регулярной раздаче его народу. Это ненадолго привлекло их внимание; но вечером спрос на оружие стал более настоятельным, чем когда-либо, смешанный с хриплыми криками о вероломстве и измене, направленными против мэра; которые на некоторое время смолкли из-за прибытия нескольких военных сундуков, предположительно с оружием, которое, как предполагалось, было обещано мэром. Избиратели немедленно приняли все возможные меры предосторожности, чтобы их поскорее перенесли в подвал, где они могли быть переданы тем, кто лучше всех знал, как ими воспользоваться, вместо того чтобы попасть в руки неумелых людей. Французские гвардейцы заслужили доверие граждан, и четыре члена комитета после некоторого обсуждения были назначены поспешить к ним с просьбой прибыть и взять на себя распределение. Короче говоря, перед вскрытием сундуков были сделаны большие приготовления; но когда сундуки были наконец открыты в присутствии большого скопления людей и обнаружено, что в них были только обломки старых подсвечников и тому подобный

хлам, нетерпение толпы, мужество и патриотизм которой весь день разыгрывались, мгновенно сменилось негодованием и яростью; и подозрение в измене со стороны мэра распространилось на весь комитет, которого они пригрозили взорвать в их зале.

Один из выборщиков, маркиз де ла Саль, теперь заметил, 'что величайшим неудобством в их нынешнем жестоком положении было отсутствие порядка и субординации; и что соответствие различных частей великой машины, столь необходимое для продвижения экспедиции и успеха, не могло существовать без командира, известного и признанного общественностью: ибо все граждане, ставшие солдатами, постоянно, - добавляет он, - вынуждены тратить свое рвение и неустрашимость на излишние усилия; иногда даже противодействуя своим собственным планам. Тогда необходимо назначить генерала с выдающимися способностями и опытом; я далек от того, чтобы считать себя достойным вашего выбора, хотя я предлагаю все, что могу предложить, свое состояние и свою жизнь; и охотно буду служить на любом посту'. Это предложение вызвало новую дискуссию, и герцог д'Омон был назначен главнокомандующим. Но поскольку он наполовину отказался от этого, хотя и пытался оттянуть свой отказ, пост перешел к маркизу де ла Саллю, который был единогласно назначен вторым; и он приступил к исполнению этого важного поручения немедленно. И это выдвижение способствовало поддержке усилий комитета; ибо, несмотря на хаотический шок, который, казалось, привел в замешательство все районы этого великого города, центр объединения, сформированный в *отель-де-виль* собранием выборщиков, был в значительной степени спасением общества. Эта муниципальная власть, созданная обстоятельствами и с молчаливого согласия граждан, установила высокую степень порядка и повиновения даже посреди террора и анархии. *Буржуазная гвардия* была собрана во всех округах, и патрули сменялись с величайшей тщательностью. Улицы были освещены, чтобы предотвратить беспорядки ночью; частная собственность соблюдалась, и за всеми постами тщательно следили; но у *шлагбаумов* останавливали каждую карету и каждого человека и заставляли идти в *отель-де-виль*, чтобы дать отчет о себе. Публика особенно не доверяла дизайну тех, кто направлялся в Версаль или возвращался из него. Регулярно направлялись делегации для информирования национального собрания о беспорядках, вызванных опасностью осады Парижа, и о мерах, принятых для сдерживания безудержной ярости народа.

Национальное собрание, действительно, теперь появилось с достоинством, подобающим отцам своей страны; видя собственную опасность, они робко не отступили от линии поведения, которая вызвала насилие суда; и президент, пожилой человек, которого считали не способным выполнять нынешние обязанности, был назначен вице-президентом.

На этот пост был выбран маркиз Лафайет: депутат по нескольким причинам популярный. В Америке, где он добровольно рисковал своей жизнью и состоянием, прежде чем французская нация встала на их сторону, он усвоил определенные справедливые принципы правления; и они были усвоены им в пределах его понимания, которое было несколько ограниченным. Он обладал большой искренностью сердца, хотя и не был лишен своей доли национального тщеславия. Он уже отличился на собрании знати, разоблачив казнокрадство Калонна и выступив против произвола графа д'Артуа. Руководствуясь теми же мотивами, он точно так же предложил во время их заседаний несколько смелых планов реформ, рассчитанных на то, чтобы одновременно сократить государственные доходы и уменьшить недовольство нации.—Среди них было предложение об упразднении Бастилии и других государственных тюрем по всему королевству; и о запрете *lettres de cachet*. И все еще имея в виду те же цели, он в тот самый день,

когда был получен насмешливый ответ короля (11-го), представил ассамблее предложение о *ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ*, аналогичной той, что принята в некоторых американских штатах. Маркиз де Кондорсе опубликовал декларацию такого рода, чтобы проинструктировать депутатов перед их заседанием. Лафайет передал копию своей декларации прав собравшимся избирателям для зачитывания народу; и ничто не могло быть лучше приспособлено для поддержания их твердости, указывая им, какого пункта они должны придерживаться, чем короткое обращение, с которого оно начиналось. — "Вспомните чувства, которые природа запечатлела в сердце каждого гражданина и которые обретают новую силу, когда их признают все.—Чтобы нация любила свободу, достаточно, чтобы она это знала; а чтобы быть свободной, достаточно, чтобы она этого желала^[16]."

Мирабо, даже упорно поддерживая достоинство национального собрания, почувствовал укол зависти, что кто-то другой выдвинул такое важное дело, как набросок новой конституции; открыто заявляя, что мир мог бы узнать, как они работали и за что боролись, если бы они стали жертвами их великодушия.

Теперь все собрание не могло не видеть в смене министерства надвигающуюся опасность, приближение которой некоторые считали химерой. Преисполненные решимости, однако, продолжать свои труды перед лицом таких враждебных приготовлений; все же принимая все разумные меры предосторожности для обеспечения своей безопасности, они послали известить короля о беспорядках в Париже и указать на бедствия, которые угрожали государству, если войска, окружившие столицу, не будут отправлены в более отдаленные районы; предлагая, в то же время, встать между армией и гражданами, чтобы попытаться предотвратить бедствия, которые, вероятно, последуют. Но король, упрямо склонный поддерживать нынешние меры или контролируемый кликой, ответил, "что он единственный судит о необходимости вывода войск"; и, отнесшись к предложенному вмешательству депутатов с самым невыразимым презрением, сказал им, "что они не могут быть полезны в Париже и необходимы в Версале для продолжения тех важных работ, которые он должен продолжать рекомендовать".

Не успел этот ответ быть сообщен, как Лафайет заявил, что нынешнее министерство должно быть объявлено ответственным за последствия своего упрямства; и собрание далее постановило, что Неккер и остальные члены министерства, которые только что были отправлены в отставку, несут с собой свое уважение и сожаление: что, встревоженные опасениями, вызванными ответом короля, они не перестанут настаивать на выводе войск и учреждении *гвардейско—буржуазной организации*. Они повторили свое заявление, что между королем и национальным собранием не может существовать промежуточной власти; и что поскольку государственный долг находится под надежной охраной французской чести, нация не отказывается выплачивать проценты с него, ни одна держава не имеет права произносить позорное слово "банкротство". Короче говоря, ассамблея заявила, что они настаивают на своих прежних постановлениях: — и что нынешние постановления должны быть представлены королю президентом и напечатаны для сведения общественности.

Тем не менее двор, презиравший смелые протесты собрания и не тронутый опасениями народа, которые, казалось, приводили его в отчаяние, которое всегда побеждает, побуждал короля упорствовать в осуществлении мер, которые они уговорили его принять. Ассамблея, таким образом, проявившая бдительность благодаря различным признакам приближения кризиса, который должен был определить их личную и политическую судьбу, в которую была вовлечена

судьба их страны, сочла благоразумным сделать свои заседания постоянными.

Воодушевленные и объединенные общей опасностью, они напоминали друг другу, "что, если они погибнут, их страна, все еще выживающая, восстановит свою силу; и что их планы на благо общества снова согреют сердца французов, храбрый и великодушный народ воздвигнет на их могиле в качестве бессмертного трофея конституцию, прочную, как разум, и долговечную, как время: — в то время как их мученическая смерть послужит примером, доказывающим, что прогресс знаний и цивилизации не остановить убийством нескольких человек".

Какова бы ни была цель суда в отношении национального собрания, которое, вероятно, представляло собой резню или заключение в тюрьму, необходимые для того, чтобы разогнать их и расстроить их теории реформ, несомненно, что их положение носило наиболее угрожающий характер; и их побег произошел благодаря мужеству и решимости народа; ибо сердце кабинета было слишком черствым, чтобы испытывать уважение или отвращение, когда речь шла о вознаграждении и прерогативах.

То, что отсутствие общей предусмотрительности при дворе помешало им защититься от сопротивления, было благоприятным обстоятельством для народа и дела человечества. Ибо они были настолько небрежны, что граждане, которые ранним утром 14-го повсюду рыскали в поисках оружия, запросили у комитета приказа потребовать, чтобы те, о ком они слышали, хранились в *отеле инвалидов*; и, соответственно, с ними был отправлен один из выборщиков, чтобы потребовать от губернатора передать нации все оружие и амуницию, вверенные его попечению. Он ответил, что группа граждан уже побывала у него, и он послал в Версаль за распоряжениями, умоляя их подождать возвращения курьера, которого он ожидает в течение часа или двух. Этот ответ сначала удовлетворил людей, которые приготовились с удовольствием ждать, пока один из них не заметил, что сегодня не тот день, чтобы терять время, и они настояли на немедленном вступлении; и мгновенно стали хозяевами всего оружия, которое они нашли, в количестве 30 000 мушкетов и шести пушек. Значительное количество различного рода оружия было также унесено из *гвардии мебели* менее организованным отрядом и попало в руки бродяг, которые всегда участвуют в беспорядках просто потому, что это беспорядки. Сто пятьдесят человек, подобных этому описанию, были обезоружены предыдущей ночью в *отель-де-виль*, где они заснули на ступеньках и скамейках, одурманенные украденным бренди; но когда они проснулись и попросили работы, не имея ни денег, ни хлеба, их послали помогать в изготовлении копий и другого оружия, которое не требовало особого мастерства. Фактически, никто из горожан не появился без какого-либо оружия, каким бы грубым оно ни было, чтобы выразить неповиновение, в то время как шестьдесят тысяч человек, зачисленных и распределенных по разным отрядам, были вооружены более организованно, хотя и не более воинственно. Армия свободы теперь, действительно, приобрела очень грозный вид; однако кабинет министров, никогда не сомневавшийся в успехе, по недомыслию пренебрег безопасностью - единственным оставшимся способом заставить восставший народ принять любые условия.

Париж, этот огромный город, не уступающий, пожалуй, никому в мире, уже некоторое время испытывал нехватку хлеба, и теперь муки не хватало, чтобы прокормить жителей на несколько дней вперед^[17].

Таким образом, если бы маршал Брольо прекратил поставки, горожанам пришлось бы умирать с голоду или в замешательстве маршировать, чтобы сразиться с его армией, прежде чем их

можно было бы приучить к регулярным действиям. Но, руководствуясь только порочными чувствами тирании, они сочли убийство наиболее быстрым способом довести борьбу до конца, благоприятного для их замыслов. Непривычные управлять свободными людьми, они и не мечтали об энергии нации, сбросившей свои оковы; и если их классические грезы научили их уважению к человеку, то, читая рассказ о той храброй горстке спартанцев, которые отбросили назад в Фермопилском проливе миллионы выстроенных рабов, они понятия не имели, что дело свободы все то же и что люди, повинующиеся ее порыву, всегда будут в состоянии противостоять атакам всех обессиленных наемников земного шара.

Воображение парижан, полное заговоров, ежечасно создавало многие объекты террора, с которых они начинали; хотя войска, находящиеся в движении вокруг Парижа, естественно, вызывали много ложных тревог, так что их подозрительный нрав мог бы сильно преувеличиться и без помощи выдумки. Впоследствии в *отель-де-виль* поступали различные сообщения о массовых убийствах, которые распаляли народ, хотя впоследствии оказалось, что это были пустые слухи, порождающие страх. Однако многое казалось несомненным; эскадрон гусар действительно был замечен, зависшим у входа в *предместье Сент-Антуан*, который исчез при приближении двух рот французской гвардии. Жители того же предместья заметили также, что пушки Бастилии были повернуты в сторону их улицы. Получив эту информацию, комитет отправил послание коменданту Бастилии с увещеваниями вместе с ним; и по одному в каждый из округов с просьбой объявить повсюду тревогу, разобрать мостовую на улицах, вырыть рвы и воспрепятствовать вводу войск всеми доступными им средствами. Но, хотя сообщения о враждебном поведении некоторых отрядов на окраинах Парижа взволновали террора, все же были основания сомневаться в истинном настрое солдат, поскольку значительное число из них, принадлежавших к разным полкам, явились к барьерам с оружием и поклажей, заявив о своем решительном намерении поступить на службу нации. Они были приняты округами и доставлены в *отель-де-виль*, а комитет распределил их среди национальных войск с предосторожностями, необходимыми для того, чтобы избежать внезапного нападения изменников.

Депутация, отправленная в Бастилию, теперь вернулась, чтобы дать отчет о своей миссии. Они сообщили комитету, что народ, разъяренный угрожающим положением пушек, уже окружил стены; но что они вошли без особых трудностей и были препровождены к губернатору, которого они просили изменить расположение его пушек; и что ответ, который он дал, был не таким недвусмысленным, как они могли бы пожелать. Затем они потребовали разрешения пройти во второй двор и не без большого труда получили разрешение. Маленький подъемный мост, продолжали они, был опущен, но большой, который вел в этот двор, был поднят, и они вошли через железные ворота, открывшиеся по зову губернатора. Во дворе они увидели три пушки, готовые к бою, с двумя канонирами, тридцатью шестью швейцарцами и дюжиной инвалидов, все при оружии; штабные офицеры также были в сборе.—Они немедленно призвали их, во имя чести нации и ради своей страны, изменить направление пушечных выстрелов; и, по просьбе даже самого губернатора, все офицеры и солдаты поклялись, что пушки не будут стрелять или они применят свое оружие, если на них не нападут. Короче говоря, другая депутация от одного из округов также была принята с большой вежливостью губернатором; и пока они немного подкреплялись, он фактически приказал отвести пушки; и через минуту после того, как им сообщили, приказ был выполнен.

Чтобы успокоить народ, эти самые люди спустились по лестнице *ратуши*, чтобы заявить о полученных ими заверениях в дружественных намерениях губернатора; но в то время, как

звучала труба, требуя тишины, из квартала Бастилии донесся пушечный залп; и в тот же момент огромная толпа высыпала на площадь перед отелем с криками об измене. И чтобы подкрепить обвинение, они привели с собой гражданина и солдата французской гвардии, оба раненые. Ходили слухи, что еще пятнадцать или двадцать человек, раненых одновременно, были оставлены без присмотра в разных домах по пути; что губернатор Делоне опустил первый подъемный мост, чтобы привлечь к себе людей, которые требовали оружия; и что они, с уверенностью откликнувшись на это приглашение, немедленно получили залп из всех мушкетов крепости. Это сообщение, подтвержденное присутствием двух раненых, продемонстрировало комитету вероломство войск, охранявших Бастилию, и необходимость послать помощь тем, кто без приказа или достаточных сил начал атаку. Тем временем ярость народа была направлена против мэра, который различными уловками пытался унять ярость, возбужденную его тщетными обещаниями раздобыть оружие. Он, правда, несколько раз разгонял толпу, посылая ее в разные места с приказом об оружии, где, как он знал, его нельзя было найти; и теперь, чтобы утихомирить подозрения, которые грозили вылиться в какие-нибудь ужасные акты насилия, вовлекающие весь комитет в такое же уничтожение, он предложил войти в состав третьей депутации; вторая, судя по всему, была задержана, чтобы выразить протест Делоне и попытаться предотвратить пролитие крови. Сопровождать их было приказано с барабаном и знаменами, поскольку предполагалось, что отсутствие какого-либо сигнала помешало остальным выполнить свое поручение.

Однако вскоре после их отъезда вернулась вторая депутация и сообщила комитету, что по пути в Бастилию они встретили раненого гражданина, которого несли его товарищи, которые сообщили им, что в него выстрелили из ружья, выпущенного из Бастилии на улицу Сент-Антуан; и что сразу же после того, как они были остановлены толпой, которая охраняла трех инвалидов, они открыли огонь по своим согражданам. Судя по этим событиям, добавили они, что опасность возрастает, мы ускорили наши шаги, воодушевленные надеждой положить конец такому неравному бою. Подойдя на расстояние ста шагов к крепости, мы увидели солдат на башнях, стрелявших по улице Сент-Антуан, и слышали выстрелы горожан во дворе, стрелявших по гарнизону. Подойдя ближе, мы подали несколько сигналов губернатору, которые были либо незамечены, либо проигнорированы. Затем мы приблизились к воротам и увидели людей, почти у всех не было ничего, чем можно было бы защититься, они бросились вперед, подвергаясь резкому артиллерийскому обстрелу, который обрушился прямо на них, произведя большой опустошение. Мы убедили тех, у кого было оружие, прекратить огонь на мгновение, пока мы повторяем наш сигнал о мире; но гарнизон, несмотря на это, продолжал свои обстрелы, и мы с горечью увидели, как рядом с нами упали несколько человек, чьи руки мы остановили. Мужество остальных, вновь воспламененное негодованием, толкнуло их вперед. Наши увещевания, наши молитвы больше не возымели никакого действия, и они заявили, что теперь им нужна не депутация.— Это была осада Бастилии, разрушение этой ужасной тюрьмы, смерть губернатора, вот чего они требовали с громкими криками. Получив отпор от этих храбрых граждан, мы разделили их минутное негодование, столь полностью оправданное отвратительным актом вероломства, в котором они обвинили губернатора.— Затем они повторили нам информацию, которая уже дошла до вас, — что утром толпа подошла к Бастилии, требуя оружия, губернатор разрешил войти определенному числу людей, а затем открыл по ним огонь. Таким образом, измена губернатора была первым сигналом к войне, которую он сам начал со своими согражданами, и, казалось, был готов упрямо продолжать, поскольку

отказался принять депутацию. Теперь он раздавался во всех частях города. — "Возьмем Бастилию!" — И пять пушечных орудий, ведомые этим криком, поспешили в бой.

Некоторое время спустя вернулась и третья депутация и рассказала, что при виде их белого флага один из них был поднят на вершине Бастилии, а солдаты опустили оружие; — что под покровительством этих знаменосцев мира депутаты от имени постоянного комитета призвали народ удалиться в свои районы и принять наиболее надлежащие меры для восстановления спокойствия - и что это отступление действительно имело место; все люди, естественно, проходили через двор, где оставалась депутация. .—Когда, несмотря на белую эмблему миролюбивых настроений, выставленную на башне, депутаты увидели пушечное орудие, установленное прямо у двора, и получили внезапный мушкетный залп, убивший трех человек у их ног, — это зверство в тот момент, когда они успокаивали народ, привело их в ярость; и многие из них даже приставили свои штыки к груди депутатов; говоря: "Вы тоже предатели и привели нас сюда, чтобы нас было легче убить" — и было бы трудно успокоить их, если бы они не были убиты. неужели кто-то из депутатов не велел им заметить, что они разделяют одну и ту же опасность? Затем возбуждение улеглось, они поспешили назад и встретили 300 французских гвардейцев, за которыми следовали пушки, отнятые у инвалидов, все маршировали быстрым шагом, крича, что они собираются взять Бастилию. Один из депутатов, отделенный от остальных, далее рассказал, что, будучи вынужден перелезть через мертвых и умирающих, чтобы спастись, народ, признавший в нем выборщика, пожелал ему спастись — ибо измена была очевидна. 'Скорее это вам, друзья мои, - ответил он, - следовало бы удалиться; вы, кто мешает нашим солдатам и пушкам войти в этот загроможденный двор, где вы все напрасно погибнете'. Но они прервали его во время транспортировки, воскликнув— 'Нет!—Нет! нашими мертвыми телами можно будет засыпать траншею'. Поэтому он удалился, и яйца засвистели у него в ушах. Эти рассказы и слух о втором акте предательства, распространившийся по городу, сильно взволновали умы, и без того живущие в подозрении.

Новые толпы постоянно врывались в *отель-де-виль*, и снова они угрожали поджечь его, повторяя, сколько раз мэр обманывал их. И когда он попытался успокоить их, придумав благовидные предлоги, они заткнули ему рот, сказав в один голос: 'Он пытается выиграть время, заставляя нас терять себя'. Также были зачитаны вслух два перехваченных листка, адресованных высшим должностным лицам Бастилии, в которых содержалось пожелание им выделиться и обещание помощи; это усилило общественное негодование, направленное главным образом против коменданта Бастилии, мэра и даже постоянного комитета.— Крик следовал за криком, и обнаженные руки были подняты вверх, призывая к мести, — когда старик воскликнул: "Друзья мои, что нам здесь делать с этими предателями!"— Пойдем маршем на Бастилию! при этом крике, как по сигналу победы, весь народ поспешно покинул зал, и комитет неожиданно оказался один.

В этот момент одиночества и ужаса вошел человек, в котором страх читался во всех чертах лица, и сказал, что площадь содрогнулась от ярости людей; и что они предали всех смерти. — Уходите! - воскликнул он, выбегая. 'Спасайтесь, пока можете — или вы все погибли! Но они оставались неподвижны, и им недолго было позволено в молчании предвосхищать приближение опасности, ибо одна партия людей, следовавшая за другой, приводила нескольких своих раненых товарищей, и те, кто их приводил, со страстью описывали кровавую бойню граждан, принесенных в жертву под валами Бастилии. Это побоище военные офицеры

объяснили беспорядком атаки и бесстрашием нападавших, которое было еще большим, чем беспорядок.

Рассказы о резне, тем не менее, были, безусловно, сильно преувеличены; ибо крепость, по-видимому, была взята силой духа толпы, рвущейся вперед, невзирая на опасность. Пыл осаждающих, а не их численность, привел гарнизон в замешательство, ибо Бастилия по праву считалась самой прочной и устрашающей тюрьмой в Европе, а может быть, и в мире. Его всегда охраняло значительное количество войск, и губернатор заранее подготовился к его обороне; но неожиданная стремительность парижан была такова, что ничто не могло противостоять ей. Несомненно, что Делоне поначалу презирал попытку народа и больше стремился спасти от увечий или разграбления небольшой эlegantный дом, который он построил во внешнем дворе, чем избежать резни. Однако впоследствии, в безумии отчаяния, он, как говорят, скатывал большие каменные глыбы с платформы на головы людей, пытался взорвать крепость и даже покончить с собой. Правда, французские гвардейцы, смешавшиеся с толпой, оказали существенную услугу при штурме Бастилии, посоветовав им взять с собой пушки и принять некоторые другие меры, которые мог подсказать только военный опыт; но энтузиазм момента сделал ненужным знание военного искусства, а решимость, более могущественная, чем все машины и батареи в мире, заставила подъемные мосты упасть, а стены рухнуть.

В то время как люди несли все, что было перед ними, комитет думал только о том, чтобы предотвратить дальнейшее пролитие крови. Поэтому была назначена другая депутация, более многочисленная, чем была послана до сих пор; и они как раз отправлялись с этим мирным поручением, когда несколько голосов возвестили, что Бастилия взята. Однако на них обратили мало внимания, и новость была настолько невероятной, что впечатление, произведенное слухом, оказалось недостаточно сильным, чтобы остановить бесчинства толпы, которая все еще угрожала мэру и комитету.—Когда новый шум, услышанный сначала на таком расстоянии, что его нельзя было различить, был ли это крик победы или тревоги, приближающийся с грохотом и быстротой бури, подтвердил неожиданную информацию.— Ибо Бастилия была взята!

В этот момент даже большой зал был наводнен толпой всех рангов, вооруженной всеми видами оружия. Шум был неопиcуемый — и, чтобы усилить его, кто-то крикнул, что отель сдается, под смешанные крики победы и измены! месть и свобода!—Затем в зал втащили около тридцати инвалидов и швейцарских солдат, смерти которых властно требовала толпа.—Повесьте их! Повесьте их! раздался всеобщий рев.

Офицер королевского гвардейского полка (месье Эли) был доставлен на плечах победителей Бастилии и провозглашен ими первым из граждан, которые только что овладели ею. Усилия, которые он употребил, чтобы подавить похвалы чести, которыми его осыпали, не увенчались успехом; и его, несмотря на его скромность, посадили на стол напротив комитета и окружили заключенными, которые, казалось, стояли в страшном ожидании своей участи. В этой ситуации он был коронован, а вокруг неловко расставлены оружейные трофеи, которым чувства и обстоятельства придавали достоинство. Все оружие, взятое в Бастилии, было доставлено ему, и его товарищи самым серьезным образом настаивали на том, чтобы он принял его как самую богатую добычу побежденного врага. Но он твердо отказался, объяснив мотивы своего отказа так красноречиво, что убедил всех, кто его слушал, что добыча принадлежит не им; и что патриотизм, ревнующий только к славе и почестям, покраснеет при получении денежного вознаграждения. — И, благородно используя свое влияние на народ, он начал рекомендовать

умеренность и милосердие. Но вскоре его прервал рассказ о смерти Делоне; его схватили во дворе Бастилии, и разъяренная толпа потащила его почти до *отель—де-виль*, прежде чем он был убит.— И вскоре после этого поступило сообщение о смерти трех других офицеров.

Заклученные слушали эти рассказы с выражением лиц жертв, готовых быть принесенными в жертву, в то время как разъяренная толпа требовала их немедленной казни. Один из выборщиков высказался в их пользу, но ему едва позволили продолжать. Люди, действительно, были в основном разгневаны на троих инвалидов, которых они обвинили в том, что они были канонирами, которые так яростно стреляли по горожанам. Один из них был ранен и, следовательно, внушал больше сострадания. Маркиз де ла Саль встал перед этим несчастным и, заставив, в какой-то степени, народ выслушать его, настаивал на власти, которой он должен обладать как главнокомандующий; добавив, что он только хотел бы привлечь виновных к ответственности, чтобы их можно было судить со всей строгостью военного положения. Люди, казалось, одобрили его рассуждения; и, воспользовавшись этим благоприятным поворотом событий, он перевел раненого инвалида в другое помещение.— Но, пока он спасал жизнь этого несчастного человека, толпа поспешно вывела двух других из зала и немедленно повесила их на соседнем фонарном столбе^[18]. Кипение, тем не менее, несмотря на этот всплеск ярости, все еще продолжалось и не было ослаблено даже этими жестокими актами возмездия. Общественное сознание волновали два чувства — радость от победы и жажда мести. Сбивчивые обвинения в государственной измене раздавались со всех сторон, и каждый стремился проявить свою проницательность в раскрытии заговора или с таким же упорством заменял подозрение убеждением. Мэр, однако, представил достаточные доказательства своего расположения поддержать суд, чтобы оправдать ярость, вспыхнувшую против него; и когда вокруг него поднялся всеобщий крик о том, что ему необходимо отправиться в *пале-рояль*, чтобы предстать перед судом своих сограждан, он согласился сопровождать народ.

Тем временем шумиха вокруг остальных инвалидов удвоилась. Но французские гвардейцы, входившие группами, просили в награду за услугу, которую они оказали своей стране, помиловать своих старых товарищей; и г-н Эли присоединился к просьбе, добавив, что эта милость была бы более благодарна его сердцу, чем все подарки и почести, которыми они хотели бы его осыпать. Тронутые его красноречием, некоторые воскликнули — Пардон! и то же чувство распространилось по кругу — Пардон! Пардон! последовало свирепое требование мести, которое до сих пор заглушало сочувствие. И чтобы обеспечить их безопасность, г-н Эли предложил заставить заключенных принести клятву верности нации и городу Парижу, и это предложение было встречено со всеобщим удовлетворением. После приведения к присяге французские гвардейцы окружили пленников и увели их, не встретив среди них никакого сопротивления.

Комитет теперь пытался восстановить что-то вроде порядка, ибо в суматохе стол был сломан, и разрушения грозили со всех сторон — когда вошел человек, чтобы сообщить им, что неизвестная, но, несомненно, милосердная рука застрелила мэра и таким образом единственно возможным способом избавила его от народного гнева, весь характер его поведения, фактически, оправдывал выдвинутое против него обвинение, и делал, по крайней мере, этот эффект общественного негодования простительным.— Настолько простительно, что если бы страсти народа, разожженные коварными людьми, впоследствии не были направлены на совершение самых варварских злодеяний, месть наших дней вряд ли можно было бы назвать актами несправедливости или бесчеловечности.

Бастилия была взята около четырех часов пополудни, и после борьбы за спасение заключенных были предложены некоторые необходимые постановления для обеспечения общественной безопасности. Поведение чиновников так разозлило народ, что теперь поднялся крик против аристократов; и этим вечером в *отель-де-виль* было приведено несколько выдающихся людей, которые, бродя по улицам, казалось, устраивали приключения, необходимые для того, чтобы использовать их пробудившийся дух. Затаив дыхание от победы, они на мгновение дали волю радости; но звуки ликования, затихавшие с наступлением дня, ночью вернули все их прежние опасения; и они с новым испугом выслушали сообщение о том, что отряд войск готовится проникнуть в одно из заграждений. Поэтому, не позволив себе уснуть на своем победоносном оружии, эта ночь также была напряженной, ибо взятие Бастилии, хотя и явилось доказательством мужества и решимости парижан, никоим образом не защитило их от коварных замыслов двора. Они очень решительно продемонстрировали свою решимость сопротивляться угнетению; но войска, которые вызвали их сопротивление, все еще, по-видимому, ждали возможности уничтожить их. Затем каждый гражданин поспешил на свой пост, ибо сам их успех заставил их еще больше бояться. Снова зазвонил *набат*, и пушки, вынудившие Бастилию сдаться, поспешно потащили к месту тревоги. Мостовая на прилегающих улицах была с поразительной быстротой разорвана и занесена на крыши домов, где женщины, не менее оживленные, стояли, готовые швырнуть ее вниз, в солдат. Короче говоря, весь Париж не спал; и эта бдительность либо расстроила планы заговорщиков, либо напугала враждебные силы, которые, казалось, никогда серьезно не подходили к своим мерам. Ибо вполне вероятно, что был нанесен какой-то решающий удар; но что офицеры, которые ожидали своим присутствием только запугать до повиновения горожан, мужество которых они, напротив, пробудили, оказались в нерешительности из-за недовольства солдат. Таким образом, нация была спасена почти невероятным усилием возмущенного народа, который впервые почувствовал, что он суверен и что его власть соизмерима с его волей. Это, безусловно, был великолепный пример, доказывающий, что ничто не может устоять перед народом, решившим жить свободно; и тогда стало ясно, что свобода Франции зависит не от нескольких человек, каковы бы ни были их добродетели или способности, а исключительно от воли нации.

В течение этого дня, пока парижане так активно боролись за свою безопасность, национальное собрание было занято формированием комитета, которому было поручено разработать план конституции для обсуждения всего органа: обеспечить права народа на вечных принципах разума и справедливости; и тем самым гарантировать национальное достоинство и респектабельность. Ближе к вечеру неопределенность того, что происходило в Париже, таинственное поведение кабинета министров, присутствие войск в Версале, подтвержденные факты и предполагаемые проскрипции, вызвали на этом заседании непроизвольные эмоции, которые, естественно, должны были вызваны приближением катастрофы, которая должна была решить спасение или гибель государства. Мирабо, твердый в своей точке зрения, показал необходимость настаивать на немедленной отправке войск; и вскоре после этого виконт де Ноай, прибывший из Парижа, сообщил им, что оружие было изъято из дома *инвалидов* что Бастилия фактически осаждена. Первым побуждением было отправиться туда вообще и попытаться открыть королю глаза; но после некоторого размышления была назначена многочисленная депутация, которая настаивала на выводе войск и говорила с его величеством

с той энергичной откровенностью, которая была тем более необходима, что он был обманут каждым человеком, который его окружал. Пока они отсутствовали, два человека, посланные парижскими курфюрстами, сообщили собранию о взятии Бастилии и других событиях того дня, которые были повторены им, когда они вернулись с туманным ответом короля.

Затем была немедленно отправлена вторая депутация, чтобы сообщить ему об этих обстоятельствах, на что он ответил: "Вы все больше и больше огорчаете мое сердце рассказами о несчастьях Парижа, которые вы мне приносите. Но я не могу поверить, что приказы, которые я отдал войскам, являются их причиной: следовательно, мне нечего добавить к ответу, который вы уже получили от меня".

Этот ответ усилил всеобщую тревогу; и они снова решили продлить заседание на всю ночь; либо быть готовыми принять врага во время их священного служения, либо предпринять последнюю попытку возле трона, чтобы помочь столице. Ничто не могло превзойти тревожной неопределенности этого положения, ибо самые решительные из депутатов были обеспокоены своей судьбой, поскольку их личная безопасность была связана со спасением Франции. Их ночной разговор, естественно, зашел о последних событиях, произошедших в Париже; волнениях в провинциях; и ужасах голода, готового поглотить тех, кого пощадила гражданская война. Старики искали часа отдыха на столах и коврах; больные отдыхали на скамейках. Все видели меч, занесенный над ними и над их страной, и все боялись завтрашнего дня, еще более ужасного.

Впечатленный их положением и опасностью государства, один из депутатов (герцог де Лианкур) покинул свой пост и попросил личной аудиенции у короля, которому он горячо упрекнул, указав на критическое положение королевства; и даже королевской семьи, если его величество будет настаивать на поддержке нынешних мер. Месье, старший брат короля и не только самый честный, но и самый разумный представитель королевской крови, немедленно присоединился к герцогу, заставив замолчать остальных членов заговора. Сначала они с презрением отнеслись к полученному известию о взятии Бастилии, а теперь были настолько ошеломлены полученным подтверждением, что, не зная, как направить короля, оставили его следовать совету того, кто осмеливался давать ему советы.—И он, то ли убежденный, то ли уговоренный, решил выпутаться из нынешних трудностей, уступив необходимости.

Утром 15-го национальное собрание, не поставленное в известность об этом обстоятельстве, решило направить королю еще одно предостережение; и Мирабо, вкратце изложив обращение, быстро и живо обрисовал остроту момента. "Скажите ему, — сказал он, — что орды иностранцев, которыми мы осаждены, вчера посетили принцы и принцессы, их фавориты и приспешники, которые, осыпая их ласками и подарками, призывали их к стойкости. — скажите ему, что всю ночь эти иностранные сателлиты, объевшиеся золота и вина, в своем нечестивом лагере предсказывали покорение Франции и что они с жестокой яростью призывали к разгрому национального собрания. - скажите ему, что даже в его присутствии эти иностранные сателлиты, объевшиеся золота и вина, предсказывали в своем нечестивом лагере порабощение Франции и что они призывали с жестокой яростью к разгрому национального собрания. в собственном дворце придворные смешались в танце под звуки этой варварской музыки - и, скажите ему, что такова была сцена, о которой возвестил святой Варфоломей.

- Скажи ему, что Генрих, память о котором благословляет мир, предок, которого ему следовало бы взять за образец, позволил провизии проникать в Париж в состоянии восстания, когда он

лично осаждал его; в то время как его свирепые советники возвращают муку, которую торговый оборот доставлял в его верный и изголодавшийся город.

Депутация покинула зал, но была остановлена герцогом де Лианкуром, который сообщил им, что король прибывает, чтобы вернуть им спокойствие. Это известие принесло облегчение каждому; и циник, вероятно, нашел бы меньше достоинства в радости, чем в горе собравшихся. Депутат, однако, умерил эти первые эмоции, заметив, что эти перевозки представляли собой шокирующий контраст с бедствиями, которые уже пришлось пережить людям. Он добавил, 'что почтительное молчание было надлежащим приемом монарха в момент общественной скорби: ибо молчание народа - единственный урок королей'.

Вскоре после этого король появился в собрании, стоя с непокрытой головой и не обращая никакого внимания на церемонии. Он обращался к представителям народа с искусной привязанностью, ибо, поскольку невозможно избежать сравнения его теперешнего ласкового стиля с тем холодным презрением, с которым он отвечал на их неоднократные увещевания предыдущим вечером, не будет грубостью с его стороны презирать притворство и предполагать, что оно было продиктовано скорее эгоистичным благоразумием, чем чувством справедливости или человечности. Он посетовал на беспорядок, царивший в столице, и попросил их придумать какой-нибудь способ вернуть порядок и спокойствие. Он сослался на сообщение о том, что личная безопасность депутатов была поставлена под угрозу, и с презрительным двуличием спросил, не опровергает ли его хорошо известная репутация подобные слухи. Рассчитывая затем, заключил он, на любовь и верность своих подданных, он отдал приказ войскам перебраться в более отдаленные районы - и он разрешил, более того, пригласил их сообщить о своих намерениях метрополии.

Эта речь была прервана и сопровождается самыми бурными аплодисментами; хотя благоразумие ряда депутатов, вероятно, не могло быть омрачено их сочувствием; и когда король возвращался во дворец пешком, большая часть собрания сопровождала его, к нему присоединилось множество людей, которые сотрясали воздух своими благословениями. Заявление Людовика о том, что, доверившись представителям народа, он приказал войскам уйти из Версаля, было распространено за границы, каждый человек, почувствовав себя освобожденным от гнета страха и освобожденным от пут деспотизма, отбросил всякую осторожность; и национальное собрание немедленно назначило восемьдесят четыре своих самых уважаемых члена, чтобы передать в Париж радостную весть; что измученные парижане могут разделить радость, которую они доставили собранию самыми благородными усилиями.

Прибыв в Париж, они были встречены с энтузиазмом, как спасители своей страны; и увидели там более ста тысяч вооруженных людей, сформированных в отряды; это свидетельствовало о превосходстве нации, поднимающейся на собственную защиту, по сравнению с наемными машинами тирании. Восторг людей и сочувствие депутатов, должно быть, создали в высшей степени интересную картину: успех на мгновение возвышает сердца, а надежда озаряет перспективы на будущее.—Но воображение вяло рисовало бы этот ослепительный солнечный свет, подавленное воспоминаниями о зловещих событиях, которые с тех пор затуманили яркие лучи. Лишенные, таким образом, из—за меланхолических размышлений возможности радоваться вместе со счастливой толпой, необходимо обратить наше внимание на обстоятельства, из которых человечество может извлечь урок: — и первое, что бросается нам в глаза, это те, которые привели в замешательство подлый план министерства; — постановления,

которые поддерживали порядок в столице; —поразительное взятие Бастилии; —союз французской гвардии с гражданами; —быстрое создание городского ополчения; - и, короче говоря, поведение людей, которые не выказывали ни жажды грабежа, ни злого умысла. склонность к беспорядкам.

Суд своими преступными действиями полностью вывел из строя политические машины, которые поддерживали старое изношенное правительство^[19]; который, изъеденный червями во всех своих опорах и прогнивший во всех суставах, пал при первом потрясении — чтобы никогда больше не подняться. Разрушение Бастилии — этой крепости тирании! который на протяжении двух столетий был позором и ужасом метрополии^[20], был смертным приговором старой конституции.

Объединение трех сословий, фактически обеспечившее власть национального собрания и превратившее двор в фикцию, не могло не оказаться крайне унижительным для его старых приспешников; а успех народа 14 июля, провозгласившего свое превосходство, придворные, прибегнув к своим старым уловкам, подсказали королю линию поведения, наиболее правдоподобную и лестную для бесцеремонных сторонников революции; в то время как более проникательным это выдавало лицемерие, столь же очевидное, сколь и мотивы советников. вопиюще заинтересованный. Поскольку их взгляды были ограничены порочностью их характера, они воображали, что его очевидное молчаливое согласие, вызывающее восхищение и привязанность нации, было бы самым надежным способом обеспечить ему то влияние в правительстве, которое в конечном итоге могло бы привести к свержению того, что они называли выскочкой законодательного органа; и, используя шансы, восстановить тиранию неограниченной монархии.

Этот серьезный фарс начался до той памятной эпохи; и, отмечая выдающиеся черты событий, приведших к катастрофам, запятнавшим славу революции, невозможно слишком близко подходить к искусству действующих партий; а также к доверчивости и энтузиазму людей, которые, неизменно направляя свое внимание на одну и ту же точку, всегда руководствовались в своих человеческих чувствах самыми популярными анархистами. Ибо это единственный способ составить справедливое мнение о различных переменных в людях, которые, сменяя друг друга с такой поразительной быстротой, привели к самым роковым бедствиям.

Кабинет министров, действительно, чтобы лучше замаскировать свои тайные махинации, заставил короля объявить 23 июня, что "он отменил и ликвидировал все полномочия и ограничения, которые, ограничивая свободу депутатов, препятствовали бы им либо принять форму обсуждения отдельными приказами, либо совместно, отдельным голосом трех приказов", что полностью санкционировало создание национального собрания единым и неделимым.—И в той же декларации, статья 6-я, он говорит, "что он не допустит, чтобы *cahiers*, или мандаты, рассматривались как диктаторские; ибо их следует рассматривать только как простые инструкции, доверенные совести и свободному мнению избранных депутатов". Это давало им неограниченную свободу действий.—Это было не только молчаливое согласие на их действия; но и предоставление им всех его полномочий по разработке конституции. Это было легализацией их действий, даже в соответствии с произвольными правилами старого деспотизма; и формальной отменой той воображаемой власти, санкция которой в прежний период была бы необходима для их существования как представителей народа.—Но, к счастью, тот период миновал; и те люди, которые не знали правил поведения, превыше повелений своего

суверена, теперь были достаточно просвещены, чтобы требовать восстановления своих давно отнятых прав; -и конституции, на основе которой они могли бы укрепить свою свободу и национальное братство.

Это властное требование было непреодолимо; и кабинет министров, неспособный обуздать общественное мнение, прибегнул к тем уловкам, которые, приведя к их краху, похоронили под обломками все то тщеславное величие, которое было воздвигнуто на нагребленном промышленностью, в то время как его позолота скрывала печальные объекты нищеты, которые чахли в его тени. Живые сангвинические умы, испытывавшие отвращение к порокам и искусственным манерам, порожденным великим неравенством условий во Франции, естественно, приветствовали рассвет нового дня, когда была разрушена Бастилия; и свобода, подобно льву, поднявшемуся из своего логова, поднялась с достоинством и спокойно встряхнулась. — С восторгом они следили за ее благородной поступью, даже не предполагая, что тигр, жаждущий крови, и все жестокое стадо обязательно объединятся против нее. — И все же это имело место; псы войны были спущены на волю, и коррупция кишела вредной жизнью. — Но пусть хладнокровные мудрецы не ликуют, что их головы не были введены в заблуждение их сердцами; или не воображают, что улучшение времен не предвещает смену правительства, постепенно происходящую для улучшения судьбы человека; ибо, несмотря на порочное поведение существ, испорченных старой системой, преобладание истины сделало принципы в некоторых отношениях торжествующими над людьми; и орудия зла удивлялись добру, которое они невольно произвели.

ГЛАВА IV.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОВЕДЕНИИ ДВОРА И КОРОЛЯ. ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УСЛОЖНЕНИЯ ЗАКОНОВ. ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ. СОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНИХ, ЭТО ПРОГРЕСС. КРУАЗАДЫ И РЕФОРМАЦИЯ. РАННЯЯ СВОБОДА БРИТАНИИ. БРИТАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ. СУДЬБА СВОБОДЫ В ЕВРОПЕ. Россия. ЗАКАТ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ДЕКАРТ. НЬЮТОН. ОБРАЗОВАНИЕ УЛУЧШИЛОСЬ. ГЕРМАНИЯ. FREDERIC II. Из ПРУССИИ.

Эффект, произведенный двуличием судов, должен быть очень велик, поскольку перипетии, произошедшие в Версале, не могли научить каждого человека здравому смыслу, что настал момент, когда уловки и предательство больше не могут избежать разоблачения и наказания; и что единственной возможностью завоевать прочное доверие народа было то строгое внимание к правосудию, которое порождает достойную искренность действий. Ибо после раскрытия заговора, задуманного с целью обмануть ожидания народа, было естественно предположить, что они будут питать самые неослабевающие подозрения к каждому человеку, который был посвящен в него.

Для Франции и несчастного Людовика было бы счастьем, если бы его советники могли воспользоваться опытом. Но, продолжая следовать по старому пути, перепрыгивая через шахту, взрыв которой на мгновение привел их в замешательство, мы обнаружим, что постоянное лицемерие короля и хитрости его советников были главной, хотя, возможно, и не единственной причиной его разорения. Иногда он, по-видимому, не доверял клике; и все же, со смесью легкости и упрямства в своем характере, сопутствующими лености ума, он позволял управлять

собой, не пытаясь выработать какой-либо принцип действия, регулирующий его поведение. Ибо, если он когда-либо действительно желал быть полезным своему народу и облегчить его накопившееся бремя, на чем постоянно настаивали, он был удивительно недалек в суждениях, чтобы не видеть, что он был окружен подхалимами, которые жирели на крови их сердец, используя его собственную руку, чтобы заклеить свое имя позором. В ответ, возможно, можно будет возразить, что этот уступчивый нрав был доказательством благосклонного желания короля способствовать благополучию своих подданных и предотвратить ужасы анархии. Чтобы опровергнуть подобные замечания, необходимо только заявить, что приготовления, которые были сделаны для роспуска национального собрания и полного подчинения народа, если они не были его непосредственным изобретением, должны были иметь его санкцию, чтобы придать им действенность; и что отступлений, которые он применил в этом случае, было достаточно, чтобы вызвать подозрения во всех других действиях его правления. И это будет видно по всем шагам, которые он впоследствии предпринял для умиротворения народа, на которые мало обращали внимания после того, как угасли живые эмоции, которые они возбуждали; в то время как отсутствие нравственности при дворе и даже в собрании привело к тому, что преобладающее недоверие привело к непредсказуемости поведения по всей империи. Возможно, напрасно ожидать, что развращенная нация, какие бы примеры героизма и благородного бескорыстного поведения она ни демонстрировала при внезапных чрезвычайных ситуациях или при первом провозглашении полезной реформы, когда-либо будет неуклонно преследовать великие цели общественного блага прямым путем добродетельных амбиций.

Однако, если бедствия, последовавшие во Франции за взятием Бастилии, благородным усилием, частично приписываются невежеству, или только отсутствию морали, зло ни в какой степени не уменьшается; это также не оправдывает поведение ярых противников этих мужественных усилий, вдохновленных голосом разума. Было потребовано устранение тысячи изматывающих притеснений; — и обещано, чтобы ввести в заблуждение общественность; которая, обнаружив, наконец, что надежды, которые смягчали их страдания, вероятно, будут разрушены интригами придворных, можем ли мы удивляться, что червь, которого эти придворные пытались раздавить, повернулся к той ноге, которая была готова растоптать его в пух и прах.

Усложнение законов в каждой стране имело тенденцию приводить в замешательство понимание человеком науки управления; и пока искусные политики пользовались невежеством или доверчивостью своих сограждан, было невозможно предотвратить падение нравственности, потому что безнаказанность всегда будет стимулом для страстей. Это было причиной неискренности, которая так долго позорила европейские дворы и, пронизывая каждый класс людей на их должностях или по найму, распространила свой яд на высшие слои общества; и это потребует упрощения законов, установления равных прав и ответственности министров для обеспечения справедливой и просвещенной политики. Но до тех пор, пока это не будет осуществлено, нас не должно удивлять, если мы услышим, как псевдопатриоты того времени разглагольствуют об общественных реформах только для достижения зловещих целей; или если мы случайно обнаружим, что самые прославленные персонажи были побуждены жалким эгоизмом или разъедающим негодованием к действиям на благо общества; в то время как историки по невежеству приписывают политические преимущества, достигнутые постепенным улучшением манер, их решимости и добродетельному применению своих талантов.

И нас не следует отговаривать от попытки такого упрощения, потому что ни одна страна еще не смогла этого сделать; поскольку кажется очевидным, что нравы и правительство находились в постоянном и прогрессивном состоянии совершенствования и что распространение знаний, истины, которую можно продемонстрировать, никогда и ни в какой период не было столь повсеместным, как в настоящее время.

Если мы знаем, что в какую—то эпоху цивилизации все улучшения, достигнутые в искусствах и науках, были внезапно отменены как в Греции, так и в Риме, нам не нужно спрашивать, почему поверхностные мыслители были вынуждены думать, что существует лишь определенная степень цивилизации, которой люди способны достичь, не возвращаясь к состоянию варварства, из-за ужасных последствий анархии; хотя, возможно, необходимо заметить, что причины, вызвавшие это событие, никогда больше не смогут иметь того же эффекта: - потому что определенная степень знания была распространена по всему обществу. изобретением книгопечатания, которое не может искоренить никакое нашествие варваров. Кроме того, совершенствование правительств теперь зависит не от гения отдельных людей, а от импульса, который дает всему обществу открытие полезных истин. Тогда противники народных правительств могут сказать нам, если им угодно, что у Фемистокла не было мотива спасать свою страну, кроме удовлетворения своего честолюбия; что Цицерон был тщеславен, а Брут только завидовал растущему величию цезаря. — Или, возвращаясь к нашим временам; — что, если бы высокомерный Уэддерберн не оскорбил Франклина, он никогда бы не стал защитником независимости Америки; и что, если бы Мирабо не страдал в тюрьме, он никогда бы не написал против *lettres de cachet*, или поддерживал дело народа.—Все эти утверждения я готов признать, потому что они в точности доказывают то, что я хочу доказать; а именно, что, хотя плохая мораль и еще худшие законы помогли развратить страсти людей до такой степени, что выгоды, которые общество извлекало из талантов или усилий отдельных лиц, проистекали из эгоистичных соображений, все же оно находилось в состоянии постепенного улучшения и достигло такой степени сравнительного совершенства, что самые деспотичные правительства в Европе, за исключением России, начинают относиться к своим подданным как к человеческим существам, чувствуя себя людьми и обладая некоторыми способностями к самосовершенствованию. размышление.

Напротив, самая высокая степень цивилизации древних, по-видимому, заключалась в совершенстве, которого достигли искусства, включая язык; в то время как люди, всего лишь домашние животные, управлялись и развлекались религиозными зрелищами, которые вошли в историю как самое вопиющее оскорбление, когда-либо нанесенное человеческому разуму. Женщины находились в состоянии рабства; хотя мужчины, которые поддавались самым необузданным излишествам, даже надругательству над природой, ожидали, что они должны быть целомудренными; и избрали единственный способ сделать их такими в таком развращенном состоянии общества, управляя ими железным прутком; сделав их, за исключением куртезанцев, просто домашними животными для разведения.

Точно так же состояние рабства значительной части людей, вероятно, больше, чем какие-либо другие обстоятельства, способствовало деградации всего круга общества. Ибо, в то время как одному классу это придавало вид высокомерия, ложно называемого достоинством, другой класс приобрел раболепное выражение, которое страх всегда накладывает на расслабленное лицо. Я бы предположил, что это можно сформулировать как афоризм, что, когда какой-либо ведущий принцип действия основан на несправедливости, это усложняет весь характер.

В системах правления древних, в совершенстве искусств и в остроумных догадках, заменивших науку, мы видим, однако, все, что человеческие страсти могут сделать для придания величия человеческому характеру; но мы видим только героизм, который был следствием страсти, если исключить Аристиду. Ибо во времена юности мира культивировалось только воображение, а подчиненный разум просто использовался для регулирования вкуса, не распространяясь на его главное назначение - формирование принципов.

Законы, созданные скорее честолюбием, чем разумом, с презрением относились к священному равенству людей, стремясь лишь возвеличить сначала государство, а затем отдельных людей: следовательно, цивилизация никогда не простиралась дальше оттачивания манер, часто за счет сердца или морали; ибо эти два способа выражения имеют, как я полагаю, совершенно одинаковое значение, хотя последний может иметь больший размах. С какой же целью полуфилософы ликующе доказывают, что пороки одной страны не являются пороками другой; как будто это доказывает, что мораль не имеет прочного основания; когда все их примеры взяты у народов, только что вышедших из варварства, регулирующих общество на узкой шкале мнений, подсказанных их страстями, и необходимостью момента? Что, в самом деле, доказывают эти примеры? Если только им не будет позволено подтвердить мое наблюдение, что цивилизация до сих пор была лишь совершенством искусств и частичным улучшением нравов, стремясь скорее украсить высший ранг общества, чем улучшить положение всего человечества. Чувства часто были благородными, симпатии справедливыми - и все же жизнь большинства людей первого класса состояла из серии несправедливых поступков, потому что правила, которые считались целесообразными для укрепления общества, насиловали естественную справедливость. Поскольку возраст сделал многие из этих предписаний почтенными, холодными заменителями моральных принципов, было бы своего рода святотатством не снять с них готические облачения. И где же тогда найдется человек, который просто скажет, что король не может поступать неправильно; и что, совершая самые гнусные преступления, чтобы запятнать свой разум, его личность все равно остается священной?— Кто осмелится утверждать, что священник, который пользуется предсмертными страхами порочного человека, чтобы обмануть своих наследников, не более презренен, чем разбойник с большой дороги? — или что послушание родителям должно хоть на йоту выходить за рамки почтения, обусловленного разумом, подкрепленного любовью?— И кто будет хладнокровно утверждать, что справедливо лишать женщину, а не настаивать на том, чтобы с ней обращались как с изгоем общества, всех прав гражданки, потому что ее бунтующее сердце отворачивается от мужчины, которого, будучи мужем только номинально и благодаря тиранической власти, которую он имеет над ее личностью и имуществом, она не может ни любить, ни уважать, чтобы найти утешение в более близком или человеческом окружении? Таковы некоторые из ведущих предрассудков в нынешнем устройстве общества, которые уничтожают цветы надежды и делают жизнь жалкой и бесполезной — И когда к такому относились терпимо, более того, считали священным, кто может найти более чем сомнительные следы совершенства человека в системе ассоциаций, пронизанной подобными злоупотреблениями? Одно только сладострастие смягчало характер вплоть до нежности сердца; и по мере того, как культивировался вкус, люди искали покоя, скорее потому, что это было удобно, чем потому, что это было справедливо. Но когда войны нельзя было избежать, богатые нанимали людей, чтобы обеспечить им спокойное пользование предметами роскоши; так что война, став ремеслом, не делала свирепыми всех, кто прямо или косвенно ее вел.

Следовательно, если улучшения гражданской жизни почти полностью заключались в совершенствовании манер и удовлетворении мимолетных сердечных симпатий, то ясно, что эта частичная цивилизация, должно быть, исчерпала себя, уничтожив всю энергию разума. И ослабленный характер тогда естественным образом скатился бы обратно в варварство, потому что высшая степень чувственной утонченности нарушает все подлинные чувства души, превращая разум в жалкого раба воображения. Но, когда прогресс знаний сделает мораль реальной основой общественного союза, а не тенью под маской эгоизма, люди не смогут снова потерять почву, которую так уверенно заняли, или забыть принципы, какими бы достижениями они ни были.

И то, что цивилизация, основанная на разуме и морали, на самом деле имеет место в мире, покажется ясным всем тем, кто рассмотрел чудовищные пороки и гигантские преступления, запятнавшие лоск древних нравов. Какой аристократ, даже в штатах, где они распоряжаются жизнью и смертью, после изысканного приема, теперь навлек бы на себя отвращение своей компании, приказав бросить слугу в пруд для откорма рыбы.^[21]— Какой тиран осмелился бы в это время отравить своего брата за его собственным столом; или зарезать мать своего врага, не говоря уже о своей собственной, не приукрасив содеянное? и разве возгласы против боксерских поединков в Англии также не доказывают, что амфитеатр теперь не стали бы терпеть, а тем более наслаждаться им? Если смертная казнь еще не отменена, пытки, которые хуже двадцати смертей, отменяются просто из-за улучшения нравов. Теперь человека не заставляют питать светильник, который его пожирает, и не позволяют тщетно призывать смерть, в то время как плоть сдирают с его дрожащих конечностей. Разве точно так же многие пороки, которые раньше не боялись дневного света, теперь не вынуждены таиться, подобно хищным зверям, в укрытиях, пока ночь не позволит им разгуливать на свободе? И ненависть, которая сейчас заставляет некоторые пороки, которые тогда считались просто игрой воображения, прятать свои головы, может изгнать их из общества, когда справедливость станет общей для всех, а богатство больше не заменит здравый смысл и добродетель. Признавая, таким образом, за древними то дикое величие воображения, которое, вступая в противоречие с человечностью, не исключает нежности сердца, мы должны остерегаться отдавать дань чувствам только из-за принципов, сформированных разумом.

Их трагедии, которые все еще являются лишь культивированием страстей и вкуса, прославлялись и рабски имитировались; и все же, трогая сердце, они развращали его; ибо многие из выдумок, производивших самый поразительный сценический эффект, были абсолютно безнравственными. Возвышенный ужас, которым они наполняют ум, может забавлять, более того, восхищать; но откуда берется улучшение? Кроме того, некультурные умы наиболее подвержены чувству изумления, которое часто является всего лишь другим названием возвышенных ощущений. Какой моральный урок, например, можно извлечь из истории Эдипа, излюбленного сюжета стольких трагедий? Боги толкают его вперед, и, властно ведомый слепой судьбой, хотя и совершенно невиновный, он вместе со всем своим несчастным народом подвергается страшному наказанию за преступление, в котором его воля не имела никакого отношения.

Раньше короли и великие люди открыто презирали справедливость, которую они нарушали; но в настоящее время, когда правительствами управляет, по крайней мере, определенная степень разума, люди считают необходимым придать своим действиям моральный лоск, хотя это, возможно, и не является их движущей силой. И даже жаргон грубых сантиментов, введенный

теперь в разговор, показывает, на какую сторону склоняется тщеславие, истинный термометр времени. Притворство человечности — это притворство дня; и люди почти всегда притворяются, что обладают добродетелью, или качеством, которое получает все большую оценку.

Раньше человек был в безопасности только на одном цивилизованном клочке земного шара, и даже там его жизнь висела на волоске. Таковы были внезапные превратности судьбы, которые, усиливая опасения, подогревали воображение и затуманивали интеллект. В настоящее время человек может разумно ожидать, что ему будет позволено спокойно заниматься любым научным исследованием; и когда разум используется спокойно, сердце незаметно становится снисходительным. Совсем не то же самое происходит с развитием искусства. У художников обычно раздражительный характер; и, разжигая свои страсти по мере того, как они разжигают свою фантазию, они, вообще говоря, распушенны; приобретая манеры, которые их произведения имеют тенденцию распространять за границей, когда вкус, всего лишь утонченность ослабленных ощущений, подавляет мужской пыл.

Вкус и утонченные манеры, однако, были сметены ордами нецивилизованных авантюристов; и в Европе, где сохранились некоторые семена, состояние общества медленно улучшалось вплоть до семнадцатого века, природа казалась столь же презираемой в искусстве, как разум в науках. Различные профессии были гораздо более мошенническими, чем в настоящее время, под покровом торжественной глупости. Всякий вид обучения, как и в диком государстве, состоял главным образом в искусстве обманывать простолюдинов, внушая им мнение о силах, не существующих в природе — священник должен был спасать их души без морали; врач исцелять их тела без лекарств; а правосудие должно было вершиться при непосредственном вмешательстве небес: все должно было совершаться с помощью заклинания. Короче говоря, ничто не было основано на философских принципах; и поскольку развлечения были варварскими, нравы стали официальными и свирепыми. Развитие ума, действительно, состояло скорее в овладении языками и наполнении памяти фактами, чем в упражнении в суждении; следовательно, разум не управлял ни законом, ни законодательными актами; и литература в равной степени была лишена вкуса. Люди были, строго говоря, рабами; связанными феодальным режимом и еще более деспотичными церковными ограничениями; хозяин поместья вел их на бойню, как стада овец; а призрачный отец вырывал хлеб у них изо рта самыми праздными поблажками. Круазады, однако, освободили многих вассалов; а реформация, вынудившая духовенство занять новую позицию и стать более нравственным и даже мудрым, привела к изменению мнения, которое вскоре проявилось в гуманизации нравов, но не в улучшении различных правительств.

Но в то время как вся Европа была порабощена, страдая от каприза или тирании деспотов, чья гордыня и неугомонное честолюбие постоянно нарушали спокойствие их соседей, бритты в значительной степени сохраняли свободу, которую они впервые обрели. Это исключительное счастье было вызвано не столько островным положением их страны, сколько их энергичными усилиями; и национальное процветание было наградой за их усилия. Таким образом, хотя англичане были единственными свободными людьми на свете, они, по-видимому, были не только довольны, но и очарованы своей конституцией, хотя и постоянно жаловались на злоупотребления своего правительства. В таком возвышенном положении для них было вполне естественно с изящной гордостью размышлять о своем сравнительном счастье; и, принимая как должное, что это был образец совершенства, они, по-видимому, так и не сформировали

представление о системе, более простой или лучше рассчитанной на продвижение и поддержание свободы человечества.

Эту систему, столь изобретательную в теории, они считали наиболее совершенной, какую только мог представить человеческий разум; и их утверждения о ее поддержке больше способствовали убеждению их в том, что они действительно обладают обширной свободой и лучшим из всех возможных правительств, чем обеспечению реального обладания. Однако, если у него не было никакой конкретной основы, кроме великой хартии вольностей, до принятия закона о хабеас корпус; или до революции 1688 года, но нрав людей; это достаточное доказательство того, что это было правительство, основанное на принципах, исходящих из согласия, если не из чувства нации.

В то время как свобода была поглощена похотливыми удовольствиями граждан Венеции и Генуи; —разъедена в Швейцарии корыстолюбивой аристократией; —погребена в дамбах алчных голландцев; —изгнана из Швеции ассоциацией дворян; —и преследуема на Корсике честолюбием своих соседей; — Франция была нечувствительна к ее ценности; — Италия, Испания и Португалия, съезжившиеся под гнетом презренного фанатизма, который подтачивал остатки грубой свободы, которой они наслаждались, не строили политических планов; — и вся Германия была не только поработана и стонала под тяжестью самой оскорбительной гражданской тирании, но и ее кандалы были скованы грозной военной фалангой.—Деспотизм, по сути, существовал в этой огромной империи гораздо дольше, чем в какой—либо другой стране;—в то время как Россия могучей хваткой простирала свои руки, охватывая Европу и Азию. Угрюмая, как северный медведь-амфибия, и настолько продрогшая в своих ледяных краях, что была нечувствительна к прелестям общественной жизни, она угрожала попеременным разрушением каждому штату в окрестностях. Столь же огромны ее честолюбивые планы, сколь обширна ее империя, столь же ненасытен деспотизм ее двора, сколь варварскими являются манеры ее невежественных невежд. Достигнув той стадии цивилизации, когда величие и парадность дворца ошибочно принимаются за улучшение нравов, а ложная слава опустошенных провинций — за мудрость и великодушие, царица скорее отказалась бы от своего любимого плана подражать поведению Петра Великого в усилиях по цивилизовыванию своего королевства, чем позволила свободе найти прочное место в своих владениях, чтобы помочь ей. Действительно, она тщетно пыталась заставить сладкие цветы свободы расти под ядовитой сенью деспотизма, прививая русским ложный вкус к роскоши жизни до достижения ее удобств. И эта поспешная попытка изменить нравы народа произвела наихудший эффект на их мораль: смешав варварство одного состояния общества, лишенного искренности и простоты, со сладострастием другого, лишенного элегантности и учтивости, две крайности преждевременно встретились.

Преследуемая таким образом и ошибочная, свобода, хотя и все еще существующая на маленьком острове Англия, но постоянно уязвленная произволом британского министерства, начала махать крыльями, словно готовясь к полету в более благоприятные регионы — И англо-американцы, унесшие с собой в свое убежище принципы своих предков, она появилась в новом свете с обновленным очарованием и трезвой грацией матроны.

Свобода - это, действительно, естественное и неотъемлемое право человека, без осуществления которого он не может стать ни разумным, ни достойным существом. Свободой он пользуется в естественном состоянии в полном объеме: но созданный природой для более

тесного общества, для раскрытия своих интеллектуальных сил, становится необходимым для выполнения основных задач, которые побуждают людей создавать сообщества, чтобы они отказались от части своих естественных привилегий, более эффективно охраняя самое важное. Но из-за невежества людей, во время зарождения общества, их лидерам было легко путем частых узурпаций создать деспотизм, который перекрывал источники, которые могли бы оживлять их умы, они, по-видимому, были нечувствительны к лишениям, в условиях которых они жили; и, существуя подобно простым животным, тираны мира продолжали обращаться с ними только как с машинами для достижения своих целей.

По мере прогресса знаний, который, однако, был очень медленным в Европе, потому что люди, которые изучали природу, довольствовались изучением природы с помощью книг, не проводя никаких реальных экспериментов самостоятельно, преимущества гражданской свободы начали лучше пониматься: и в той же пропорции мы обнаруживаем, что цепи деспотизма становятся легче. И все же систематизация педантов, изобретательная логичность священников и высокомерная низость придворных литературных подхалимов, которые были выдающимися авторами того времени, продолжали приводить в замешательство неграмотных людей. И как только итальянские республики восстали из пепла римской юриспруденции, их принципы подверглись нападкам апостолов Макиавелли, и усилия, предпринятые для возрождения свободы, были подорваны коварными принципами, которые он дал своему государю.

Искусства, правда, теперь восстанавливались под покровительством семьи Медичи; но наукам, то есть тому, что претендовало на название, все еще приходилось бороться с аристотелевскими предрассудками; пока Декарт не отважился мыслить самостоятельно; и Ньютон, следуя его примеру, объяснил законы движения и всемирного тяготения, показав механизм вселенной с поразительной проницательностью; ибо анализ идей, который с тех пор пролил такой свет во все отрасли знания, до этого периода не применялся даже к математике. Распространение аналитических истин, включая политические, которые сначала рассматривались только как великолепные теории, теперь начало проникать во все части Европы; проникнув в самые учебные заведения Германии, где раньше схоластическая, сухая теология, трудоемкие компиляции странствий человеческого разума и мельчайшие сопоставления трудов древних поглощали пыл молодежи и растрачивали терпение старости. Колледж и двор всегда связаны: литература начала привлекать внимание нескольких мелких монархов империи, и они были склонны покровительствовать тем смелым людям, которые подвергались преследованиям со стороны общественности за нападки на религиозные или политические предрассудки; и, предоставив им убежище при своих дворах, они приобрели удовольствие от их бесед. Развлечения на охоте уступили место удовольствиям разговорных рассуждений на темы вкуса и морали, свирепость северного деспотизма начала незаметно сходить на нет, и положение его рабов стало более сносным.

Образование, в частности, было изучено; и рациональные способы обучения полезным знаниям, которые заменяют исключительное внимание, ранее уделявшееся мертвым языкам, обещают сделать немцев в течение полувека самым просвещенным народом в Европе. В то время как их простота манер и честность сердца в значительной степени сохраняются, даже когда они становятся более утонченными, благодаря положению их страны; что предотвращает приток богатств из коммерческих источников, который разрушает мораль нации прежде, чем ее разум достигает зрелости.

Король Пруссии Фредерик II, обладавший самыми пылкими амбициями, тем не менее так же стремился прославиться как писатель, как и как солдат. Написав экзамен о принце Макиавелли и поощряя литературные таланты и способности, он внес большой вклад в распространение знаний в своих владениях; в то время как, оказав доверие философу Герцбергу, управление его правительством стало значительно мягче.

Его блестящая репутация солдата продолжала внушать благоговейный трепет неугомонным амбициям князей соседних государств, что давало возможность жителям империи заниматься во время правления спокойствия теми литературными занятиями, которые вошли в моду даже при полумодернизированном петербургском дворе. Теперь, действительно, казалось несомненным, что Германия получит в будущем важные политические преимущества; ибо люди начинали позволять себе думать и свободно смотрели на поведение надменного Иосифа, с презрением относясь к его тщеславию.

Именно благодаря тому, что людей с юности учат думать, они смогут вернуть себе свободу; а полезное обучение уже продвинулось так далеко, что ничто не может остановить его прогресс: — Я ничего не говорю категорически; ибо сейчас не та эпоха, которую можно нерешительно добавить, если не считать сверхъестественных событий. И хотя неоправданное разбирательство английских судов, или, скорее, произвольного главного судьи Мэнсфилда, который установил в качестве юридического прецедента, что чем больше правды, тем больше клеветы, имело тенденцию существенно предотвращать нападки на авторов американской войны за те тиранические шаги, которые в конечном итоге имели тенденцию останавливать прогресс знаний и распространение политической правды, все же шум, поднятый против этой непопулярной войны, является доказательством того, что, если правосудие спало, свобода мысли не покинула остров.

Однако чрезмерная самонадеянность людей, несведущих в истинной политической науке; которые видели нацию, процветающую вне всякого примера, в то время как все соседние государства чахли, и не знали, как это объяснить; глупые попытки сохранить это процветание путем безумных попыток чинить препятствия на пути тех самых принципов, которые подняли Великобританию до того высокого положения, которого она достигла в Европе, послужили только ускорению их распространения. И поскольку Франция первой среди наций континента достигла цивилизации нравов, которую они называли единственным искусством жить, мы обнаруживаем, что она первой сбросила с себя ярмо своих старых предрассудков.

Именно в этот кризисный момент деспотизм Франции был полностью свергнут, и двадцать пять миллионов человеческих существ освободились от отвратительных оков, которые веками подавляли их способности и заставляли их сгибаться под самым позорным рабством, - И теперь остается понаблюдать за последствиями этой важной революции, которую справедливо можно датировать взятием Бастилии.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА III.

ГЛАВА I.

ДЕПУТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ПРИБЫВАЕТ В ПАРИЖ. БАЙИ ИЗБРАН МЭРОМ, А ЛАФАЙЕТ - ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИЕЙ. ОТСТАВКА МИНИСТЕРСТВА. НЕККЕР ВСПОМИНАЛ. КОРОЛЬ ПОСЕЩАЕТ ПАРИЖ. ХАРАКТЕР ПАРИЖАН. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧАЛАСЬ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО. ЭМИГРАЦИЯ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗНАТИ И ДРУГИХ. КАЛОН СОВЕТУЕТ ФРАНЦУЗСКИМ ПРИНЦАМ НАСТРОИТЬ ИНОСТРАННЫЕ ДЕРЖАВЫ ПРОТИВ ФРАНЦИИ. ФУЛОН УБИТ.

Присутствие депутатов вызвало в столице самую пьянящую радость — ибо где радость выражается с такой детской игривостью, с таким полным забвением о завтрашнем дне, как в Париже? и горожане со своим обычным порывом благодарности, который всегда напоминает обожание, выбрали Байи, первого исполняющего обязанности председателя национального собрания, на пост мэра, а Лафайета - на пост главнокомандующего национальной гвардией: так теперь называется *буржуазный* полк и другие солдаты, объединенные с ними. Но восторг парижан, столь же мимолетный, сколь и живой, угас по мере того, как их дух был истощен, превратившись в подозрительный ропот. — Министерство, - сказали они, - избранное для того, чтобы подавлять нас, еще не распущено; и войска, которые должны были стать их орудиями зла, все еще околачиваются вокруг Парижа и даже пополнены прибытием двух свежих полков в Сен-Дени. Распространился слух, что по приказу министров был перехвачен обоз с мукой на пути в Париж; и некоторые беспорядки в Бастилии придали окраску сообщению о том, что они пытались снова стать хозяевами этой важной крепости. Ночь на 15-е была тогда еще одной, посвященной бдительности и тревоге; а утром в национальное собрание была направлена депутация с просьбой потребовать роспуска нынешнего министерства и отзыва Неккера.

Ассамблея приняла этот вопрос к рассмотрению; но, по-прежнему соблюдая *этикет*, они обсудили вопрос о приличии вмешательства в назначение исполнительной власти. Это пробудило гений Мирабо, и пузырьки страха и похожие на соломинку возражения робости были унесены потоком его красноречия. Дискуссия разгорелась; однако для данного случая вскоре стало неважным, потому что министерство, обнаружив, что оно не может выдержать основной удар бури, подало в отставку; также Неккеру, которому публика по-прежнему безоговорочно доверяла, было предложено вернуться; а король, по-видимому, стремившийся дать все доказательства своего желания установить всеобщее спокойствие, дал понять, что желает посетить Париж. Вскоре после этого им официально сообщили, что войска срочно перебрасываются в более отдаленные районы. Соответственно, национальное собрание

направило нескольких своих членов сообщить парижанам эту долгожданную новость, чтобы подготовиться к приему короля, успокоив опасения народа.

И он, придерживаясь своей цели, покинул Версаль на следующий день (17-го), хотя его семья нелепо пыталась отговорить его, намекая, что ему не следует доверять свою священную особу на милость разъяренной толпы; в то время как слухи о планируемых убийствах повторялись перед ним с преувеличенными комментариями. Но, будучи человеком с немалой животной отвагой, и теперь почти осознав, что все зло, с которым он боролся, было порождено его упрямыми советниками, он, казалось, решил, по крайней мере в настоящее время, не подчиняться их опасным советам. И у него даже хватило проницательности предвидеть, что, как бы ни было потрясено королевство, они вызовут гражданскую войну, и тогда его жизнь может оказаться в еще большей опасности. В этом случае, как мы обнаружим во многих других, Людовиком, по-видимому, руководил некий проблеск инстинкта приличия; ибо в данный момент было особенно благоразумно, учитывая тот небольшой эффект, который пышность двора произвела на *королевском сеансе*, встретить народ без парадных одежд и охраны. И, по сути, сто депутатов, последовавших за ним, были теперь единственной свитой, которая выглядела бы респектабельно в глазах народа. Каково же, должно быть, было его удивление, несмотря на все, что он услышал, пройти по огромному проспекту вооруженных парижан в таком новом облике.—До сих пор он всегда видел робкую толпу, бегущую перед стражей, изливающую свою жажду мести в напрасных песнях и свою скорбь в слабом бормотании: — сегодня он видел их торжествующими, они двигались стройно, во время процессии со всех сторон требовали конституции и законов! шагая в унисон своим размышлениям, они продвигались вперед, но медленно; ибо, почти боясь надеяться, они шли размеренным шагом мысли или, скорее, печали; и люди, чьи умы все еще были взволнованы, как волнуется море после того, как утих шторм, издали не крик радости — *да здравствует король*; — но грозное напоминание — *да здравствует нация*.

Это был такой же зловещий звук, как и "горе"! горе! раздававшийся на безмолвных улицах осажденного города - ибо это был в равной степени голос судьбы, провозглашающий волю народа, испытывающего отвращение к судам и подозрительность даже к королю. Людовик, по-видимому, был сильно поражен энергией, которую повсюду проявляли; и не столько красноречивыми речами, обращенными к нему в отель-де-виль, сколько выражением лиц каждого гражданина: ибо огонь свободы уже зажег на каждом лице безмятежный блеск мужественной твердости. Вся эта сцена произвела на него такое впечатление, что, когда оживленные ораторы замолчали, он воскликнул в ответ— 'Народ мой! мой народ, всегда может положиться на мою любовь'. — И, взяв национальную кокарду из рук мэра, он появился у окна с выражением сердца в глазах, словно желая убедить толпу в своей искренности и, возможно, сознавая, что, сначала подчинившись необходимости, теперь он поддался чувству. При этих словах, повторение которых подобно молнии перелетало из ряда в ряд, все скопление людей прониклось электрическим сочувствием.—*Да здравствует король* - кричали со всех сторон, и возрожденная привязанность загорелась тем свежим пылом, который стирает воспоминания о сомнениях и превращает страх быть несправедливым в самый мощный источник нежности. И, убедив себя на мгновение, что расположение короля не столько противоречит их счастью, сколько его поведению, они осыпали его благословениями, изливая все свои проклятия на его советников.

Радость, достигшая теперь почти лихорадочного накала, быстро привела в движение весь Париж; и грохот артиллерийских залпов стал быстрым предвестником известий о примирении в Версале, где королевская семья, должно быть, с тревогой следила за событиями дня.

Эти внезапные переходы от одной крайности к другой, не оставляющие после себя какого-либо устоявшегося убеждения, подтверждающие или искореняющие разъедающее недоверие, нигде не могли рассматриваться в таком ярком свете, как в Париже, потому что там различные причины настолько изнежили разум, что французов можно рассматривать как нацию женщин; и ослабили их, вероятно, из-за того же стечения обстоятельств, которое сделало их незначительными. Скорее изобретательны, чем глубоки в своих исследованиях; скорее нежны, чем страстны в своих привязанностях; склонны к действию, но вскоре устают; кажется, что они работают только для того, чтобы отвлечься от работы, и просто размышляют о том, как им избежать размышлений. Лениво-неугомонные, они делают элегантную мебель в своих комнатах, как и в своих домах, восхитительно удобной. Короче говоря, все показывает ловкость людей и их внимание к нынешним удовольствиям.

И настолько пассивным кажется их воображение, что оно нуждается в пробуждении новизной; и тогда, скорее живые, чем сильные, мимолетные эмоции едва ли оставляют после себя какие-либо следы. От того, что в юности они были преданы удовольствиям, старость обычно проходит в таких чисто животных удовольствиях, что очень редко можно увидеть респектабельного вида пожилого мужчину или женщину. Точно так же независимо от тщеславия, которое заставляет их желать казаться вежливыми, в тот самый момент, когда они высмеивают человека, их большая восприимчивость побуждает их проявлять интерес ко всем ощущениям других, которые забываются почти сразу же, как только ощущаются. И эти преходящие порывы чувств мешают им выработать те твердые решения разума, которые, укрепляя нервы, когда волнуется сердце, заставляют сочувствие уступить принципам, а разум восторжествовать над чувствами.

Кроме того, климат Франции настолько благоприятен, а кровь так весело бежит по жилам даже у угнетенных простых людей, что, живя сегодняшним днем, они постоянно грелись на солнце, которое пробивалось из-за нависших над ними тяжелых туч.

Невозможно, проследив за ужасным заговором, организованным судом против жизни и свободы людей, не испытывать невыразимого презрения к такому правительству, которое оставляет счастье нации на милость капризного государственного министра. Ужасный и интересный урок, который преподнесло развитие этого предательства, был таков, что должен был произвести неизгладимое впечатление на их умы.— Это был урок, сама мысль о котором останавливает на мгновение сердечный ритм.— Это был урок, который следует повторить человечеству, чтобы донести до сознания людей убеждение в том, на что способно порочное и абсолютное правительство ради того, чтобы прочно удержать свою власть. Короче говоря, это был вывод из опыта, который научит потомков, что жизнь и все, что дорого человеку, может быть обеспечено только сохранением свободы.

Недостаток решительности в характере Людовика, по-видимому, был основой всех его недостатков, а также всех его несчастий; и каждое мгновение возникают новые поводы для наблюдения, когда мы отслеживаем его проступки или сочувствуем его положению.

Чтобы привести поразительный пример, необходимо лишь обратить наше внимание на фатальные последствия, которые повлекло за собой его согласие собрать армию из

иностранцев, чтобы запугать генеральные штаты. Он не мог устоять перед двором, который советовал эту меру, или заглушить опасения своего сердца, которые вызывали у него отвращение к тому, чтобы войска предприняли какой-либо решительный шаг, который мог привести к резне. И все еще управляемый этими недисциплинированными чувствами, когда он распустил армию, он последовал совету той самой клики, которая ввела его в это заблуждение; уступая желаниям людей, но притворяясь перед ними даже в акте примирения. Таким образом, из-за постоянных колебаний трудно заметить какую-либо конкретную цель в его действиях; за исключением того, что делает ему честь — желания предотвратить пролитие крови. Этот принцип в целом руководил его поведением, хотя недалёковидные меры робкого человечества, лишённого силы духа, обратили все его усилия к совершенно противоположному результату.

Из-за присутствия этих войск и их безуспешной попытки раздавить свободу в яйце скорлупа была преждевременно разбита, и энтузиазм французов, возбуждённый до того, как они рассудили, был в сколько-нибудь значительной степени сформирован. Опыренные победой, каждый из них начал рассуждать о существующих злоупотреблениях, демонстрируя свою сообразительность в указании средства правовой защиты; и поскольку оружие однажды оказалось в руках народа, было трудно убедить его отказаться от него ради мирных занятий. Это правда, если бы национальному собранию было позволено спокойно провести некоторые реформы, проложив путь к большему, Бастилия, хотя и пошатнувшаяся в своих подземельях, все же могла бы устоять. — И, если бы это произошло, количество человеческих страданий едва ли могло бы увеличиться. Если бы *гильотина* не добралась до великолепной площади, которую она осквернила, не пролились бы потоки невинной крови, чтобы стереть воспоминание о ложном заключении и заглушить стоны одинокой скорби в громком крике агонии — когда нить жизни быстро перерезается надвое, трепещущий свет надежды мгновенно гаснет — и волны внезапно смыкаются, ощущается тишина смерти!—Эта история скоро будет рассказана.— Мы не слышим о годах, проведенных в страданиях, в то время как разложение по дюймам парализует каркас или нарушает рассудок: и все же, кто может оценить сумму утраченного комфорта; или сказать, сколько выживших становятся жертвой воображения, отвлеченного печалью?

Характер французов, действительно, был настолько испорчен закоренелым вековым деспотизмом, что даже среди героизма, которым отличалось взятие Бастилии, мы вынуждены видеть тот подозрительный нрав и то тщеславное стремление к ослеплению, которые породили все последующие безумства и преступления. Ибо даже в самых публичных акциях известность, похоже, была стимулом, а слава, а не счастье французов, — концом.—Это наблюдение подтверждает великую истину для человечества, что без морали не может быть великой силы понимания или подлинного достоинства поведения. Мораль всей нации была разрушена нравами, сформированными правительством.—Преследовались удовольствия, чтобы заполнить пустоту рационального занятия; и мошенничество в сочетании с раболепием унижало характер; —так что, когда они изменили свою систему, свобода, как ее называли, была всего лишь вершиной тирании — с той лишь разницей, что, когда были задействованы все силы природы, масштабы зла обещали, что каким-то могучим сотрясением оно само себя излечит.

Воссоединение короля и народа не только разгромило, но и напугало клику; и, будучи трусливыми в невзгодах, столь же самонадеянными в процветании, они немедленно обратились в бегство разными путями и даже замаскировались. Один человек, который долгое время был неприятен народу из-за непомерной алчности и вульгарной тирании, не смягченной изящной

снисходительностью знати, заставил объявить, что он мертв. Знаменитый маршал Брольо искал убежища в Люксембурге, в то время как мадам Полиньяк бежала в Базель. Так отправилась в изгнание милая женщина, которая была орудием честолюбия семьи, жадно пользовавшейся ее великой благосклонностью у королевы, чье странное пристрастие к красивым женщинам портило репутацию каждого, кого она выделяла.

Граф д'Артуа и еще несколько человек королевской крови и высшей знати также сочли благоразумным на время покинуть королевство; либо для обеспечения своей безопасности, либо в поисках места. В Брюсселе они встретили беспокойного Калонна, который, услышав об отставке Неккера, был привлечен к себе первым проблеском надежды. Ибо, желая стереть унижение, которое он с таким нетерпением терпел, и наивно полагая, что у армии было достаточно времени, чтобы подавить словесные споры нации, он спешил во Францию, чтобы быть готовым принять свою долю триумфа.

Для его страны эта встреча оказалась источником зла, которое могло зародиться только в таком беспринципном мозгу, изобилующем коварными планами и склонном ломать голову над причиной, которую он хотел силой ниспровергнуть. Его последней попыткой добиться власти было получить место в генеральных штатах. И если бы воспоминания о его прежнем правлении не стояли у него на пути, вполне вероятно, что он преуспел бы и стал пламенным патриотом, если бы мог стать лидером партии; ибо он обладал эффектными талантами, необходимыми для того, чтобы вызвать мгновенные аплодисменты в народном собрании, — скорее обманчивым, чем повелительным красноречием. Мирабо, напротив, по-видимому, от природы обладал сильным восприятием достойного поведения; и истина, по-видимому, придавала серьезность его аргументам, так что его слушатели были вынуждены согласиться с ним из уважения к самим себе. Оставляя тогда правдоподобие далеко позади, он всегда выступал как стойкий поборник разума; даже когда, отложив свою дубинку, он слонялся без дела, чтобы поиграть с воображением. Таким образом, в то время как Мирабо учил национальное собрание достоинству^[22], негодование тщеславного Калонна, обостренное разочарованием, заставило его предложить этим павшим принцам необходимость привлечения иностранной помощи, чтобы восстановить короля в его прежней полноте власти и исцелить их уязвленную гордость. К несчастью, благовидность его манер и изобретательность его аргументов пробудили в них страх и подпитали их предрассудки; и, быстро убедившись утверждать то, во что они хотели верить, они протестовали против поведения национального собрания, намекая, что основная масса народа не поддерживает их притязаний. Однако заблуждение на этом не закончилось; ибо он даже убедил их, что, если призыв к национальной чести французов не призовет толпы к их рыцарской преданности, не составит труда привлечь все державы Европы на сторону его христианнейшего величества, показав им, что, если свобода однажды установится во Франции, она вскоре распространится за ее пределы, перейдя Альпы и Пиренеи.

Таковы противоположные чувства или, скорее, поведение придворных паразитов и людей, борющихся за свободу, что достаточно их противопоставить. Депутаты, жизни которых подверглись угрозе, а их личности было нанесено серьезное оскорбление, не только извинили опрометчивого монарха за то, что он попустительствовал нарушению самых священных принципов, но и выразили примирительное отношение ко всем сторонам. Толпа, это правда, в пылу ярости бесчеловечно расправилась с двумя мерзкими орудиями деспотизма. Но это насилие, совершенное во имя правосудия, не следует приписывать настроению народа, а тем более попустительству национального собрания, которое в то время действовало с такой

степенью великодушия, о которой никогда нельзя достаточно сожалеть, что с тех пор они упустили ее из виду. Однако поведение ожесточенных детей угнетения во всех странах одинаково, будь то в амфитеатре в Риме или у фонарного столба в Париже.

При дворе остался только старший брат короля, человек с большим запасом понимания в себе, чем у остальных членов его семьи; тем не менее, считая делом чести, чтобы с ним обращались так же, как с его младшим братом графом д'Артуа, он своей жадностью способствовал истощению королевских сокровищ, хотя столь дорогостоящие развлечения не были необходимы, чтобы придать изюминку его удовольствиям.

Благородные грабители теперь сбежали; однако Фулон, министр, самый отчаянный и малодушный из шайки, был схвачен, несмотря на его притворные похороны. —Я намеренно использую слово "шайка", ибо щепетильность в отношении терминов заставляет нас иногда до такой степени смешивать характеры, что великий злодей не клеймится эпитетом, ассоциирующимся с представлением о виселице; потому что, в результате грубейшего ниспровержения разума, отягчение вины настолько смягчило наказание, что голова, которая могла бы быть убита, опозорил недоуздок, был почтительно разрублен на плахе.

После ареста никакая власть не могла предотвратить убийство этого жалкого негодяя; и в тот же вечер интендант Парижа, его зять, встретил еще более ужасную смерть, которая была отсрочена гуманным вмешательством почтенного мэра и Лафайета в его пользу.

Странно, что люди, которые часто покидают театр перед катастрофой, вырастили таких монстров! Тем не менее, мы должны помнить, что представители пола, называемые нежными, совершают самые вопиющие акты варварства, когда раздражены. —Так слаба нежность, вызванная простым сочувствием или утонченными манерами, по сравнению с гуманностью образованного понимания. Увы! — Именно мораль, а не чувства, отличает людей от хищных зверей! Это были сделки, над которыми, к чести человеческой природы, следовало бы пожелать, чтобы забвение могло набросить покрывало, которое часто окутывало сердце, чью благосклонность ощущали, но не знали. Но если невозможно стереть из памяти эти грязные поступки, которые, подобно пятнам глубочайшей краски, ожившим в результате угрызений совести, никогда не могут быть стерты, — зачем подробно останавливаться на излишествах, возмущающих человечество, и затемнять блеск картины, на которую глаз взирал с восторгом, часто вынужденный смотреть на небо, чтобы забыть страдания, перенесенные на земле? Поскольку, однако, мы не можем "избавиться от проклятого пятна", становится необходимым заметить, что, пока существуют деспотизм и суеверия, конвульсии, вызываемые возрождением человека, всегда будут вызывать пороки, которые они породили, чтобы поглотить своих родителей.

Раболепие, разрушая естественную энергию человека, заглушает самые благородные чувства души. —Таким образом, униженные героические поступки направляются только головой, и сердце капает в них не бальзамом, более драгоценным, чем когда-либо добытый из аравийских деревьев! Должны ли мы тогда удивляться, что этот сухой заменитель человечности часто сгорает в обжигающем пламени мести? Теперь это действительно имело место; ибо среди французов была замечена ложная раса людей, шайка каннибалов, которые упивались своими преступлениями и, вырывая сердца, которые не сочувствовали им, доказывали, что у них самих железный кишечник. "Но если гнев народа ужасен, - восклицает Мирабо, - то чудовищно хладнокровие деспотизма; эти систематические жестокости, которые за один день принесли

больше несчастий, чем народные восстания принесли за годы!"^[23] Мы часто боимся, - добавляет он, - людей, потому что мы причинили им вред; и поэтому вынуждены заковывать в кандалы тех, кого мы угнетаем".

Примеру столицы последовали провинции; и все горожане схватились за оружие, в то время как солдаты отстояли свои позиции, поклявшись не обагрять рук кровью своих сограждан. Вдобавок к рассказам о заговоре с целью роспуска генеральных штатов и массового убийства их представителей, ряд досужих слухов о нависшей опасности, как правило, заставляли деревенских жителей не только стремиться защититься от неизвестно чего, но и участвовать в авантюрах и разделить почести парижан.

Во всех гражданских войнах личная месть, смешиваясь с общественной, или использование ее в своих интересах направляло кинжал убийцы; и во Франции этого следовало особенно опасаться, потому что, когда страх заставляет человека подавить свое справедливое негодование, гноющуюся рану можно вылечить только мстостью. В таком случае весьма вероятно, что большинство варварств в городах были проявлением частного гнева или забавой развращенных, некультурных умов, которые находили такое же удовольствие в истязании людей, как озорные мальчишки в расчленении насекомых; ибо общественное негодование, направленное против аристократической тирании, в других местах, как правило, проявлялось только в поджоге загородных замков и архивов знати. Но в сельской местности люди редко совершают такие преступления, какие задирают свои рептильные головы в столице, где гнилая атмосфера содержит ядовитые частицы, необходимые для придания яду вирулентности. Пороки сельских жителей - это, на самом деле, скорее буйство страстей, чем мерзкие отбросы истощенной природы.

ГЛАВА II.

ГЕРЦОГ ЛИАНКУР ИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ. НАРОД ВООРУЖАЕТСЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СТРАНЫ. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ЧИНОВНИКИ, НАЗНАЧЕННЫЕ При СТАРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ, ЗАМЕНЕНЫ КОМИТЕТАМИ. НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ВЕРОЛОМНО УНИЧТОЖЕНЫ, ВЗОРВАВ МИНУ НА ГРАЖДАНСКОМ ПРАЗДНИКЕ. ЖИТЕЛЬ ЖЕНЕВЫ ЗАДЕРЖАН ПАТРУЛЕМ. ФРАНЦУЗЫ С ПОДОЗРЕНИЕМ ОТНОСЯТСЯ К ЗАМЫСЛАМ Британии. ВОЗВРАЩАЕТСЯ НЕККЕР. ВЫБОРЩИКИ ПАРИЖА ОБЪЯВИЛИ ВСЕОБЩУЮ АМНИСТИЮ. ДЕБАТЫ По ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ, ОТЛИЧНАЯ ОТ КОНСТИТУЦИИ, ОПРЕДЕЛЯЕМОЙ НА ОСНОВЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ, ПРИНОСИМЫХ ДВОРЯНАМИ, ДУХОВЕНСТВОМ И т.д.

Герцог Лианкур, чей предостерегающий голос заставил короля оглянуться, когда опасность наступала ему на пятки, теперь был избран президентом. В этот момент препятствия, которые поначалу сдерживали усилия собрания, казалось, были преодолены: появлявшиеся все новые препятствия омрачали их ликование; и опасения голода, реального или мнимого, были не самыми тревожными, хотя и наиболее частыми.

Новые заговоры уже были организованы на границах Франции князьями и теми, кто существовал за счет коррупции старой системы. Но это послужило лишь стимулом; потому что

нация, будучи полна решимости обеспечить права, которые она так внезапно вернула себе, собрала новые полки во всех частях страны и вскоре оказалась в состоянии отразить любое нападение, которое могла предпринять вся Германия; единственная сторона, от которой беглые князья в тот период могли ожидать помощи. Дух был таким стремительным, импульс таким общим, что в течение недели свыше трех миллионов вооруженных людей были объединены в роты общим интересом, напоминающим электрическую симпатию. Таково было быстрое развитие событий, таково единодушие нации; и такова была грозная сила, которая немедленно противопоставила себя бессильным угрозам уходящего деспотизма. История запишет эту достопамятную эпоху, когда дисциплинированные силы самой могущественной тирании пали перед силой истины, хотя и наполовину открытой; это вынудило надменных подхалимов искать убежища в лесной чаще, куда они пробирались под покровом ночи, спасаясь от присутствия обиженного народа.

Поведение *гвардейской буржуазии* во время революции, не приукрашивая эксцессов, вызванных вспышками рвения, само по себе достаточно, чтобы доказать, что народное ополчение везде должно заменять постоянные армии, но опыт неизменно свидетельствует, что люди, чье дело - война, никогда не соблюдают законы, если только деспотизм не низвел их до простых машин.

Старые муниципальные чиновники, по большей части находившиеся под подозрением, поскольку были назначены друзьями суда, теперь были вынуждены уступить место комитетам, избранным общим голосом. Взяв управление государственными делами в свои руки, они повсюду начали устанавливать новый порядок вещей. Тем не менее, взволнованное воображение людей все еще было наполнено сюжетами, которым дали жизнь некоторые таинственные и роковые происшествия.

Муниципалитет Суассона проинформировал национальное собрание о том, что отряды бандитов скосили кукурузу до того, как она созрела, и вынудили жителей деревни укрыться в городах. Но при дальнейшем расследовании выяснилось, что это сообщение возникло из-за простой ссоры крестьян между собой, которая встревожила некоторых рабочих, которые сбежали в соседний город, вообразив, что за ними по пятам гонятся тысячи бандитов.

Париж был также взбудоражен досужими слухами о беспорядках в Сен-Дени; они были настолько серьезно подтверждены теми, кто заявлял, что они были очевидцами насилия, что были посланы войска и пушки, но они не смогли найти никаких следов беспорядков.

Другое, более серьезное, возбудило народ против дворянства и вызвало негодование национального собрания. Дворянин и советник парламента устроил в своем замке гражданский пир для жителей своей деревни, на котором он под каким-то предлогом отсутствовал. Все было радостно и празднично; но в разгар танца веселья внезапный взрыв мины посеял вокруг ужас и смерть. Услышав об этом предательстве, люди, схватив свое деревенское оружие, головни, поспешили в соседние замки; некоторые из них они сожгли, другие разрушили, разрушив их.

Рассказ об этом зверстве произвел большой эффект в национальном собрании; и, по словам Мирабо, "хотя большие собрания часто бывают слишком восприимчивы к театральным эмоциям; и это повествование сопровождалось обстоятельствами, выдумкой которых редко предполагают; и хотя оно также было засвидетельствовано государственным служащим; все же жестокость преступления придавала ему вид невероятности". Этот бессмысленный акт

варварства, который историк также охотно счел бы чудовищной химерой разгоряченных мозгов, был, тем не менее, настолько хорошо обоснован, насколько это вообще возможно; и ничто, кроме признания виновной стороны, не может сделать этот факт абсолютно достоверным, потому что он кажется в равной степени глупым и варварским.

Эти беспорядки, горячо представленные Лалли-Толендалем, побудили ассамблею 23 июля опубликовать воззвание, призывающее всех добропорядочных граждан к поддержанию порядка; и объявляющее, что судить и наказывать за все преступления *лезгинской нации* является исключительной прерогативой национальной ассамблеи до тех пор, пока в соответствии с конституцией, которую она собиралась учредить, не будет учрежден регулярный трибунал для разбирательства таких преступлений. Попытавшись оправдать насилие или, точнее говоря, объяснить его, Мирабо обратилась к собранию, "что они должны быть полностью убеждены в том, что продолжение правления этого грозного диктатора подвергнет свободу такому же риску, как и уловки ее врагов. Общество, - продолжает он, - скоро распалось бы, если бы толпа, привыкшая к крови и беспорядкам, ставила себя выше магистратов и бросала вызов авторитету закона. Вместо того чтобы бежать навстречу свободе, люди вскоре бросились бы в пропасть рабства; ибо опасность слишком часто сплывает людей вокруг знамени абсолютной власти; а в лоне анархии деспот даже кажется спасителем. Ибо Карфаген еще не разрушен; остается масса инструментов, препятствующих нашим действиям и вызывающих разногласия в собрании, которое сплотила только опасность".

Некоторые незначительные инциденты, приобретшие значение благодаря предположению, поддерживали изобретательное недоверие к нации, которой было принесено в жертву несколько невинных жертв, не ослабляя ее скрытой склонности порождать, подобно ревности, зло, которого она боялась. Подозревая всех подряд и немного кичась властью, патрули парижских граждан иногда официально арестовывали всех, кого считали нужным, не приводя достаточных оснований; и среди прочего, они остановили резидента во Франции из Женевы. При нем были найдены три письма, и одно из них, адресованное графу д'Артуа, делало подозрительным то обстоятельство, что он разорвал четвертое.

Письма были направлены мэром Парижа в ассамблею, и представленные в них факты предоставили Мирабо возможность проявить свое красноречие по вопросу, который напомнил ему о злоупотреблениях, которых он раньше касался, — нарушении неприкосновенности частной переписки.—Хотя, по-видимому, это не совсем соответствовало настоящему вопросу, поскольку это были не перехваченные письма, а письма, к которым случайно были приложены некоторые подозрительные знаки, чтобы указать на них для проверки. Деспотизм вскрытия всех писем без разбора, чтобы дать правительству возможность судить о характере и чувствах каждого человека, слишком очевиден, чтобы нуждаться в анимадверсии.— И кто, в самом деле, не восстанет против тирании, будь то даже родительской, которая осмеливается проникать в тайны сердца; или дерзкого любопытства, которое ищет информацию только для того, чтобы разнообразить праздную жизнь? Последнее можно назвать мелким воровством; однако часто эти трусливые кражи нарушают покой целых семей, и ссоры становятся непримиримыми, придавая вид гневным выражениям, выражению исключительно страсти момента. Разрешение письмам, также полученным тайным путем, фигурировать в качестве доказательств в судах является грубым нарушением первого принципа права; потому что никакие письма не могут быть вскрыты на законных основаниях, но поскольку разыскиваются другие подозрительные предметы — после передачи информации мировому судье. Но когда печати срываются по

усмотрению отдельного лица и выдвигаются обвинения против него, это в полной мере так же несправедливо, как заставлять человека свидетельствовать против самого себя.—А правосудие, совершенное в результате акта несправедливости, является злоупотреблением, требующим расследования. Но в данном случае речь шла не о нем. Это не было тайным перебором всех писем в поисках разгадки какого-либо предполагаемого заговора; или как чтение переписки бормочущего заговорщика после того, как опасность миновала, чьи письма могли содержать список робких сообщников, которых огласка довела бы до отчаяния. Однако решительный оборот этому вопросу придал епископ Лангрский, заметивший, что все века аплодировали великодушию Помпея, предавшего огню письма, которые сенаторы адресовали Серторию. В этом начала проявляться мания подражания римлянам, что привело к одному из тех примеров ложного великодушия, которые всегда возникают из-за подражания: и все же в нынешних последствиях это было настолько незначительно, что вряд ли заслуживало бы насмешек, а тем более порицания, если бы то же самое притворство впоследствии не привело к более серьезным и даже фатальным глупостям.

Характер также парижан, которые очень рано вступают в светскую жизнь, заставляет их воображать, что они приобрели глубокое знание источников человеческих страстей, которое позволяет проникательному человеку почти предвидеть будущие события, только потому, что они часто обнаруживали слабости человеческого сердца. Это заставило их теперь предположить, что британский двор вот-вот наживется на их проблемах с кишечником. В обеих странах давно бытовала фразеология, что они являются естественными врагами друг друга; и недоверчивые французы быстро вообразили, что англичане намереваются немедленно отомстить за свое вмешательство в пользу американцев, захватив несколько их островов в Вест-Индии. Герцог Дорсетский, оправдывая Англию, лишь изменил объект недоверия, породив некоторые смутные предположения о заговоре с целью передачи Бреста в руки англичан; и, поскольку не было никакой зацепки, которая привела бы к раскрытию предателей, несколько дворян Бретани, вероятно, невиновных, были арестованы.

Тем не менее, это были лишь незначительные препятствия, ибо бодрящий голос пробудившейся нации придал энергии ассамблее, которая теперь назначала комитеты для ускорения текущего процесса, готовясь к своему грандиозному разговору о разработке конституции. Поскольку авторитет и респектабельность собрания были признаны, они внимательно изучили состояние королевства и, памятуя о нынешнем бедствии народа, издали приказы о свободном обращении продовольствия, которому препятствовали древние формы, столь противоположные истинным принципам политической экономии.

На этом этапе Неккер, все еще уважаемый нацией, к сожалению, вернулся. Опыренный популярностью, этот министр не проявил достаточного благоразумия, чтобы отказаться от почестей, которые он не мог поддержать тем достоинством поведения, которого требовал нынешний кризис. По пути в Париж, услышав, что жизнь барона де Бензенваля, коменданта швейцарской гвардии, который был с Брольо, находится в опасности, он гуманно вмешался, чтобы остановить руку насилия; и пока он заслуживает похвалы. Но когда, прибыв в Париж, он был принят оживленными жителями как гений-покровитель Франции, этот апофеоз произвел свой обычный эффект; и, приняв облик полубога в *Отель-де-Виль*, он не удовлетворился тем, что уберег эту жертву от общественного гнева, не порекомендовав всеобщую амнистию; мера, которая была принята столь же необдуманно, как и предлагалось. Ибо выборщики, претендовавшие на то, что издают законы для всей нации, сильно обижали парижан, которые

недооценивали предел своей власти, которого требовали неотложные обстоятельства, в тот момент, когда столице угрожала опасность. Таким образом, бурный поток повернул вспять: люди, которые утром заявляли, 'что либерти в безопасности, поскольку Неккеру было позволено присматривать за ней', теперь обвиняли его в честолюбии и желании ладить с двором, содействуя возвращению или побегу его приспешников. Непостоянство народа, вечно стремящегося к театральным сценам, было настолько велико, что в одном квартале города зазвонили в набат, осуждая Неккера как придворного, в то самое время, когда в *Королевском дворце* была иллюминация в честь его возвращения в качестве патриота.

Однако, поскольку дело было передано национальному собранию с изменяющимся объяснением, они решили его мягко, отдавая должное благим намерениям, из которых оно исходило, хотя и не претендовали на одобрение поспешного решения избирателей.

После того, как эта суматоха улеглась, ограниченные возможности министра не позволили ему принять решительное участие в грандиозной работе, которой были заняты депутаты. У его ума не хватило силы разорвать оковы своих старых мнений; и, действуя со своими обычными коммерческими расчетами, он, по-видимому, был одной из причин разногласий, которые начали будоражить собрание, объединенное скорее обстоятельствами, чем чувствами. Кроме того, внезапное освобождение народа вызвало приступ радости, который требовал величайшей деликатности. Энергичное служение, безусловно, было необходимо, чтобы обуздать дух распушенности, постоянно проявляющийся в актах насилия во многих частях королевства, где беспорядки и убийства были следствием головокружения от неожиданного успеха. Жалуясь на старое правительство, каждый человек в своей сфере, казалось, стремился попробовать, как он сам мог бы управлять, и наверстать то время, которое он делегировал своим полномочиям. Кроме того, затягивание помощи, ожидавшееся как непосредственное следствие революции, каким бы неизбежным оно ни было, заставило людей не только роптать, но и, пренебрегая всеми доводами разума, пытаться силой получить больше, чем могло в течение длительного времени быть предоставлено правосудием — даже если бы правосудие не было обусловлено личными интересами.

Нация призвала к конституции; и ассамблея обсудила декларацию прав, присущих человеку, и тех, от которых он отказывается, когда становится гражданином, на что они намеревались опереться в качестве пояснительной записки.

Несколько членов комиссии утверждали, что декларация должна завершать принятие конституции, а не предшествовать ей; настаивая на том, что опасно будить *сомнамбулу* на краю пропасти; или вести человека на вершину горы, чтобы показать ему огромную страну, которая принадлежит ему, но на владение которой он не может немедленно заявить права. 'Это завеса, - сказали они, - которую было бы неосторожно внезапно поднимать. — Это секрет, который необходимо скрывать до тех пор, пока эффект хорошего телосложения не поставит их в ситуацию, когда они смогут услышать это безопасно^[24].'

Но Барнав завершил заседание, хотя вопрос все еще обсуждался, заметив, 'что декларация прав была практически полезна в двух отношениях; во—первых, поскольку она закрепила дух законодательства, чтобы оно не могло изменяться в будущем; и, во—вторых, поскольку она направит представителей нации в разработке законов, во всех деталях законодательства, доработка которого может быть делом времени. Что касается опасений, высказываемых людьми, злоупотребляющими этими правами, то, когда они узнают о них, это, — сказал он, -

бесполезно, и нам нужно только перевернуть страницу истории, чтобы избавиться от этих напрасных опасений; ибо мы постоянно будем находить людей спокойными в той же мере, в какой они просвещены".

Установив таким образом основы равной свободы, дискуссия была на следующий день прервана докладом комитета, назначенного для обработки информации, направляемой ассамблее, о печальных сведениях, которые они ежедневно получали из провинций.— 'Налоги, арендная плата больше не выплачивались, доходы были исчерпаны, законы утратили силу, а социальные связи почти разорваны'. Чтобы устранить это зло, комитет предложил собранию как можно скорее опубликовать торжественное заявление, свидетельствующее о глубоком понимании ими нищеты провинций и их неодобрении неуплаты налогов и арендной платы; и объявить, что до тех пор, пока у собрания не будет времени рассмотреть декреты, которые необходимо принять для регулирования этих вопросов, не существует никаких причин, оправдывающих подобные отказы. Это предложение вызвало бурную дискуссию.

Некоторые депутаты заявили, что феодальные законы слишком несправедливы, налоги слишком неравномерны, нищета слишком повсеместна, чтобы надеяться на какой—либо положительный эффект от такого заявления — оно скоро канет в лету, как и провозглашение мира: — это усугубило бы бедственное положение государства, продемонстрировав бессилие национального собрания: — это раздражило бы даже людей, которые нуждались в утешении; и над которыми они не могли, без своего рода насмешек, в их теперешнем положении. обстоятельства, требующие уплаты налогов, о которых они хорошо знали, что каждый из них ощущал несправедливость.

Другие не преминули настаивать на опасности усиления беспорядков; на неприкосновенности собственности; и на огромном *дефиците*, которым угрожала нация; добавляя, что национальное собрание станет презренным, если оно не примет самых решительных мер.—Они далее говорили о необходимости восстановления власти судов; —и другие аргументы той же тенденции, которые были бы более убедительными, более полезными, если бы сторонники декларации выдвинули тень способа обеспечить ее исполнение. Жаркие дебаты переросли в ожесточенные, пока, наконец, не было решено, что следует опубликовать декларацию о сохранности собственности и что остальные предложения комитета следует обсудить следующим вечером, 4 августа.

Но прежде чем они разошлись, собранию сообщили, что Брольо приказал унести все оружие, хранящееся в городском доме Тионвиля.—Этот шаг показался им верхом неосторожности в тот момент, когда община была вынуждена вооружиться, чтобы следить за общественной безопасностью.

На следующее утро подавляющим большинством голосов было принято решение о том, что декларация прав должна быть принята отдельно от конституции. Вечернее заседание ожидалось с нетерпением, и противники новой прокламации льстили себя надеждой, что они добьются всеобщего избирательного права, создав видимость, что патриотизм требует больших жертв и что вместо пустой формальности увещевания, которое вскоре было отвергнуто народом, необходимо принести реальные жертвы на алтарь мира. Таков был смысл речи, произнесенной одним из дворян, виконтом де Ноайлем; который очень убедительно показал, 'что королевство в этот момент колеблется между альтернативой разрушения общества или создания правительства, которым восхищалась бы вся Европа и которому подражала бы ему.

Как заполучить это правительство? ' спросил он. - Как укрепить ослабленные связи в обществе? Успокаивая людей, — продолжает он, - давая им понять, что мы действительно работаем для их блага; и что мы сопротивляемся им только там, где это явно отвечает их интересам, что им следует сопротивляться, - Чтобы достичь этого спокойствия, столь необходимого, я предлагаю:

‘1-й. Чтобы было объявлено, прежде чем прокламация будет рассмотрена комитетом, что представители нации решили впредь взимать плату за самозванство пропорционально доходу каждого человека.

в общем. Что все общественные обвинения в будущем должны в равной степени поддерживаться всем сообществом.

очевидно, что все феодальные притязания подлежат погашению по справедливой стоимости.

4. в-четвертых, все претензии на поместья, *материнские права* и другие личные услуги должны быть прекращены без какого-либо выкупа.

в-пятых. Что арендная плата поместья за птицеводство и другие виды продовольствия подлежат возврату владельцем или подрядчиком по справедливой стоимости".

Герцог д'Эгийон поддержал это предложение, получившее горячие аплодисменты, или, скорее, внес другое, направленное на ту же цель. Из-за того, что он боялся лишения его пенсии, когда *Livre Rouge* должен был быть пересмотрен, он внезапно из приспешника старого двора превратился в громкого патриота. И далее, чтобы продемонстрировать свое рвение к делу свободы, он заявил, 'что восстание является оправданием тех неприятностей, которым подвергался народ. Владельцы поместий, ' замечает он, - редко совершают излишества, на которые жалуются их вассалы; но их агенты часто лишены человечности, и несчастные земледельцы, подчиняющиеся все еще действующим варварским феодальным законам, стонут от ограничений, жертвами которых они становятся. В эту счастливую эпоху, когда мы объединяемся ради общественного блага и свободны от всяких личных интересов, мы собираемся трудиться над возрождением государства, мне кажется, джентльмены, что необходимо, прежде чем вводить эту конституцию, столь желанную нацией, доказать всем гражданам, что наше намерение состоит в том, чтобы как можно скорее установить равенство прав, которое единственное может гарантировать их свободу".

Слишком часто случается, что люди бросаются из одной крайности в другую и что отчаяние принимает самые жестокие меры. Французский народ долгое время стонал под ударами тысячи видов угнетения; он был рубщиком дров и разносчиком воды для немногих избранных. Следовательно, следовало опасаться, что после того, как они однажды сбросят ярмо, наложившее отпечаток на их характер ненавистных страхов рабства, они будут ожидать самой необузданной свободы, ненавидя все полезные ограничения, которым они теперь не обязаны повиноваться. Возможно, заметив, что таково было положение вещей в то время, политические эмпирики постоянно разжигали слабости толпы, льстя ей. Таким образом, дворянство, чей орден, вероятно, больше всего пострадал бы от революции, выступало с самыми популярными предложениями, чтобы завоевать расположение народа; щекоча дух, который они не могли укротить. Таким образом, мы также видели, как отчаявшиеся лидеры фракций изобретательно подбирали термины *санкюлоты*, *граждане* и *равенство*, чтобы задобрить умы черни; и, следовательно, случилось так, что по мере того, как это обольщение было более изощренным, власть перешла к самым отчаянным и наглым из тех, кто мало что смыслит в политике; в то

время как общественная анархия и частные раздоры были причиной ужасных катастроф и беспричинные безобразия, которые дали такой мощный толчок достоинству свободы.

Впоследствии были предприняты попытки перечислить феодальные притязания, которые оскорбляют человечество и показывают, насколько человек близок к грубому созданию, когда только принимаются законы; но всеобщий крик негодования и ужаса помешал депутату закончить ужасающую картину человеческого унижения и жестокости. Пережитками этих ужасных притеснений, однако, все еще дорожили те самые люди, которые, не имея компаса морали для руководства своей политикой, были гуманнее скорее из-за слабости нервов, чем здравого понимания.

Как бы то ни было, поступок виконта де Ноайля вызвал внезапный энтузиазм, смешанный с гневом. Члены привилегированных сословий, как дети, казалось, говорили своими действиями: "Если вы заставляете меня отказаться от этой игрушки, будет справедливо, если вы откажетесь от своего сахарного тростника". — Один из них ударил по лицу; и вежливый ответ был ответным ударом. Один из членов парламента, считавший, что герцог д'Эгийон не должен быть щедрым за счет других, предложил немедленно лишить его всех мест и вознаграждений, столь щедро дарованных двором, как самого тяжелого бремени для народа, поскольку он был вынужден поддерживать своими предметами первой необходимости предметы роскоши знати; которые, задержанные при дворе в качестве своего рода стражи, не только не могли оживлять провинции своим присутствием, но и причиняли им беспокойство, отбирая у них продукты. Проводя, однако, различие между пенсиями, получаемыми путем интриг, и теми, которые были наградой за действительные услуги, он настаивал на том, что первые должны быть отменены, а вторые сокращены.

Затем было выдвинуто предложение отменить не только феодальные права, но и всю юрисдикцию владельцев поместий, установленную на том же произвольном основании.

Теперь президент, согласно правилу, видя, что никто не пытался выступить против предложения, собирался поставить его на голосование, но сделал паузу, упрекая себя в попытке положить конец такой интересной дискуссии до того, как те из духовенства, кто пожелал выступить, получили возможность высказать свои чувства.

Этот искусный комплимент побудил епископа Нанси заявить, "что, будучи постоянными и сочувствующими свидетелями страданий народа, духовенство, несомненно, вздохнуло после возможности внести свой вклад в их облегчение; и что это предложение предвосхитило их желание; и все же, чтобы показать их полное одобрение этого, ему должно быть позволено предложить дополнительно, чтобы цена выкупа церковных феодалов не обращалась в прибыль фактического должностного лица, а направлялась в фонд помощи беднейшей части тела".

Епископ Шартрский, одоблив уже принесенные жертвы, потребовал, чтобы к ним присоединилось подавление законов об игре. Этот достойный прелат живописал несправедливость этих законов, не менее абсурдных, чем деспотических, которые вынуждают фермера быть спокойным наблюдателем за опустошением своего урожая; они обрекают его на жестокие наказания, если он последует первому импульсу природы, который побудит его убивать животных, причиняющих ему вред. Часть знати разделяла эти чувства, ибо кого можно было превзойти в героизме? и требовали отказа от этих противоестественных привилегий.

Президент де Сен-Фаржо поднялся, чтобы потребовать объяснений относительно налогов, часть которых духовенство и знать предлагали разделить. 'Мы подарили, - сказал он, - надежду народу; но мы должны дать им что-то более существенное; мы постановили, что временно налоги должны продолжать выплачиваться в том виде, в каком они были до сих пор; то есть мы оставили за духовенством и дворянством льготы до тех пор, пока они не будут отменены в явной форме.— Почему мы медлим с объявлением этого отзыва, столь строго прописанного почти во всех наших инструкциях?Поэтому я предлагаю, чтобы не только в течение последних шести месяцев, но и с самого начала года все привилегированные лица без исключения поддерживали пропорциональную им часть общественного самозванства".

По мере того, как продвигалось обсуждение предложений виконта де Ноайля, необходимость устранения всех следов рабства становилась все более очевидной; и все члены, казалось, стремились указать своим коллегам на новые жертвы, которые должны быть принесены на благо их страны. Один требовал отмены исключительного права на уоррены; другой — на рыболовство; третий - продажи офисов и того, чтобы правосудие вершилось безвозмездно.

Приходской священник Соупса от имени своих братьев присоединил пожертвования бедных к гекатомбам, большая часть которых ничего не стоила тем, кто их предлагал; 'он объявил, что, движимые желанием внести свой вклад в облегчение положения людей, они с настоящего времени откажутся от всех своих случайных сборов (или стихарей)'. Это предложение, сделанное с большой простотой сердца, подействовало на собрание; и совершенно иное предложение, сделанное герцогом дю Шатле в отношении скупки десятины, не могло полностью заглушить его.

Переход к веселью, когда член клуба просил разрешения предложить еще и своего воробья, был очень естественным для народа, который всегда смешивает некоторую долю саркастической шутливости, добродушное выражение лица которого появляется на первый взгляд, с самыми серьезными вещами. Однако после того, как смех утих, он продолжил выдвигать свои требования более серьезно, заметив, что незначительный с виду предмет действительно вызывает недовольство земледельцев; поэтому он выступил за полное уничтожение всех *голубятен* по всему королевству.

Респектабельный герцог де Ларошфуко, одобрив все эти предложения, заметил, что король подал пример освобождения крепостных в своих владениях и что настал момент распространить это благо на все королевство. Этот великодушный гражданин на этом не остановился, но выразил пожелание, чтобы до закрытия сессий ассамблея приняла во внимание судьбу несчастных жертв алчности, удерживаемых в рабстве в другом полушарии.

Теперь один из членов внес предложение, вызвавшее у собрания свидетельства самого искреннего удовлетворения; оно заключалось в увеличении стипендий приходским священникам, наиболее респектабельной части духовенства.

Несколько сановников церкви, владевших двумя или более бенефициями, не желая отставать в щедрости, выступили с заявлением, что в соответствии с канонами они решили ограничиться одним.

Депутаты провинций, пользующиеся особыми привилегиями, получив намек на то, что наименование французских граждан, пользующихся одинаковыми правами, было самым славным, что они могли вынести, немедленно выступили с предложением отказаться от них. Ряд

предложений, более или менее важных, были выдвинуты с тыла. Подавление первых плодов; права попечительства; и отмена тех варварских обетов, которые сковывают несчастных на всю жизнь.—Короче говоря, полная свобода для не католиков.—Допуск всех граждан на все должности, церковные, гражданские и военные. —Отмена множественности церковных пенсий.—И затем, не забывая об их национальном характере, было предложено отчеканить медаль в память об этой ночи^[25]; и также был принят указ о безвозмездном присвоении королю титула августа, который может отдавать стилем, который едва ли приличествует достоинству истории, скажем, *прозванием ВОССТАНОВИТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СВОБОДЫ*. Соответственно, была назначена депутация, чтобы передать этот новый знак почтения королю и просить его присутствовать на торжественном *Вечере*, который должен был отмечаться по всему королевству.—И вот, ночь закрыта на знаменитое 4 августа!

Невозможно, говорит журналист того времени, дать четкое описание сцен, которые постоянно менялись во время этого заседания. Живость чувств, быстрый переход от великодушного чувства к эпиграмматической сенсации, беспорядок, из—за которого чувствительность возобладала над достоинством законодателя, взаимное недоверие и борьба великодушия — все это, смягченное дружелюбным и обольстительным энтузиазмом, столь характерным для нации, сделало это эпохой в истории революции, над которой будет размышлять созерцательный ум, привыкший учитывать разнообразный характер человека.

Естественно напрашивается и другое наблюдение; ибо в качестве доказательства грубости политических представлений, не говоря уже о принципах, этих законодателей просто отметим, что все они говорили о *жертвах* и хвастались щедростью, в то время как они всего лишь вершили обычную справедливость и делали очевидные практические комментарии к декларации прав, которую они приняли утром.—Если таковы были права человека, то они были больше или меньше, чем у людей, которые отказывались от них; и отставка, скорее возвращение к их разуму, чем пожертвование их собственностью, была необходима в тот момент, когда они признали суверенитет народа, став его представителями.

Очень возможно, что на следующее утро разные стороны едва могли поверить, что в их головах было нечто большее, чем смутное воспоминание о сне. Действительно, участники собрания, пришедшегося на полночный час, приняли решения так быстро, что у них не хватило трезвости мышления, чтобы придать им достоинства. На самом деле они, по-видимому, были в основном следствием страсти, честолюбия или тщеславного желания отомстить; ибо те, кто руководствовался только энтузиазмом и тщеславием момента, считали свое поведение в высшей степени экстравагантным, когда у них было время остыть. Но палата общин, имевшая самые глубокие взгляды, знала, к чему они их призывали, и не позволила бы им отступить.

Правда, отмена этих привилегий и полномочий была строго предписана в инструкциях, данных депутатам их избирателями; но сомнительно, чтобы они были соблюдены, если бы самые проникательные не предвидели, что пренебрежение ими может привести к гражданской войне. Зная, что тогда собственность не будет соблюдаться осмотрительно, они начали с нападков на собственность своих самонадеянных противников; и фактически удивили собрание единодушным отказом от всех доходов, получаемых от феодальных сборов, и даже отменой десятины. Дворянство, также видевшее, что они больше выиграют от отмены десятины, чем потеряют, пожертвовав несносными манориальными сборами, присоединилось к той же системе. Шаги, также предпринятые для увеличения жалованья неимущему духовенству, самой

многочисленной части собрания, укрепили их влияние. И, уничтожив монополию муниципальных и судебных органов, была получена поддержка городов.—Таким образом, национальное собрание без борьбы оказалось всемогущим. Их единственными врагами были личности, по-видимому, важные, это правда, поскольку они привыкли руководить крупными корпорациями; но что представляла собой их империя, когда все их бывшие подданные были выведены из-под их контроля? из этих врагов церковные сановники имели наибольшее значение; но после конфискации церковной собственности для суда было бы невозможно, даже предполагая контрреволюцию, обеспечить их; поскольку они были бы мертвым грузом для роялистов.

К сожалению, почти все человеческое, какой бы красивой или блистательной ни была надстройка, до сих пор строилось на гнусном фундаменте эгоизма; добродетель была лозунгом, патриотизм - трубой, а слава - знаменем предприимчивости; но настоящими мотивами были плата и грабеж. Я не хочу утверждать, что в ассамблее не было настоящих патриотов.— Я знаю, что их было много. Под настоящими патриотами я подразумеваю людей, которые изучали политику, и чьи идеи и мнения по этому вопросу сведены к принципам; людей, которые делают эту науку настолько своей главной целью, что готовы пожертвовать временем, личной безопасностью и всем, что общество понимает под фразой "*личный интерес*", чтобы обеспечить принятие своих планов реформ и распространение знаний.

Но большинство лидеров национального собрания руководствовались вульгарным значением этого слова, тщеславным желанием аплодисментов или глубокими планами получения вознаграждения. Ламеты, например, которые были раболепными рабынями королевы, были одними из самых горячих защитников народной власти; и во всем собрании чувствовались следы подобного духа.

Во время первой борьбы национальное собрание и народ разделились на республиканцев и роялистов; но мы обнаружим, что с того момента, как опасность беспорядков, казалось, миновала, высший класс отступал от патриотов и вербовался у роялистов, чтобы сформировать для себя, под названием *беспристрастных*, элементы растущей аристократии.

ГЛАВА III.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЛЕНАХ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ. ОТДЕЛЕНИЕ
НЕСКОЛЬКИХ ПСЕВДОПАТРИОТОВ. ОБЩЕСТВО ПО ВСЕЙ ЕВРОПЕ СОЗРЕЛО Для
УЛУЧШЕНИЯ. ВОЙНА ЕСТЕСТВЕННА Для ЧЕЛОВЕКА В ДИКОМ СОСТОЯНИИ.
ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРОГРЕССЕ ОБЩЕСТВА. ИСКУССТВО—
СОБСТВЕННОСТЬ—НЕРАВЕНСТВО УСЛОВИЙ—ВОЙНА. КАРТИНА НРАВОВ В
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

Деспотизм прежнего правительства Франции, сформировавший в высших слоях общества самые сладострастные, искусственные характеры, делает менее необычным то, что ведущие патриоты - люди без принципов или политических знаний, за исключением того, что они

случайно почерпнули из книг, которые читали только для того, чтобы скоротать праздный час, не занятый удовольствиями. Настолько поверхностным было их знакомство с любым предметом, который требовал размышлений, и настолько велико было вырождение их манер, что для каждого мыслящего человека было естественно сделать вывод, что должно пройти значительное время, прежде чем новый порядок вещей, который они собирались создать, сможет обрести устойчивость. Но это не было обескураживающим соображением, когда было очевидно, что важные преимущества уже были получены народом; и можно было предположить, что благодаря улучшению нравов, которое неизбежно последует, зло, порожденное старой системой, исчезнет перед постепенными изменениями; в то время как благодаря практическому знанию политической и гражданской свободы будут достигнуты великие цели революции, а именно: справедливые законы и равная свобода.

Порочность высшего класса и невежество низших в отношении практической политической науки в равной степени делали их неспособными мыслить самостоятельно; так что меры, которые льстили слабостям тех или иных, несомненно, оказали большое влияние на раскол в общественном сознании; что дало возможность врагам революции воспрепятствовать ее ходу. И число представителей низшего класса, имевших должный вес, когда они стали свободными, самые смелые новаторы стали величайшими любимцами публики, воле которой были вынуждены подчиняться все благоразумные соображения.

4 августа нация многого добилась: старые формы феодального вассалитета были полностью отменены - и Франция тогда стояла на самом выгодном этапе, когда когда-либо создавалось правительство. Она была прекрасна, как заря своей свободы, стряхнув с себя вековые предрассудки; и разум прокладывал путь, ведущий к добродетели, славе и счастью, — все тот же честолюбивый эгоизм, меланхолический недостаток! правление составляло слишком большую часть собрания, а дворяне и духовенство, которые были против объединения орденов, теперь интриговали, и каждый спор превращался в ожесточенное соперничество, в котором популярные защитники продолжали набирать силу.

Эта склонность к интригам и недостаток искренности, столь часто отмечаемые во французском характере, заложили основу всеобщего недоверия; и объединившиеся партии, которые не руководствовались любовью к свободе или заботой о процветании королевства, но ловко соответствовали духу дня, не подозревали, что бдительная, подозрительная толпа, в свою очередь, с такой же вероятностью отнесется с недоверием к ним, как и двор, который процветал на крушении их счастья. Это была настолько грубая слепота, что после рассмотрения различных личностей, сменявших друг друга в министерстве или стоявших у руля государства, кажется немало удивительным, что люди не приобрели достаточной рассудительности, чтобы придерживаться честного поведения, которым когда-либо будут удовлетворены только здравомыслящие люди, осознающие свои интересы и права.

Ибо тщеславно-славное честолубие, смешиваясь с зачатками легкомысленного патриотизма, действует как самый смертельный яд для политических дискуссий в периоды общественного брожения. Твердые взгляды глубоких мыслителей адаптированы к духу времени и состоянию разума их коллег. И если они обнаружат, что течение общественного мнения, опрокидывающее закоренелые предрассудки и обветшалые стены законов, которые больше не соответствуют нравам, угрожает разрушением самых священных принципов, они должны твердо ждать на своем посту, пока, когда пыл утихнет, они смогут, направляя поток, постепенно ограничить его в

надлежащих пределах.—Но такой патриотизм развивается медленно; для него требуется как пышная общественная почва, так и добродетельное соперничество. Однако это соперничество никогда не будет процветать в стране, где интригующая утонченность, заменяющая высокие заслуги, является самой надежной лестницей к отличию. Именно с помощью унижительных ухищрений при старом правительстве люди добивались благосклонности и влияния; и пока такие люди, образованные и закаленные древним *режимом*, действуют на политической сцене Франции, человечество будет постоянно огорчаться и забавляться их трагическими и комическими проявлениями.

Искусство, применяемое к искусству, и стратагема против стратагемы, могут на какое-то время приводить к чередующимся поражениям; но в конечном итоге победит самый хитрый.

Тщеславие сделало каждого француза теоретиком, хотя политические афоризмы никогда не были подтверждены во времена правления тирании или каприза. Проницательная часть нации, правда, ясно понимала, что наступил период, когда революция была неизбежна; но поскольку эгоизм несовместим с благородными, всеобъемлющими или похвальными взглядами, неудивительно, принимая во внимание национальную слабость, что на заседании генеральных штатов у каждого депутата был свой особый план, который он мог предложить. Мало кто из лидеров придерживался того же мнения; и, действуя без объединения, самые жестокие меры, несомненно, вызвали самые бурные аплодисменты. Мы обнаружим также, что некоторые из самых ярых сторонников исправления злоупотреблений и установления конституции, когда их любимые системы были разрушены, с отвращением удалились; и, впоследствии дав волю чувствам, поспешили привести в действие расу монстров, самых отвратительных, которые когда-либо пугали мир убийством невинных и насмешкой над правосудием; и в то время как осквернение ее храма, обогрванного кровью, заклеило несмываемым клеймом кровожадных зверей, дезертиры не могут спастись, не получив доли ответственности. ненависть.

Размышляя о ходе революции, напрашивается меланхолическое размышление, заключающееся в том, что почти каждое поспешное событие было следствием упорства и недалекости политических деятелей, в то время как они демонстрировали римское великодушие поведения, которому они, по—видимому, были столь же чужды, сколь и лишены законного патриотизма и политической науки.

Мы впервые видим, как Калонне, чтобы обеспечить себе популярность и место, предлагает уравнивание налогов; а когда он обнаружил, что его влияние и власть утрачены, с отвращением покидает свою страну и использует самые недопустимые средства, чтобы вовлечь своих сограждан во все ужасы гражданской войны. Мы найдем также нескольких других ораторов, поскольку их последующее поведение обязывает меня рассматривать их не в лучшем свете, когда их планы были проигнорированы, и они если и не повели себя так же постыдно, то все же покинули свои посты; их патриотизм угас вместе с их популярностью.— И необходимо будет только иметь в виду поведение всех ведущих людей, которые были активны в революции, чтобы понять, что бедствия нации возникли из того же жалкого источника тщеславия и жалкой борьбы эгоизма; когда кризис потребовал, чтобы все просвещенные патриоты объединились и сформировали группу, чтобы консолидировать великую работу, начало которой они ускорили. По мере того, как происходило это дезертирство, исчезали лучшие способности, которые были в стране. И таким образом случилось, что невежество и дерзость восторжествовали просто потому, что не были обнаружены те блестящие таланты, которые, следуя прямолинейной линии

политической экономии, как бы ограничивают избирательное право каждого благонамеренного гражданина. Такие таланты существовали во Франции, и если бы они объединились и направили свои взгляды, руководствуясь чистой любовью к своей стране, в одну точку, то всем бедствиям, которые, сокрушив империю, нарушили покой Европы, не пришлось бы в голову опозорить дело свободы.

Каждая великая реформа требует систематического руководства; и как бы легкомысленно слабые смелые головы ни относились к серьезности такого замечания, мирный прогресс каждой революции будет зависеть, в весьма существенной степени, от умеренности и взаимности уступок, сделанных действующими сторонами. Верно, что от нации, прославленной главным образом остроумием, вряд ли можно было ожидать такой осмотрительности, — но это не является достаточным основанием для осуждения всех принципов, породивших революцию: ибо свобода не может рассматриваться как принадлежащая исключительно какому-либо определенному климату или складу ума, как физический эффект. Действительно, было особенно необходимо сформировать такую коалицию, чтобы противодействовать опасным последствиям старых предрассудков. Было морально ясно, что упрямые привычки людей, которых личный интерес удерживал на твердой почве, нарушат спокойное шествие революции: тогда для людей, которые были согласны в основных целях, было бы благоразумно не обращать внимания на незначительные различия во мнениях, пока они не были закреплены: и об этом, по-видимому, знали несколько членов партии.^[26]

Если бы поведение людей было искренним и если бы они действительно стремились к тому братству, о котором они так постоянно заявляли, они могли бы, укрепляя права французских граждан, обеспечить все политические преимущества, которые тогдашнее состояние разума было способно использовать для непосредственной пользы общества. Но вырвавшееся наружу негодование, которое долгое время скрывалось (эффект рабства и оскорбления), объединившись с тщеславием превзойти все другие нации в науке управления, привело к дерзкому поведению, которое, стремясь все перевернуть, обескураживало колеблющихся и пугало робких. Коварные мошенники тогда задумали план возвышения за счет накапливающихся слабостей толпы, которая, освободившись от всяких ограничений, легко поддавалась коварному искусству самых презренных анархистов.

Цель этих чудовищ, замышлявших нарушение священных уз чести и человечности, была рано понята более проникательными; но вместо того, чтобы противостоять их планам, они по большей части стали посвященными в свои клубы; в то время как другие, более надменные, хотя, возможно, и менее руководствующиеся принципами, — если таковые среди них были, — эмигрировали, оставив свою страну на грани водоворота гражданских раздоров и всего сопутствующего им убожества.

Нам необходимо внимательно отнестись к этим соображениям, чтобы иметь возможность составить справедливое мнение о различных революциях, следовавших одна за другой: потому что, исходя из поверхностного взгляда на вещи подобного рода, мы часто приписываем страстям или врожденной порочности человека то, что было просто следствием моральной испорченности. Поэтому так много поклонников революции в ее зачаточном состоянии теперь говорят об экстравагантных нововведениях, стремящихся опрокинуть все барьеры справедливости, растоптать чувства человечества и уничтожить все великолепное — продукт веков, трудолюбия, вкуса и образованности.

Но эта революция интересовала не только французов; поскольку ее влияние распространилось по всему континенту, все страсти и предрассудки Европы были мгновенно пущены на самотек. Эта наиболее благоприятствуемая часть земного шара достигла поразительного превосходства, хотя повсюду ее обитателям приходилось бороться с самыми неестественными различиями и самыми ветхозаветными предрассудками. Но, преодолев эти огромные препятствия на пути к счастью своих граждан, общество, похоже, достигло той точки цивилизации, когда правительствам становится необходимым улучшить свое положение, иначе ослабление их силы и авторитета станет следствием умышленного игнорирования намеков времени. Это истина, которую осознал народ, но в которую судебные паразиты и сторонники деспотизма не пожелали поверить. И, кроме того, их поддержка, можно сказать, существование, были связаны с продолжением этих жестоких злоупотреблений, и они с необычайной отвагой боролись в свою защиту. Таким образом, войны были делом дворов, в котором они искусно разжигали страсти народа.

Люди в диком состоянии, без интеллектуальных развлечений и даже без полей или виноградников, которые могли бы их использовать, зависящие в плане существования от случайных запасов пищи, по-видимому, постоянно воевали друг с другом или нация с нацией; и добыча, отнятая у их врагов, составляла главный объект соперничества, потому что война не была, в отличие от промышленности, своего рода ограничением их свободы. Но социальные чувства человека, испытанные опасной жизнью, проявляются в длинных историях, когда он достигает болтливой старости. В то время как его слушающие потомки удивляются его подвигам, их сердца горят честолюбием сравняться с их огнем. Его душа также согревается сочувствием, сочувствием к невзгодам своих ближних, и особенно к беспомощному состоянию дряхлого возраста; он начинает рассматривать, как желательное, объединение людей, чтобы предотвратить неудобства, возникающие из-за одиночества. Таким образом, маленькие сообщества, живущие вместе узами дружбы, закрепляющие за собой накопленные силы человека, отмечают происхождение общества; а племена, вырастающие в нации, распространяющиеся по земному шару, образуют разные языки, которые порождают разные интересы и недоразумения, возбуждают недоверие.

Изобретение искусств теперь дает ему работу; и пропорционально их распространению он становится домашним и привязывается к своему дому. Ибо, пока они были в младенчестве, его беспокойный нрав и дикие манеры все еще поддерживали в нем страсть к войне и грабежу; и мы обнаружим, если оглянемся назад, на первое совершенствование человека, что по мере того, как исчезала его свирепость, право собственности становилось священным. Доблесть или способности вождей варваров давали им также влияние в их соответствующих династиях; которые, набирая силу пропорционально невежеству эпохи, произвели различия между людьми, из которых возникло великое неравенство условий; и они сохранялись долгое время с тех пор, как необходимость перестала существовать.

Во времена правления невежества разногласия государств могли быть разрешены только путем боевых действий; и искусство ловкого убийства, по-видимому, разрешало разногласия там, где арбитром должен был быть разум. Обычай разрешать споры острием штыка в современной Европе был оправдан примером варваров; и в то время как глупцы постоянно доказывают, опираясь на практику бесчеловечных дикарей, что войны - неизбежное зло, суды сочли их удобными для увековечения своей власти: таким образом, массовая резня послужила благовидным предлогом для казнокрадства.

К счастью, несмотря на различные препятствия, препятствующие развитию знаний, мы достаточно прочувствовали блага общества, чтобы убедить нас в том, что единственное реальное благо, которого можно ожидать от правительства, должно быть связано с безопасностью наших людей и имущества. А семейное благополучие придало мягкий блеск человеческому счастью, превосходящий ложную славу кровавых опустошений или великолепных грабежей. Таким образом, наши поля и виноградники постепенно стали главными объектами нашей заботы — и именно исходя из этого общего настроения, определяющего мнение цивилизованной части мира, мы можем с некоторой степенью уверенности созерцать приближающуюся эпоху мира.

Все, что могло быть сделано группой людей с хорошими манерами, не обладающих душой морали, для улучшения человечества, было испробовано во Франции — результатом стало утонченное рабство; и такая непомерная любовь к удовольствиям, которая заставляла большинство искать только наслаждения, пока не был разрушен естественный тон. И все же лишь немногие по-настоящему научились истинному искусству жить, придавая домашним отношениям ту степень элегантности, которая, исключая грубую фамильярность, одна может сделать постоянными семейные привязанности, из которых проистекают все социальные добродетели.

Ошибочно полагать, что такого понятия, как семейное счастье, не существовало ни во Франции, ни даже в Париже. Напротив, многие французские семьи демонстрировали нежную вежливость в обращении друг с другом, которую редко встретишь там, где некоторая непринужденная веселость не смягчает разницы в возрасте и положении. Муж и жена, если и не любовники, были самыми вежливыми друзьями и нежнейшими родителями в мире — возможно, единственными родителями, которые действительно относились к своим детям как к друзьям; и самыми приветливыми хозяевами и любовницами. Были также матери, которые, покормив своих детей грудью, уделяли их образованию определенное внимание, которое не считалось совместимым с легкомыслием характера, приписываемым им; в то же время они приобрели вкус и знания, которые редко можно встретить у женщин других стран. Их гостеприимные столы были постоянно открыты для родственников и знакомых, которые без формального приглашения наслаждались там безудержным весельем; в то время как более избранные круги завершали вечер обсуждением литературных тем. Летом, удалившись в свои поместья, они распространяли повсюду радость и участвовали в развлечениях крестьян, которых навещали с отеческой заботой. Это были, правда, немногие разумные люди, немногочисленные ни в одной стране — а где можно вести более полезную или рациональную жизнь?

Точно так же в провинциях преобладало больше простоты нравов, их мораль была более чистой: хотя семейная гордость, как и в Англии, делала самым благородным домом королевскую семью каждой деревни, которая посещала большой двор только для того, чтобы привозить его безумства. Кроме того, во Франции у женщин нет тех наигранных, надменных манер, которые свойственны англичанкам; и действуя более свободно, они обладают большей решительностью характера и даже большим великодушием. Руссо научил их также скрупулезному вниманию к личной чистоте, которого обычно нигде не встретишь: их кокетство не только более приятно, но и более естественно; и, не став жертвой неудовлетворенных ощущений, они были действительно менее романтичны, чем англичане; тем не менее, многие из них обладали тонкостью чувств.

Возможно, именно в состоянии сравнительной праздности, когда люди занимаются занятиями, не абсолютно необходимыми для поддержания жизни, уму придается наилучший лоск и те личные качества, которые сразу ощущаются, но не поддаются описанию; и естественно надеяться, что труд по приобретению существенных добродетелей, необходимых для сохранения свободы, не сделает французов менее приятными, когда они станут более респектабельными.

АН

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА IV.

ГЛАВА I.

МНЕНИЯ О СДЕЛКАХ ЧЕТВЕРТОГО АВГУСТА. БЕСПОРЯДКИ, ВЫЗВАННЫЕ ЭТИМИ СДЕЛКАМИ. НЕККЕР ТРЕБУЕТ РАЗРЕШЕНИЯ АССАМБЛЕИ НА ЗАЕМ. РЕШЕНИЕ О ЗАЙМЕ ПРИНЯТО. ДЕСЯТИНА ОТМЕНЕНА. ДЕБАТЫ По ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ. ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ДЕБАТЫ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. ВРЕМЕННОЕ ВЕТО ПРИНЯТО. МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕСПОТОВ ПРОТИВ ФРАНЦИИ. ДЕБАТЫ По СОЗДАНИЮ СЕНАТА. СРЕДСТВА МИРНОГО ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧАСТЬЮ КАЖДОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Многочисленные пожертвования, сделанные депутатами их стране 4 августа, вызвали громкие аплодисменты, но не без смеси саркастического порицания и неодобрительного ропота.

Некоторые обвиняли указы, которые, по их словам, принесли в жертву имущество нескольких тысяч семей ради тщеславного стремления к популярности.—Другие жаловались на пренебрежение теми формами, с помощью которых каждое собрание, стремящееся придать некоторую зрелость своим постановлениям, должно направлять свои дебаты; —они не одобряли заседания во второй половине дня; — быструю смену тем, не оставляющую времени для их взвешивания; —их многочисленность; — и непрерывные возгласы, которые делали спокойную дискуссию физически невозможной. ‘Что?’ продолжали они. - неужели к самому важному делу всегда следует относиться с легкомыслием, которое отличало нас до того, как мы заслужили звание нации? Вечно забавляющийся нашей живостью, счастливый поворот решает

для нас самый серьезный вопрос; и веселые выходки всегда заменяют нам споры.—Мы безумно совершаем самые мудрые поступки; и даже наш разум всегда той или иной нитью связан с непоследовательностью.Национальное собрание долгое время упрекали в том, что оно заикливается на пустяках и недостаточно заботится об общем благе.— Как вдруг — за одну ночь - более двадцати важных законов были приняты в результате переполоха. Так много сделано за такое короткое время, это настолько удивительно, что кажется сном".

В ответ было сказано— ‘Зачем обдумывать, когда все согласны?— Разве общее благо не всегда кажется самоочевидным?’— Разве недостаточно было провозгласить эти патриотические положения, чтобы доказать их справедливость?—Первое лицо, которое указало на новую дань общественным интересам, лишь выразило то, что мы все раньше чувствовали — тогда не было необходимости в обсуждении или красноречии, чтобы принять то, что уже было решено большим числом депутатов и предписано ужасным авторитетом нации в их мандатах.— Сборка могла бы проходить более методично, но результат не мог быть более благоприятным. Казалось, что все старые блага, все ветшающие титулы феодального угнетения были затем выставлены на аукцион: и тот вид недоверия к различным порядкам, который провоцировал взаимные уступки, все еще служил общественному благу".

Дворяне и духовенство провинций, которые не были увлечены энтузиазмом 4 августа, чувствовали себя особенно обиженными. Те, кто недавно были знатными, не хотели снова появляться на равных в городах, где они получали почтение, оказываемое князьям; и люди, стремясь воспользоваться своей свободой, начали охотиться на дичь, невзирая на вред, который они причиняли стоящему зерну. Казалось, сами уступки знати пробудили месть, которую она должна была бы умерить; и чернь излила свой гнев, сжигая замки, которые были, так сказать, законно демонтированы со своих феодальных укреплений.

Духовенство, в частности, жаловалось, что их депутаты перешли все границы, проголосовав против частной собственности органа; поскольку они не допустили, чтобы десятина подпадала под описание феодального владения. Нехватка продовольствия, точно так же, как правило, заставляла людей шуметь по поводу нынешних обид, не страдая от перспективы будущего комфорта и респектабельности, которые будут иметь должную силу для успокоения их умов. Поэтому все бросились к оружию, и три миллиона мужчин, одетых в военную форму, продемонстрировали естественный настрой нации и их нынешнюю решимость больше не бездельничать под гнетом. Многие эксцессы были следствием этой внезапной перемены; и печально известно, что народ в некоторых случаях становился орудием разгромленной партии, которая продолжала использовать все уловки, чтобы вызвать недовольство нации революцией.

Защита своей собственности заложена в природе человека, будь то в диком состоянии или живущего в обществе; и правительству разумно поощрять этот дух. Ибо пример, который сейчас демонстрирует Франция, является ярким доказательством нецелесообразности постоянных армий до тех пор, пока народ заинтересован в поддержке политической системы, при которой он живет. Национальное собрание, осознавая это, призвало ополчение и муниципалитеты приложить усилия для подавления беспорядков, которые привели к насилию над людьми и собственностью; и их особенно просили проявлять самую бдительную осторожность, чтобы автоколонны с пшеницей и мукой не были остановлены праздными и незаконными лицами. Ибо несколько самых роковых потрясений были вызваны именно этой причиной.

Затем были вынесены на рассмотрение и разъяснены указы от 4 августа; и были предприняты некоторые попытки опровергнуть суть многих из хваленой жертвоприношений.—Но обсуждение было прервано, чтобы заняться делами более неотложного характера. Нынешнее состояние нации было крайне тревожным; и министры, не зная, как действовать в новых условиях ответственности, пришли заявить собранию; — что законы утратили силу; — суды бездействуют; — и они просили их немедленно указать на принудительные меры, необходимые для того, чтобы вернуть исполнительной власти утраченное ею влияние.— "Ибо, — отмечали они, — то ли раздраженное сознание злоупотреблений, которые король желает исправить, а вы хотите навсегда запретить, ввело народ в заблуждение; то ли объявление всеобщего возрождения потрясло различные силы, на которых зиждился общественный порядок, — или что бы там ни было на самом деле причиной, джентльмены, правда в том, что общественный порядок и спокойствие нарушены почти во всех частях королевства".

Впоследствии Неккер, объяснив плачевное состояние финансов, чрезвычайные расходы и уменьшение доходов, потребовал от имени короля, чтобы собрание одобрило заем в размере тридцати миллионов ливров для выполнения обязательств и покрытия неизбежных расходов в ближайшие два месяца; к этому времени, как он предполагал, конституция будет почти утверждена. Полагая также, что на патриотизм ростовщиков рассчитывать не следует, он предложил увеличить эти пять процентов. Он упомянул о некоторых соблазнах спекуляций, призванных подстегнуть решимость кредиторов, и далее сделал вывод, что частный интерес тогда будет способствовать успокоению королевства, пока они продвигаются в формировании конституции, которая должна была обеспечить его будущее спокойствие и обеспечить постоянный доход.

Это предложение вызвало самые теплые и громкие аплодисменты.—Один депутат предложил, чтобы вопрос о займе был немедленно поставлен на голосование в присутствии министра в знак их полного удовлетворения, — другой предложил шестьсот тысяч ливров в качестве гарантии, что он выделит заем в своей собственной провинции. Это столь заразительное возбуждение, которое, в конце концов, является всего лишь физической чувствительностью, возбуждаемой возбуждением животного духа, доказывает, что необходим значительный промежуток времени, чтобы приучить людей к обдуманному осуществлению своих прав; что они могут быть в состоянии защитить себя от своего рода инстинктивного доверия к людям; и заставить их заменить уважение к принципам слепой верой в людей, даже с самыми выдающимися способностями. Но чтобы возвысить многочисленное собрание до этого спокойного величия, до того постоянного достоинства, которое подавляет эмоции момента, требуется, вероятно, более развитое состояние разума.

Лалли-Толендаль поддержал необходимость принятия предложенных мер по получению займа для удовлетворения потребностей правительства, которые стали очень насущными; и он опроверг возражение нескольких депутатов, которые были против предоставления гранта, о том, что в их инструкциях им было строго предписано не санкционировать никаких налогов или займов до принятия конституции. С этой точки зрения Мирабо оценивал себя, ибо, несмотря на все свои великие таланты и превосходство гения, он не мог не завидовать способностям более низкого уровня, когда они пользовались наименьшей популярностью. Поэтому он, используя правдоподобную риторику, но поверхностные аргументы, выступил против займа; и с большим пафосом заявил, что депутаты должны предложить свой индивидуальный кредит, вместо того чтобы отступать от самой буквы своих инструкций. Это был один из тех примеров притворной

бескорыстия или ложного патриотизма, рассчитанных на то, чтобы ослепить людей, в то время как это вовлекло нацию в новые неприятности.

План был передан на рассмотрение комитета, назначенного для составления финансовых отчетов, и они, соответственно, признали необходимость срочного снабжения, но сочли, что ссуда теперь может быть получена без дополнительных преимуществ, которые Неккер упомянул в качестве необходимой приманки. Затем дискуссия возобновилась с большим жаром и даже на личностной основе; пока, наконец, проценты по займу не были установлены на уровне четырех с половиной процентов.; и чтобы разрубить узел, который они боялись разрубить, это должно было быть санкционировано декретами от 4 августа.

Однако это не принесло результатов, поскольку в течение трех недель было подписано всего два миллиона шестьсот тысяч ливров. И эта отсрочка дела побудила ассамблею принять с меньшими угрызениями совести другое предложение о новом займе вместо того, которое не обещало ответа, по менее выгодной для нации ставке; или, скорее, они уступили необходимости, в которую сами себя ввергли; и чтобы исполнительная власть не узнала способа его получения, несмотря на их прежние возражения. Но было нелегкой задачей внушить банкирам и держателям денег достаточную веру в новое правительство, побудить их выступить в его поддержку; кроме того, предыдущее обсуждение превратило осторожность в робость; и чем более отчаянным казалось финансовое положение, тем сильнее росло подозрение, которое создавало непреодолимые препятствия на пути к временному облегчению.

Устанавливая точные условия указов, которые должны были отменить феодальную вассальность, вопрос о включении десятины обсуждался с особой серьезностью; и возражения, выдвигаемые против отмены, были не только остроумными, но и разумными^[27]. Аббат Сийес высказался с большим здравым смыслом, утверждая, 'что десятина была не налогом, взимаемым с нации; а арендной платой, по которой нынешним владельцам поместий, а не тем, кому они фактически принадлежали, выплачивалась надлежащая компенсация. Поэтому он настаивал на том, что, если жертва необходима, она должна быть принесена публично, чтобы облегчить участь людей, а не обогатить собственников, которые, вообще говоря, принадлежали к самой богатой части общества.' Он посоветовал собранию быть настороже, чтобы алчность, скрывающаяся под маской рвения, не обманула их, заставив нацию награждать, а не возмещать ущерб знати. Дело было в том, что землевладельцы всего лишь отказывались от устаревших привилегий, которыми они едва осмеливались пользоваться, чтобы обеспечить себе солидное преимущество. Общество до сих пор было построено таким порочным образом, что, чтобы помочь бедным, вы должны приносить пользу богатым. Нынешний вопрос был деликатным; отмена десятины сняла бы очень тяжелый досадный груз, который долгое время висел на шее промышленности; и все же хотелось бы, чтобы его можно было урегулировать таким образом, чтобы не обеспечить дворянству большой денежной выгоды. Ибо, хотя это было физически невозможно, немедленно принести эту жертву обществу в целом; потому что собственники, и в особенности арендаторы поместий, не могли бы выкупить десятину, не испытывая при этом таких страданий, которые почти остановили бы развитие земледелия; не говоря уже об усовершенствованиях сельского хозяйства, столь необходимых во Франции и рассматриваемых как плод свободы; — и все же постепенный налог на первоначального землевладельца помешал бы знати извлечь большую выгоду из-за их столь превозносимого бескорыстия, из-за их ошибочных предположений. пожертвование

привилегиями. Потому что за все недвижимое имущество они должны были получать возмещение; и за неприятные феодальные привилегии, такие как личное рабство, которые они стыдились перечислять как причитающиеся от человека к человеку, десятина была достаточным возмещением; или, точнее говоря, чистой прибылью, за исключением тех, кто с большим сожалением расставался с плюмажами, которые возвышали их над их собратьями. Действительно, было очень трудно отделить зло от добра, которое принесло бы пользу нации в результате отмены этого налога.—Духовенство, однако, прервало дебаты, отказавшись от своего права, предложив довериться справедливости общественности в получении взамен стипендии, необходимой для того, чтобы они могли поддерживать достоинство своей деятельности.

Таким образом, 13-го числа вся дискуссия была закрыта, поскольку остальные статьи не вызвали особых споров. Соответственно, президент дождался короля, который получил свой новый титул вместе с указами, против которых он впоследствии высказал некоторые возражения, хотя ассамблея сочла их фактически санкционированными^[28].

Комитет из пяти человек был нанят для подготовки декларации прав, которая должна была предшествовать принятию конституции. На мнение тех, кто считал, что об этом заявлении следовало умолчать, уже упоминалось; однако этот вопрос, по-видимому, требует некоторого дальнейшего рассмотрения. И, возможно, будет справедливо отделить характер философа, который посвящает свои усилия содействию благосостоянию и совершенству человечества, вынося свои взгляды за пределы любого времени, которое он выбирает для обозначения; от характера политика, чей долг - заботиться об улучшении и интересах времени, в которое он живет, и не жертвовать никаким нынешним комфортом ради перспективы будущего совершенства или счастья. Если это определение справедливо, то философ естественным образом становится пассивным персонажем, а политик - активным. Ибо, хотя желание громко провозгласить великие принципы свободы и поскорее распространить их, быть одним из самых сильных, которые испытывает доброжелательный человек любого склада ума, он не успевает захотеть подчиниться этому импульсу, как оказывается зажатым между двух скал. Истина повелевает ему сказать все; мудрость шепчет ему, чтобы он тянул время. Любовь к справедливости привела бы его к преодолению этих осторожных ограничений благоразумия; разве гуманность, просвещенная знанием человеческой природы, не заставила бы его бояться покупать благо потомства слишком дорогой ценой, страданиями нынешнего поколения.

Дебаты, касающиеся принятия декларации прав, стали очень оживленными; и было внесено много разнородных вопросов, чтобы продлить дискуссию и раззадорить спорщиков по мере рассмотрения различных статей. Статья, касающаяся религии, особенно привлекла внимание собрания и вызвала одну из тех бурных сцен, которые так часто омрачали их обсуждения. Высказанные нетерпимые чувства; и даже внесение некоторых поправок, которые не могли бы, без противоречия в терминах, найти место в декларации прав; доказали, что ассамблея состояла из большинства, которое все еще руководствовалось предрассудками, враждебными полному объему той свободы, которая является неотъемлемым правом каждого гражданина, когда это не ущемляет равное пользование той же частью своим соседом^[29]. Наиболее здравомыслящая часть собрания утверждала, что религию не следует упоминать, разве что для того, чтобы заявить, что свободное осуществление ее является общим правом со свободным высказыванием всех мнений; которые становятся достоянием гражданского общества только тогда, когда они принимают форму, а именно когда они производят последствия,

противоречащие законам; и даже тогда наказание карается именно уголовным действием, а не пассивным мнением.

В этой декларации содержатся принципы политической и гражданской свободы, представленные очень торжественным обращением: —Объявляя, "что, поскольку невежество, забывчивость и презрение к правам людей являются единственными причинами общественных недовольств и коррупции правительств, ассамблея решила восстановить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека; для того, чтобы эта декларация, постоянно присутствующая у всех членов общества, могла постоянно напоминать им об их правах и обязанностях; что, имея это в виду". имея возможность ежеминутно сравнивать действия законодательной и исполнительной властей с целями всех политических институтов, они могут тем больше уважать их; и что протесты граждан, основанные в будущем на простых и неоспоримых принципах, всегда могут иметь тенденцию поддерживать конституцию и способствовать счастью всего общества".

Какое-то временное дело, направленное на восстановление общественного спокойствия и придание силы законам, оскорбленное распущенным поведением людей, опьяненных одним лишь ожиданием свободы, почуянной издали, было отправлено в отставку, и разработка конституции стала постоянной работой собрания.

Первый вопрос, естественно, подпадал под эту рубрику — какой долей власти должен обладать король в законодательном органе? Это было важным соображением для людей, которые все теоретически были политиками; и многие из которых, пострадав от абсолютного влияния королевских министров, все еще ощущали остроту их угнетения и презрение к власти, санкционировавшей их господство: в то время как слепые фанатики непреложных прав королей, хотя и стыдились этой фразы, подогревали воображение своей партии самыми раздутыми восхвалениями преимуществ, проистекающих из обширных королевских прерогатив, и банальными замечаниями о британской конституции и других формах правления, очевидно, чтобы показать свое превосходство. эрудиция. Последовали самые шумные дебаты о непристойностях, и собрание, казалось, собралось скорее для ссоры, чем для обсуждения. Вследствие этого произошло разделение, наиболее решительное; которое под разными названиями и исповедуя разные принципы, с тех пор продолжает сотрясать сенат, если законодательное собрание или конвент заслуживают столь достойного названия.

При обсуждении вопроса о том, должна ли королевская санкция быть необходимой для действительности актов законодательного органа, множество посторонних тем и другие, преждевременно выдвинутые вперед, настолько запутали главный вопрос, что затруднили ясный и краткий отчет о дебатах; без придания им определенной разумности, что манера ведения спора, грубо личная и громко нецивилизованная, казалось, разрушала его.. Ибо хорошие легкие вскоре стали более необходимы собранию, чем здравые аргументы, чтобы позволить оратору прекратить языковое замешательство и донести свое мнение до людей, которым не терпелось лишь высказать свое собственное. Таким образом, у скромных людей не было шанса быть услышанными, хотя убеждение звучало у них на устах; и даже Мирабо, с его повелительным красноречием и справедливостью мыслей, привлекал внимание как громовым акцентом, который он придавал своим периодам, так и поразительной и убедительной ассоциацией идей.

Как нация, французы, безусловно, самые красноречивые люди в мире; их живые чувства придают теплоту страсти каждому аргументу, который они пытаются поддержать. И, говоря бегло, тщеславие заставляет их постоянно пытаться выразить свои чувства, не задумываясь о том, есть ли у них что-то, на что они могли бы обратить внимание, кроме удачного выбора выражений. Только подумав о том, чтобы заговорить, они становятся самыми нетерпеливыми слушателями, кашляя, прихрамывая и громче всех шаркая ногами, чтобы скоротать время. Отбросив также в сторону в собрании не только их национальную вежливость, но и обычные ограничения вежливости, хорошие манеры редко заменяют разум, когда они сердиты. И поскольку малейшее противоречие разжигает в них огонь, три части из четырех времени, которое следовало бы потратить на серьезное расследование, были потрачены на праздную горячность. В то время как аплодисменты и шипение с галерей усиливали суматоху, заставляя тщеславцев еще больше стремиться подняться на сцену. Таким образом, все, что способствовало возбуждению эмоций, которые приводят людей только к восхищению при дворе, благо народа слишком часто приносилось в жертву желанию угодить им. И волна их привязанности к королю переломилась настолько сильно, что они, казалось, были против того, чтобы он получил какую-либо долю законодательной власти в новой конституции.

Герцог де Лианкур разделит вопрос о доле власти, которой он должен был обладать как часть правительства. *1. Необходима ли королевская санкция для придания реальной силы закона декретам национального собрания? 2. безусловно. Должен ли король быть неотъемлемой частью законодательной власти?* В Англии была принята фраза *королевское согласие* как выражение положительного акта; но французы, предпочитая отличать тот же акт власти от отрицательного, закрепили латинское слово *veto, я запрещаю*. И тогда возник вопрос, как далеко должно простирается это *право вето*, предполагая, что им будет наделен принц.— Было ли это сделано решительно для того, чтобы воспрепятствовать введению в действие закона, принятого законодательным органом? или только приостановить его до тех пор, пока к народу не будет обращено обращение к новым выборам?

Ассамблея в данном случае, по-видимому, действовала в состоянии странного замешательства или полного незнания природы смешанного правительства: либо вопрос был спорным, либо король бесполезным. Лалли-Толендаль, Мунье и Мирабо выступали за абсолютное *право вето*. — "Две власти, - говорит Мирабо, - необходимы для существования политического органа при упорядоченном выполнении им своих функций: — Желать — и действовать. Посредством первого общество устанавливает правила, которые должны все приводить к одной цели — всеобщему благу; Посредством второго эти правила приводятся в исполнение; и применяется государственная власть, чтобы заставить общество восторжествовать над препятствиями, которые могут возникнуть из-за противоположных волей индивидов. В великой нации эти две власти не могут осуществляться народом: отсюда возникает необходимость в представителях для осуществления способности желать, или законодательной власти; а также в другом виде представительства, для осуществления способности действовать, или исполнительной власти".

Далее он настаивает на том, что 'обладание этой властью - единственный способ сделать короля полезным и дать ему возможность сдерживать законодательный орган: большинство которого может тиранствовать самым деспотическим образом, даже в сенате, вплоть до изгнания членов, которые осмелились помешать мерам, которые они не могли одобрить. Ибо при слабом монархе потребовалось бы немного времени и только решительности, чтобы юридически установить господство армии аристократов; которые, сделав королевскую власть

всего лишь пассивным инструментом своей воли, могли бы вернуть народ в прежнее состояние унижения.

Следовательно, принц, будучи постоянным представителем народа, подобно депутатам, которые являются его представителями, избираемыми на определенные периоды, в равной степени является их надежной охраной.

"Никто не возражает против *вето* национального собрания, которое на самом деле является единственным правом, предоставленным народом своим представителям, выступать против любого предложения, которое имело бы тенденцию к восстановлению министерского деспотизма. Зачем же тогда возражать против *вето* принца, которое является всего лишь другим правом, особенно предоставленным ему народом, потому что он и они в равной степени заинтересованы в предотвращении создания аристократии?"

Далее он доказывает, "что, пока законодательный орган респектабелен, *вето* короля не может нанести вреда, хотя и является благотворным сдерживающим фактором для их обсуждений; и при условии, что влияние короны имеет тенденцию к росту, постоянное собрание было бы достаточным противовесом королевскому негативу. Давайте, - заключает он, - ежегодно созывать национальное собрание, возложим ответственность на министров; и королевская санкция, без каких-либо конкретных ограничений, но, по сути, совершенно ограниченная, станет палладиумом национальной свободы и самым ценным проявлением свободы народа".

Пострадав от злоупотребления абсолютной властью, многие депутаты, боясь доверить что-либо своим конституционным монархам, выступили против *вето*, опасаясь, что это парализует деятельность национального собрания и вернет старый деспотизм кабинета министров. Дискуссия, также вышедшая за его стены, была столь же поверхностно и столь же тепло воспринята теми, кто думал только о старом правительстве, когда они говорили о формировании нового. И поскольку теперь народом руководили люди с горячими головами, которые считали кратчайшим путем к популярности произносить преувеличенные рассуждения о свободе, они начали искать в своем правительстве степень свободы, несовместимую с нынешним состоянием их нравов; и о которой они не имели совершенного представления. Поэтому неудивительно, что противодействие *вето* должно стать признаком патриотизма; хотя Мирабо никогда не приводил более веских доказательств своего мнения, чем поддерживая его; убежденный, что это было в интересах людей, которых он защищал, в то время как он рисковал их благосклонностью.

Воля общественности на самом деле была такова, что они едва ли допустили бы упоминание о *вето*; и ассамблея, чтобы избрать средний курс, приняла *приостанавливающее вето*; после рассмотрения некоторых других важных элементов конституции, которые, как им казалось, были тесно связаны с королевской прерогативой.

Конечно, несколько наиболее здравомыслящих депутатов должны были понимать нелепость *приостанавливающего действия вето*; и они могли согласиться принять эту меру, только исходя из идеи, что умы людей еще не полностью созрели для полной смены правительства — от абсолютного деспотизма к полному республиканизму, и политически было необходимо по-прежнему сохранять тень монархии. "Назначить, - говорит один из депутатов, - срок действия *вето* означает, в конце концов, заставить короля исполнить закон, который он не одобряет; и, сделав его таким образом слепым и пассивным орудием, разжигается тайная война между ним

и национальным собранием. Короче говоря, это значит отказать ему в *праве вето*; хотя у тех, кто отказывается от него, не хватает смелости открыто заявить, что Франция больше не нуждается в короле".

Но с самого начала революции несчастья Франции происходили из-за глупости или искусства людей, которые слишком быстро подстегивали народ, вырывая с корнем предрассудки, которым они должны были позволить постепенно угаснуть. Если бы они, например, позволили королю насладиться долей в правительстве, обещанной *абсолютным вето*, они бы мягко спустили его с высоты неограниченной власти, не дав ему почувствовать почву, которую он потерял при спуске. И это подобие его былой власти удовлетворило бы его; или, скорее, смягчило бы его падение, побудило бы его терпеливо подчиняться другим ограничениям, менее унижительным для него, хотя и более полезным для людей. Ибо из опыта очевидно, и это можно было предвидеть, что решение по этому вопросу было одним из главных источников постоянных пререканий собрания с двором и министерством, которые позаботились о том, чтобы король увидел, что его выставили идолом, просто для того, чтобы заслужить насмешливое уважение законодательного органа, пока они не будут полностью уверены в народе.

Если бы действительно было установлено, что Людовик, или, скорее, королева, смиренно родился бы с таким уменьшением власти, эту меру можно было бы счесть благоразумной; потому что тогда было морально очевидно, что монархия закончилась бы естественным образом с роспуском короля. Но когда гордость и неугомонный дух королевы были хорошо известны; и что вполне вероятно, исходя из всего уклада ее прежней жизни, она ухитрилась бы составить министерство из самых распутных и своевольных людей; должно быть, верхом безумия было бы оставить королю возможность ставить их действия в тупик после того, как они задели его гордость. И когда, чтобы придать, так сказать, действенности заговорам, которые, естественно, были бы организованы придворными, чтобы вернуть им остатки власти, мы обнаруживаем, что впоследствии они проголосовали за внесение такой огромной суммы в гражданский список, которой было достаточно, чтобы двигать, как марионетками, сотнями продажных французов; следует признать, что их абсурдность и отсутствие проницательности кажутся не менее предосудительными, чем последующее поведение придворных.

Конституционный комитет высказал свое мнение о том, что оспариваемое *вето* не касалось существовавшего тогда национального собрания; которое, будучи учредительным органом, было их обязанностью следить за тем, чтобы конституция была принята, а не санкционирована. Это сообщение несет в себе ауру идиотизма, что делает его почти невероятным: ибо, если бы ассамблея была полна решимости заставить короля принять их указы, им лучше было бы сказать ему об этом с подобающим достоинством и предусмотреть его уход с поста, на котором он был бесполезен. Вместо этого его каким-то образом свергли с трона, и с ним обращались как с жестокостью, так и с презрением. Было бы, по крайней мере, простодушно и могло бы считаться великодушием, если бы они позволили ему уйти на пенсию с третьей стипендии, которую они впоследствии выплатили ему, когда он продолжал выступать как театральный король, только для того, чтобы вызвать жалость черни и послужить предлогом для европейских деспотов оправдать свое вмешательство. Освобождение заключенного монарха было правдоподобным мотивом, хотя реальный, очевидно, заключался в том, чтобы остановить прогресс принципов, которые, если бы им позволили распространиться, в конечном счете подорвали бы основы их тирании и опрокинули все суды в Европе. Делая вид, что они имеют в

виду только восстановление порядка во Франции и освобождение раненого короля, они стремились сокрушить зародыш свободы.

Подобные чувства, должно быть, приходили в голову каждому мыслящему человеку, который когда-либо серьезно размышлял о поведении германских дворов, которое фактически разрушало спокойствие Европы на протяжении прошлых столетий. Война - естественное следствие их жалких систем правления.—Их поддерживают военные легионы; и без войн у них не было бы солдат-ветеранов. Таким образом, их возвышение и наполовину прожитые удовольствия, отлитые в форму церемонии, проистекают из страданий и питаются кровью человеческих существ; которыми они жертвовали с таким же *хладнокровием*, отправляя их стадами на бойню, как жестокосердные дикие римляне смотрели на ужасное зрелище своих призовых бойцов; от одной мысли об этом ум отворачивается, испытывая отвращение ко всей империи, и особенно к правительству, которое осмелилось похвастаться своим героизмом и уважением к справедливости, когда не только терпело, но и отвергало их. но поощряет такие чудовищные поступки.

Поэтому сочувствующим принцам континента следовало уступить королю; или, если бы было необходимо потакать предрассудкам нации и по-прежнему позволять французам иметь самого христианского короля или *великого монарха*, который развлекал бы их поеданием каплунов или куропаток у них на глазах; было бы справедливо, как с точки зрения разума, так и политики, предоставить ему такую долю свободы и власти, которая позволила бы сформировать последовательное правительство. Это предотвратило бы шумиху, которая, несомненно, объединила бы множество врагов, чтобы помешать установлению рациональных законов, вытекающих из конституции, которые мирно подорвали бы деспотизм, если бы им было позволено постепенно изменять нравы народа. Хотя, если бы это право было предоставлено, оно могло бы, возможно, вызвать большие неудобства; поскольку маловероятно, что суд, привыкший осуществлять необузданную власть, удовлетворенно сотрудничал бы с законодательной властью, обладая лишь разумными прерогативами.

Некоторые опасения такого рода, возможно, возникли у ассамблеи: хотя, скорее всего, они были либо под влиянием нелепой гордыни, не желая принимать британскую конституцию, поскольку она уважала прерогативы, за образец; или запуганы людьми, которые в ходе долгих дебатов возмутительно выразили свою волю и даже распространили список запретов, в котором *ветоисты* были осуждены как предатели, достойные смерти. Как бы то ни было, они решились на половинчатую меру, которая вызвала раздражение суда, но не успокоила народ. Ранее постановив, что национальное собрание должно быть постоянным, то есть существовать всегда, вместо того, чтобы распускаться в конце каждой сессии, они постановили, что *вето* короля должно приостанавливать действие закона только в течение двух законодательных собраний. "Мудрость этого закона, - говорит Рабо, - была общепризнанна," хотя его глупость скорее заслуживала всеобщего порицания.

Судя по тому, как было сформировано собрание, следовало опасаться, что его члены недолго сохранят достоинство, с которым они начали карьеру в своем бизнесе: потому что партия, которая с таким ожесточением выступала против объединения трех сословий, все еще со злопамятным жаром и хитрыми уловками выступала против каждой меры, предложенной действительно патриотически настроенными членами, косвенно поддерживалась неискренними и колеблющимися; у которых не было никаких мотивов управлять своим

поведением, кроме самого отвратительного эгоизма, порождения тщеславия или алчность всегда принимала сторону, наилучшим образом рассчитанную на удовлетворение грубых желаний толпы. И эта необузданная толпа, теперь внезапно посвященная в науку о гражданских и естественных правах, ставшая опытными политиками, начала контролировать решения разделенного собрания, ставшего робким из-за кишечных разборок.

Кроме того, существовало множество обстоятельств, которые, как правило, очень затрудняли любые попытки противодействовать этому влиянию. На заседании генеральных штатов вся придворная партия, за исключением большей части дворянства и духовенства, была в оппозиции к третьему сословию; и хотя численность последнего была равна численности двух других сословий, им также приходилось бороться с закоренелыми вековыми предрассудками. Двор думал только о том, как бы раздавить их; и если бы солдаты действовали со слепым рвением, свойственным людям этой профессии, этого самого по себе было бы достаточно, чтобы полностью изменить их взгляды. Такое поведение кабинета министров и раскрытие чудовищного заговора, который был составлен против народа и его обожествляемых представителей, вызвав негодование и месть нации, подорвали всякую власть и сделали законы, которые исходили от него, достойными презрения. Чтобы противостоять этому потоку мнений, подобному стремительному течению, которое после проливных дождей, вопреки всякому сопротивлению, уносит в своей бушующей груди все препятствия, требовалось самое просвещенное благоразумие и решительная решимость.

Столько мудрости и твердости редко выпадает на долю какой-либо страны; и вряд ли этого можно было ожидать от развращенных и непостоянных французов; которые гордо или по невежеству решили не следовать никаким политическим путем и, по—видимому, остановились на системе, подходящей только для народа, находящегося на высшей стадии цивилизации; - системе, которая сама по себе рассчитана на то, чтобы дезорганизовать правительство и внести смуту во все его действия. Это была ошибка настолько грубая, что требовала самых суровых опровержений. Ибо этот политический план, всегда считавшийся утопическим всеми людьми, которые не следили за развитием разума или не рассчитывали степени совершенствования, на которую способны человеческие способности, был, можно предположить, самым неподходящим для вырождающегося общества Франции. Усилия самих поклонников революции также были далеки от того, чтобы быть постоянными; и вряд ли можно было ожидать, что они будут обладать достаточной добродетелью, чтобы поддерживать правительство, срок правления которого, как они по крайней мере опасались, будет коротким. Люди, которых называли опытными, верили, что это физически невозможно; и никакие аргументы не были достаточно убедительными, чтобы убедить их в обратном: так что, предоставив задачу высмеивать патриотов и энтузиастов, они обрушили новую ненависть на принципы, которые, несмотря на это, набирают силу. Вещи должны идти своим естественным чередом; и ускоряющийся прогресс истины обещает продемонстрировать то, чего до сих пор не удавалось доказать никакими аргументами.

Основы свободы были заложены в декларации прав, первые три статьи которой содержат великие принципы естественной, политической и гражданской свободы.—Во-первых, люди рождаются и всегда остаются свободными и равными в отношении своих прав. — Следовательно, гражданские различия могут быть основаны только на общественной полезности. Во-вторых, целью всех политических объединений является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека, которыми являются свобода, собственность,

безопасность и сопротивление угнетению. В-третьих, нация является источником всякого суверенитета: тогда ни одна группа людей, ни один индивид не может иметь права на какую-либо власть, которая не проистекает из нее. Первая статья, устанавливающая равенство людей, уничтожает в корне все бесполезные различия; вторая, защищающая их права от угнетения, поддерживает их достоинство; и третья, признающая суверенитет нации, подтверждает власть народа.— Это существенные моменты хорошего правительства: и необходимо только тогда, когда эти моменты установлены нацией и торжественно утверждены в сердцах ее граждан, позаботиться при формировании политической системы о том, чтобы предотвратить злоупотребления исполнительной частью; при этом следует соблюдать равную осторожность, чтобы не подорвать ее эффективность, поскольку от этого зависят ее справедливость, энергия и оперативность. Другие статьи объясняют природу и назначение этих прав, и им следовало бы уделить больше внимания при разработке структуры, основой для которой они послужили.

Определяя власть короля, или, скорее, определяя, что у него не должно быть никакой власти, если только возможность изменения законодательства не заслуживает этого названия, они обсуждали вопрос о двух палатах с равной невнимательностью и всей ребяческой самодостаточностью невежества. Оппоненты из двух палат, не допуская, что было какой-либо политической мудростью назначить одну палату представителей для пересмотра решений другой, высмеяли идею баланса сил и привели примеры злоупотреблений английского правительства, чтобы придать силу своим возражениям. В то же время, опасаясь, что придворная знать будет бороться за наследственный сенат, подобный британской палате пэров; или, по крайней мере, за пожизненное место, первостепенное для представителей, которые, по их мнению, должны избираться каждые два года; они боролись за скорейшее завершение дела. Само разделение дворянства ускорило это и усилило доводы народных депутатов, которые, обнаружив, что они могут положиться на согласие приходских священников, чьи пожелания в пользу единства собрания были быстро выданы мнениями их ведущих ораторов, потребовали решения вопроса, который обсуждался самым бурным образом.

Мирабо хотел доказать, что решение вопроса о постоянстве собрания предопределило решение обеих палат; а план создания сената, предложенный конституционным комитетом, только возбудил новые опасения, что древняя гидра снова поднимет голову. Они представляли этот сенат как колыбель новой аристократии; как опасный противовес народному насилию, потому что он по-прежнему поощрял бы предрассудки, которые порождали неравенство среди людей, и постоянно давал волю всепоглощающим страстям, которые до сих пор унижали человечество. И чтобы заранее продемонстрировать всю свою незаинтересованность, а также боязнь допустить, чтобы осуществление власти стало привычным, а тем более необходимым для любых членов сообщества, они единогласно проголосовали за то, чтобы в каждом законодательном органе, так называется собрание представителей, произошла полная смена депутатов.

Само дворянство, на самом деле, было далеко не едино в поддержке двух палат. Орден был многочисленным, и для установления равенства привилегий было необходимо, чтобы все они согласились избрать верхнюю палату в качестве представителей всего общества; в то время как придворная знать и представители старинных домов втайне лелеяли надежду учредить звание пэра, которое не только возвысило бы их над палатой общин, но и держало бы на должном расстоянии выскочку из дворянства, с которым они до сих пор нетерпеливо боролись. Была

даже еще одна причина для зависти: предполагалось, что сорок семь дворян, первыми присоединившихся к собранию, теперь будут вознаграждены. Короче говоря, праздные страхи и еще более презренное тщеславие различных партий теперь настолько действовали в пользу неделимого сената, что вопрос был решен подавляющим большинством, к полному удовлетворению общественности, которая почти так же стремилась к единой палате, как и к *вето*.

Депутаты, которые выступали против того, чтобы верхняя палата служила благу общества, сделали это из убеждения, что это будет убежище новой аристократии; и из-за полного невежества или неясности идей относительно ее полезности. В то время как угнетение феодальной системы все еще присутствовало в умах людей, они считали разделение законодательного органа несовместимым со свободой и равенством, которых их учили ожидать как главных благ новой конституции. Само упоминание о *двух палатах* вернуло их к старому спору, касающемуся негатива различных орденов; и, казалось, подорвало революцию. Такие страхи, перерастающие в слабость, можно объяснить только воспоминаниями о множестве жестоких рабств, из которых они так недавно вырвались. Кроме того, воспоминание об их прежнем рабстве и негодование, вызванное недавней борьбой за то, чтобы доказать, что они мужчины, создали в их восторженном воображении такое множество ужасов и фантастических образов новых опасностей, что не позволили им использовать всю силу своего разума. Так что, чтобы убедить их в правильности нового учреждения и возбудить его сторонников, не требовалось ничего большего, чем показать, что оно полностью противоположно тем, которые поддерживались сторонниками старого правительства.

Разумность предоставления исполнительной части правительства абсолютного *права вето* могла бы быть весьма справедливо поставлена под сомнение; поскольку это, по-видимому, дает одному человеку право противодействовать воле целого народа — абсурд, слишком вопиющий, чтобы заслуживать опровержения. Тем не менее, хотя короны являются необходимой безделушкой, чтобы понравиться толпе, также необходимо поддерживать их достоинство, чтобы помешать самонадеянной аристократии сосредоточить всю власть в своих руках. Это, по-видимому, также было целесообразно до тех пор, пока сохранялись нравы варваров: поскольку дикари, естественно, любят стекло и бусы, в той мере, в какой они представляют разительный контраст с грубыми материалами их собственного изготовления.

По мере прогрессирующего влияния знаний на манеры, как одежда, так и правительства, по-видимому, приобретают простоту; следовательно, можно сделать вывод, что по мере того, как люди обретут достоинство характера, их развлечения будут проистекать из более рационального источника, чем пышность королей или вид щегольства, выставляемого при дворах. Если до сих пор они поддерживались детским невежеством, то, по-видимому, теряют свое влияние по мере того, как понимание мира приближается к зрелости: ибо, становясь мудрее, люди будут стремиться к прочным преимуществам общества; и, с достаточной бдительностью следя за своими собственными интересами, *вето* исполнительной ветви власти станет совершенно бесполезным; хотя в руках беспринципного, смелого главного судьи это может оказаться опасным инструментом. Таким образом, при формировании представительного плана правления представляется необходимым позаботиться только о том, чтобы он был построен таким образом, чтобы предотвратить принятие поспешных решений или включение в законы опасных, неополитичных мер, к которым призывают популярные ораторы, слишком склонные завоевывать влияние в многочисленном собрании. До тех пор, пока

принципы правления не упростятся и знание о них не будет распространено, следует опасаться, что народные собрания часто будут находиться под влиянием заволаживающих чар красноречия: и поскольку человек может быть красноречивым, не будучи ни мудрым, ни добродетельным, то это всего лишь обычная предосторожность благоразумных создателей конституции - обеспечить некоторую сдержанность злу.

Кроме того, весьма вероятно, что при том же состоянии разума может возникнуть фракция, которая будет контролировать собрание; и, действуя вопреки предписаниям мудрости, ввергнет государство в самые опасные конвульсии анархии: следовательно, оно должно составить первостепенную задачу для учредительного собрания, чтобы предотвратить каким-либо спасительным способом вред, проистекающий из таких источников. Очевидным превентивным средством является вторая палата, или сенат, которая, скорее всего, не находилась бы под влиянием той же фракции; и, по крайней мере, несомненно, что ее решения принимались бы не теми же ораторами. Преимущество было бы более очевидным, если бы дела в двух палатах не велись аналогичным образом. Таким образом, сделав самое многочисленное собрание наиболее активным, у другого будет больше времени, чтобы взвесить возможные последствия любого акта или указа, которые предотвратили бы эти неудобства; или, по крайней мере, многие из них являются следствием спешки или фракционности.

Эта система при старом правительстве может быть улучшена. Поскольку у молодых людей, как правило, больше огня, активности и изобретательности, с политической точки зрения было бы разумно ограничить возраст сенаторов тридцатью пятью или сорока годами; в этот период жизни они, скорее всего, занимались бы определенной рутинной; и, став более мудрыми и уравновешенными, они были бы более способны принимать решения в соответствии с политикой или мудростью действий палаты представителей.

Это правда, что Франция была в таком состоянии во время революции, что подобное улучшение не могло быть немедленно приведено в исполнение, потому что следовало справедливо опасаться влияния аристократии. Учредительное собрание тогда должно было оставаться неделимым; и по мере того, как члены в какой-то мере знакомились с законодательными делами, они готовили бы сенаторов для верхней палаты. Поскольку все будущие законодательные органы были разделены на две палаты, палату представителей и сенат, членам национального собрания могло быть разрешено избираться в сенат, хотя они не должны были достигать установленного возраста; поскольку ограничение не должно было иметь места до тех пор, пока правительство не достигнет своего уровня, и даже тогда членам предыдущей палаты представителей могло быть разрешено вернуться в сенат.

Моралисты часто замечают, что мы меньше всего знакомы со своими собственными характерами. Это в буквальном смысле имело место с французами: ибо, конечно, ни один народ не нуждается так сильно в сдерживании; и, будучи совершенно лишенным опыта в политической науке, всем людям с здравым смыслом должно было быть ясно, что один только такой план позволил бы им избежать многих фатальных ошибок.

Первые усилия национального собрания были поистине великодушными; но характер людей был слишком легкомысленным, чтобы сохранять прежний героизм, не подогреваемый страстью, — слишком легкомысленным, чтобы с серьезным достоинством переносить блеск внезапной славы. Их тщеславие также было безгранично; и их ложная оценка бескорыстия поведения, в то время как они выдавали ребячество чувств, была не из последних несчастий,

обрушившихся на эту несчастную страну. Их сердца слишком долго были изощренными, чтобы предложить наилучший способ донести свободу до миллионов; а их головы были еще менее рассчитаны на то, чтобы разработать осуществимый план правления, приспособленный к уровню знаний того времени. Настолько, что они, по-видимому, выбрали из книг только правила, соответствующие периоду совершенной цивилизации.

Революции в государствах должны быть постепенными; ибо во время насильственных или материальных изменений не столько мудрость мер, сколько популярность, которую они приобретают, приспособляясь к слабостям большей части общества, обеспечивает им успех. Людей легче всего сбить с толку остроумными аргументами, основанными на равенстве людей, и они всегда используются различными лидерами народных правительств.

В то время как самые изобретательные теоретики или отчаянные сторонники народа используют в своих интересах эту немощь нашей природы, последствия иногда должны быть разрушительными для общества, если они не заканчиваются самой ужасной анархией. Ибо, когда членами государства не руководят практические знания, каждый вырабатывает план государственного устройства, пока смятение не становится всеобщим, и нация не погружается в нищету, следуя планам тех гениальных философов, которые, продвинувшись вперед раньше своего возраста, набросали модель совершенной системы правления. Так случилось во Франции, что идея Юма о совершенном государстве, принятие которой было бы допустимо только тогда, когда цивилизация достигнет гораздо большей степени совершенства, а знания будут более широко распространены, чем в настоящий период, была, тем не менее, выбрана учредительным собранием в качестве модели их нового правительства, за несколькими исключениями: выбор, несомненно, проистекал из того, что у членов не было возможности ознакомиться с практической свободой. Некоторые из членов, правда, ссылались на улучшения, внесенные американцами в план английской конституции; но подавляющее большинство, презирая опыт, было за немедленное создание системы, гораздо более совершенной. И эта самодостаточность породила те ужасные безобразия и нападения, совершенные анархистами этой страны на личную свободу, собственность и все остальное, что общество считает священным.

Мне кажется, что эти печальные рассуждения позволяют привести неопровержимые аргументы в доказательство того, что всем правительствам, ставящим своей целью счастье народа, необходимо сделать право изменять мирным путем фундаментальный принцип своей конституции.

И все же, если попытка преждевременно привести в исполнение возвышенную теорию, над формированием которой трудились некоторые из лучших голов, дала возможность поверхностным политикам осудить ее как абсурдную и химерическую, поскольку она не увенчалась немедленным успехом, защитникам распространения истины и разума не следует отчаиваться. Ибо, когда мы размышляем о медленном совершенствовании, которое было достигнуто в науке управления; и о том, что даже система британской конституции рассматривалась некоторыми из самых просвещенных древних как самая возвышенная теория, которую человеческий разум был способен постичь, хотя и не сводимая к практике, они не должны расслабляться в своих попытках довести до зрелости более простое государственное устройство, которое обещает более равную свободу и всеобщее счастье человечеству.

ГЛАВА II.

ЗАМЕЧАНИЯ По ПОВОДУ ПРАВА ВЕТО. ЖЕНЩИНЫ ВЫСТАВЛЯЮТ СВОИ УКРАШЕНИЯ На ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ. ДЕБАТЫ О ТОМ, МОЖЕТ ЛИ ИСПАНСКАЯ ВЕТВЬ БУРБОУНОВ ПРАВИТЬ ВО ФРАНЦИИ. ПОВЕДЕНИЕ КОРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ УКАЗОВ ЧЕТВЕРТОГО АВГУСТА. ТЩЕСЛАВИЕ ФРАНЦУЗОВ. ДЕБАТЫ О РАСКВАРТИРОВАНИИ ТЫСЯЧИ ПОСТОЯННЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В ВЕРСАЛЕ. ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИЦА ПРЕДЛАГАЮТ СВОИ ДРАГОЦЕННОСТИ И СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО, ЧТОБЫ ВОСПОЛНИТЬ НЕДОСТАТОК ССУДЫ. КОРОЛЬ ОТПРАВЛЯЕТ НА МОНЕТНЫЙ ДВОР СВОЙ БОГАТЫЙ СЕРВИЗ С ПОСУДОЙ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕККЕРА КАЖДОМУ ГРАЖДАНИНУ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ СВОЕГО ДОХОДА. РЕЧЬ МИРАБО ПО ЭТОМУ ПОВОДУ. ЕГО ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИИ.

После того, как национальное собрание постановило, что законодательный орган должен состоять из одной палаты, которая должна обновляться каждые два года, у них, по-видимому, возникли некоторые подозрения относительно неблагоприятности декрета; но, не давая себе времени осознать, как можно использовать сенат, созданный из представителей народа, они попытались заглушить опасения некоторых умеренных людей относительно плохих последствий, которые могут возникнуть в результате решений импульсивного собрания без контроля, заверив их, что задержка, к которой приведет *вето*, является достаточным противовесом. Они представляли *вето* короля как негативный архетип национальной воли; добавляя, что долгом суверена было бы бдительно проверять справедливость или мудрость своих указов; и применением своей власти предотвращать поспешное установление любых законов, враждебных общественному благу. Людям так легко приводить аргументы, прикрывать неприглядные черты собственного безрассудства — так опасно следовать утонченной теории, какой бы осуществимой она ни казалась, когда счастье империи зависит от ее успеха; и национальное собрание действовало в этом великом деле так необдуманно, что они даже не стали дожидаться определения точного значения слова *санкция*.

Если тогда король представлял негативную волю нации, о чем, по утверждению ассамблеи, он заявлял; и если он обладал высшей мудростью и умеренностью, необходимыми для обеспечения этой воли, чего, предположим, у него не было, это было глупостью, слишком грубой, чтобы требовать каких—либо комментариев; во имя здравого смысла - почему его *вето* было приостановлено?

Истина очевидна — у собрания не хватило смелости принять решительное участие.—Они знали, что на короля и двор нельзя положиться, и все же у них не хватило великодушия совсем отказаться от них. Они справедливо опасались порочности и влияния знати; но у них не хватило проницательности смоделировать правительство таким образом, чтобы разгромить их будущие заговоры и сделать их власть ничтожной; хотя перед ними был пример Тринадцати штатов Америки, из которых они почерпнули те немногие практические знания о свободе, которыми обладали. — Но нет; возрождение Франции должно привести к возрождению всего земного шара. Политическая система французов должна служить образцом для всех свободных

государств во вселенной!—*Да здравствует свобода* — был единственный крик, и *безделица* вступала во все дебаты, в то время как вся нация, обезумев от радости, приветствовала начало золотого века.

Женщины тоже, не желая уступать римским дамам, вышли вперед во время этой дискуссии, чтобы пожертвовать своими украшениями на благо своей страны. И этот свежий пример общественного духа был также подан третьим сословием; ибо они были женами и дочерьми артизанцев, которые первыми отказались от своей женской гордости — или, скорее, заменили один вид тщеславия другим. Однако подношение было сделано с театральным изяществом, и оживленные аплодисменты собравшихся были повторены с большой галантностью.

Аналогичным образом произошло еще одно прерывание, более серьезного характера.—Ибо после того, как они единогласно постановили, что *личность короля священна и неприкосновенна*, что *трон неделим*; что *корона передается по наследству среди мужчин царствующей семьи, согласно порядку первородства, за вечным исключением женщин*, депутат предложил, чтобы, прежде чем идти дальше, они решили, "может ли ветвь, царствующая в Испании, царствовать во Франции, хотя она отказалась от короны последнего королевства по самым достоверным договорам".

Несколько наиболее респектабельных членов комиссии заявили, что это деликатное дело, вмешиваться в которое в настоящее время было бы неapolитично и столь же ненужно, сколь и неосмотрительно. Мирабо придерживался этого мнения; но когда он обнаружил, что много времени, вероятно, будет потрачено на праздные споры и вызывающую презрение горячность, он попытался покончить с этим вопросом, выдвинув новый вопрос, а именно: "что никто не может править во Франции, если не родился в королевстве".

Но ничто не могло помешать обсуждению одного и того же вопроса в течение трех дней, продленных либо опасениями одной партии, либо желанием другой поссорить собрание и задержать выработку конституции. Мирабо сделал несколько суровых, но справедливых замечаний о характере Людовика XIV, чьи амбиции вызвали этот спор, и с достоинством осудил их манеру обращаться с народом, как если бы он был собственностью вождя. Если в будущем возникнут какие-либо трудности, он утверждал, что тогда нация будет компетентна судить об этом; и у нее будет такое же право определять преемственность, как и выбирать новую систему правления.

Ассамблея, хотя в целом была столь невнимательна к предложениям разумной политики, презирая умеренность, стала теперь сверх всякой меры щепетильной. Некоторые депутаты представляли опасность оттолкнуть англичан от торговли Испании, вызвав отвращение к ее двору; а другие предвидели внутренние проблемы, которые могли вызвать сомнения в неизменном происхождении короны. Наконец, они решили добавить к декларации, уважающей монархию, что они не намеревались издавать декрет, *каким-либо образом предопределяющий последствия отречений*.

Пока они решали эти вопросы в собрании, непокорные дворяне и духовенство плели интриги, чтобы помешать королю дать свое согласие на обнародование указов от 4 августа. Королевская *санкция* была запрошена до того, как значение этого слова было изучено; и суд, воспользовавшись этой двусмысленностью, заставил короля притвориться, что он неправильно понял требование; и вообразил, что они просто спросили его мнение, а не узнали его волю.

Тогда вместо простого односложного ответа он написал памятную записку. В целом он одобрил дух этих определений, но приступил к более или менее подробному исследованию каждой статьи. Он взвесил преимущества и неудобства и указал на меры предосторожности и модификации, которые казались ему необходимыми для реализации первых и предотвращения вторых. Он особенно возражал против отмены некоторых видов ренты, которые, хотя и заменяли личную службу, теперь были фактической собственностью; он предположил некоторые трудности, которые могли возникнуть при отмене десятины; и намекнул, что немецкие князья, у которых были владения в Эльзасе, закрепленные за ними по договору, могут возмутиться таким нарушением. В ответ на последнее возражение один из членов комиссии заметил, что жители этой провинции, которые уже давно прогибались под тяжестью этих привилегий, ежедневно усиливавшихся при попустительстве министров, включили в свои инструкции статью, прямо требующую отмены этой разрушительной системы; это приводило их в отчаяние и заставляло постоянно эмигрировать. Несколько депутатов хотели, чтобы ответ короля был передан на рассмотрение комитета; однако подавляющее большинство настаивало на том, что декреты от 4 августа были не новыми законами, которые должна была ввести в действие исполнительная власть, а злоупотреблениями, которые было абсолютно необходимо устранить до принятия конституции, и требовало их немедленного опубликования. Соответственно, они постановили, что президент должен дождаться короля и попросить его немедленно распорядиться о промульгировании указов, заверив его в то же время, что национальное собрание при рассмотрении каждой статьи в отдельности уделит самое скрупулезное внимание замечаниям, сообщенным его величеством.

Это настоятельное прошение возымело желаемый эффект, и 20 сентября король подчинился их воле, санкционировав указы, которые он не одобрял.

Это был первый вопиющий случай, когда учредительное собрание действовало вопреки своим притязаниям; и король, давно привыкший лицемерить, всегда уступающий давлению возражений, независимо от того, с какой стороны они исходили, с преступной неискренностью признающий себя ничтожеством, заложил основу своей собственной незначительности, приказав обнародовать указы, которые, по его мнению, были несовместимы со справедливостью и могли втянуть французскую монархию в неприятные споры с иностранными князьями, когда мир был особенно необходим для успокоения ее внутренних потрясений.

Если главный судья имеет какое-либо значение для государства, его мудрость должна проявляться в достоинстве и твердости его действий.— Но если его считают источником справедливости и чести и он не обладает способностями и великодушием обычного человека, в каком жалком свете он должен предстать перед проницательными глазами и здравым смыслом?— И если создатели конституции создают власть, которая должна постоянно действовать вразрез с самой собой, они не только подрывают основы своей собственной структуры, но и внедряют зародыш болезни, наиболее разрушительной для истины и морали.

После удовлетворения этой принудительной просьбы Людовик, который, обнаружив, что остался без какой-либо доли власти, по-видимому, очень мало думал о своем *приостанавливающем вето*, решил сыграть роль, которая придавала бы вид искренности его нынешнему поведению, в то время как его целью было тайно способствовать усилиям контрреволюционеров; и, если возможно, осуществить свой собственный побег. —Но, в то же время, он пытался использовать это так, чтобы предотвратить полное разрушение старой

системы, не раскрывая своих тайных взглядов и намерений. Трудно определить, что было самым предосудительным - глупость собрания или двуличие короля. Если бы Людовик был лишен характера и управлялся двором, лишенным добродетели, это было бы равносильно демонстрации того, что придворные пустили бы в ход все коварные средства, чтобы восстановить старое правительство и вернуть, если возможно, им бывшее великолепие и сладострастную непринужденность. Ибо, хотя они были рассеяны, всей Франции, нет, всей Европе было печально известно, что между различными партиями поддерживалась постоянная переписка, а их проекты согласовывал один из самых интригующих разочарованных людей^[30]. Таким образом, Мирабо было очевидно, что короля следует привлечь на сторону народа и заставить считать себя его благодетелем, чтобы отделить его от заговорщиков. Но в этом отношении он, к сожалению, был перегружен. Эта смесь великодушия и робости, мудрости и упрямого безрассудства, проявленная собранием, на первый взгляд кажется заключающей в себе такое противоречие, что каждый человек, незнакомый с французским характером, был бы готов поставить под сомнение истинность тех неоспоримых фактов, которые следуют друг за другом по пятам во время развития великих событий, сформировавших революцию. Поверхностный взгляд на обстоятельства не позволит нам объяснить несоответствие, граничащее с невероятностью. Напротив, мы должны всегда помнить, что, хотя в своих политических планах они руководствовались дикой, наполовину понятной теорией, их чувствами все еще руководило старое рыцарское чувство чести, которое, привнося во все их действия некоторую долю романтического героизма, ложного великодушия не позволяло им сомневаться в правдивости человека, которому, как они полагали, они оказывали услугу; и к которому они, безусловно, относились с большим снисхождением, если не прощали ему покровительства заговорам, имевшим тенденцию подрывать их любимую систему.

Возможно, это характерная черта тщеславия - увлекаться идеями настолько, насколько они были далеки от его концепции, пока не пришли в голову по причинам настолько естественным, что заставили его поверить, что они являются счастливым и спонтанным плодом его собственного плодovitого мозга. Тогда их великолепие затмевает его рассудок, энтузиазм и самодостаточность подгоняют человека, как корабль в море без балласта и руля, при каждом дуновении ветра; и, если продолжить сравнение, если в штате случится буря, он будет поглощен водоворотами смятения, в самую гущу которых его ввергло тщеславие; как судно, которое не было готово противостоять ярости урагана, будет погребено под бушующей волной.

Часто встречаются случаи, когда замечают, что французы - самые тщеславные люди на свете, и здесь на этом следует настаивать; ибо как только они овладели определенными философскими истинами, убедив себя, что мир в долгу перед ними за это открытие, они, кажется, упустили из виду все другие соображения, кроме их принятия. Следствием этого стало много зла; и все же Франция, безусловно, в большом долгу перед национальным собранием за установление многих конституционных принципов свободы, которые должны значительно ускорить улучшение общественного сознания и в конечном итоге привести к созданию совершенного правительства, которое они тщетно пытались построить немедленно с такой фатальной поспешностью.

Рассмотрение нескольких других статей конституции постоянно прерывалось, и не столько из-за разнообразия вопросов, находившихся в ведении ассамблеи, сколько из-за отсутствия надлежащего их согласования. Много времени было потеряно на споры о выборе тем для обсуждения и порядке, в котором они должны были проводиться. Повседневные дела

постоянно должны были уступать место эпизодическим сценам; и люди, пришедшие готовыми обсудить один вопрос, будучи вынуждены перейти к другому, в какой-то мере теряли возможность размышлять и энергию, столь отличную от сиюминутного энтузиазма, с которым человек поддерживает хорошо усвоенное мнение.

Возникли два или три небольших спора по поводу расквартирования тысячи человек регулярных войск в Версале. Комендант гвардии запросил разрешения муниципалитета, указав на необходимость обеспечения безопасности города, национального собрания и личности короля. Необходимость не казалась публике столь очевидной, и, по сути, требование, казалось, было рассчитано на то, чтобы спровоцировать беспорядки, от которых они так старательно защищались. Мирабо также заметил, "что исполнительная власть, несомненно, имела право увеличить вооруженные силы в любом конкретном месте, когда этого требовала частная информация или неотложные обстоятельства; и что муниципалитет также имел право требовать войска, которые они считали необходимыми; все же он не мог не считать странным, что министры доверили муниципалитету тайну, о которой они не сообщили собранию, которое, как можно предположить, по меньшей мере так же стремилось принять все меры предосторожности для безопасности города и особы короля". На эти уместные замечания не было обращено никакого внимания; и письмо мэра Парижа, информирующее ассамблею о том, что большое количество округов столицы протестовало против ввода регулярных войск в Версаль, чтобы внушить страх национальной гвардии, было также проигнорировано; в то время как письмо президенту от имени короля, информирующее его, что он принял различные меры, необходимые для предотвращения любых беспорядков в месте, где заседало национальное собрание, было отброшено в сторону без каких-либо комментариев.

Поскольку ссуда все еще не была получена, несколько человек сделали великолепные подарки, пожертвовав своими драгоценностями и столовым прибором, чтобы облегчить нужды своей страны. И король отправил свой богатый сервиз на монетный двор, несмотря на протесты ассамблеи. Бескорыстность этого поступка, абсурдно говорить о благотворительности, может быть справедливо поставлена под сомнение; потому что, если бы он сбежал, а побег тогда рассматривался, он был бы конфискован; в то время как добровольное предложение было популярным шагом, который мог бы послужить на некоторое время прикрытию этого замысла и переключить внимание общественности с вопроса об усилении гвардии на патриотизм короля.

Эти жертвования, которые едва ли давали временный запас, скорее позабавили нацию, чем принесли облегчение; хотя они и предложили министру новый план. Поэтому Неккер, неспособный выработать какой-либо великий план на благо нации, но рассчитывающий на всеобщий энтузиазм, охвативший людей всех сословий и рангов, изложил собранию разорительное состояние финансов, предложив в то же время, как единственный способ исправить это зло, потребовать от граждан взноса в размере одной четвертой части их дохода. Собрание было поражено этим предложением, но Мирабо, полагая, что теперь народ выполнит все требования своих представителей, убедил собрание, живо представив опасное положение королевства, принять единственный план спасения, который еще был предложен, настаивая, что это единственный способ избежать позорного национального банкротства. 'Два столетия грабежей, - воскликнул он, ' образовали огромную пропасть, в которой вскоре будет поглощено королевство. Необходимо заполнить эту ужасную пропасть. Согласен!—Выбирайте богатых, чтобы жертва пала на меньшее количество граждан; но определяйтесь быстро! Есть две тысячи знатных людей, у которых достаточно имущества, чтобы навести порядок в ваших финансах, а

также мир и процветание в королевстве. Бейте; приноси без жалости в жертву эти жертвы!— низвергни их в пропасть —она вот-вот сомкнется над ними — вы отступаете с ужасом, вы, люди! малодушные и непоследовательные!— и разве вы не видите, что, объявляя банкротство или, что еще более презренно, делая его неизбежным, вы запятнаете себя деянием в тысячу раз более преступным?"

Но невозможно отдать должное этому взрыву красноречия в переводе; кроме того, самые энергичные обращения к страстям всегда теряют половину своего достоинства или, возможно, кажутся нуждающимися в поддержке разума, когда их хладнокровно разбирают.—Ничто так не порождает убежденность, как страсть — она кажется лучом с небес, который просвещает и согревает.— И все же, когда эффект проходит, что-то вроде страха быть втянутым в глупость, цепляется за разум, на который это оказало наиболее сильное влияние; и неясное чувство стыда понижает настроение, которое было слишком возбуждено.

Из всего содержания этой речи ясно, что Мирабо говорил серьезно; и что он разожег свое воображение, рассматривая этот план как акт героизма, который облагородит революцию и окажет неизгладимую честь национальному собранию. В этом импровизированном потоке красноречия, вероятно, самом простом и благородном из современных, не было ничего от риторики, которая часто присутствовала в его изученных сочинениях; ибо его периоды часто были искусно сформированы; но это было искусство гениального человека. Он предложил ассамблее обратиться по этому случаю к своим избирателям; и, соответственно, его попросили подготовить обращение для их рассмотрения.

Его обращение к нации - это, действительно, шедевр; однако, поскольку оно написано с целью убедить, а не произнесено вслух, чтобы немедленно донести суть и сокрушить оппозицию, в нем больше аргументации; и более искусные, хотя и менее убедительные апелляции к страстям. И хотя этот прием кажется самым диким, на который могла наткнуться глупость, следует сохранить аргументы, которыми он был замалчивался.

Ожидать, что человек отдаст четвертую часть того, на что он живет, в течение пятнадцати месяцев, предоставив ему самому составлять смету, - значит ожидать этого от добродетели, которая могла быть вызвана только энтузиазмом. Все древние акты героизма совершались под влиянием настоящей опасности; и на такого рода добродетели французы были в равной степени способны; и все же, хотя план давал им возможность продемонстрировать свой патриотизм блестяще, он никоим образом не отвечал; потому что, будучи результатом скорее вспыльчивости, чем принципиальности, эгоизм успел найти благовидный предлог, чтобы ускользнуть от него; а тщеславие редко желает скрывать свои добрые дела в обычной жизни.

Поскольку перенос национального собрания в Париж образует эпоху в истории революции, представляется уместным завершить эту главу обращением Мирабо.

Депутаты национального собрания приостанавливают на время свою работу, чтобы изложить своим избирателям нужды государства и призвать их патриотизм поддержать меры, которых требует страна, находящаяся в опасности.

‘ Притворяться было бы предательством. Открыты два пути — нация может шагнуть вперед к самому славному возвышению или с головой погрузиться в пучину несчастий.

‘Среди нас произошла великая революция, сам план которой несколько месяцев назад показался бы химерическим. Ускоренный непредвиденными обстоятельствами, этот импульс внезапно разрушил наши древние институты. Не дав нам времени поддержать то, что должно быть сохранено, или заменить то, что должно быть разрушено, она сразу же окружила нас руинами.

‘Наши усилия по поддержке правительства бесплодны, смертельное оцепенение сводит на нет все его силы. Государственных доходов больше нет, а кредит не может набирать силу в тот момент, когда наши страхи равны нашим надеждам. Эта пружина социальной власти разжалась, ослабила всю машину; люди и вещи, решимость, мужество и даже сама добродетель потеряли свое напряжение. Если ваше согласие быстро не вернет жизнь и движение в политическую систему, самые грандиозные революции, погибающие вместе с надеждами, которые они породили, снова смешаются с хаосом, из которого они были вызваны благородными усилиями; и они, которые все еще сохраняют непобедимую любовь к свободе, откажут недостойным гражданам в позорном утешении в виде возобновления их оков.

‘С тех пор как ваши депутаты похоронили все свое соперничество, все свои противоречивые интересы в справедливом и необходимом союзе, национальное собрание прилагает усилия к установлению равных законов для общей безопасности. Оно исправило великие ошибки и разорвало цепи бесчисленного рабства, унижавшего человеческую природу: оно зажгло пламя радости и надежды в сердцах людей, кредиторов земли и природы, чье достоинство было так долго запятнано, чьи сердца были так долго обескуражены: оно восстановило давно забытое равенство французов, установило их общее право служить государству, пользоваться его защитой, заслуживать его наград: короче говоря, в соответствии с вашими указаниями оно постепенно возводится на незыблемой основе. о неотъемлемых правах человека, конституции, мягкой, как природа, прочной, как правосудие, несовершенства которой, являющиеся следствием неопытности ее авторов, будут легко исправлены. Нам приходилось бороться с закоренелыми вековыми предрассудками, в то же время изводимым тысячью неопределенностей, которые сопровождают великие перемены. Перед нашими преемниками будет проторенная тропа опыта; у нас был только теоретический компас, который вел нас по непроходимой пустыне. Они могут мирно трудиться, хотя нам приходилось противостоять штормам. Они будут знать свои права и пределы своей власти: нам пришлось восстановить одно и исправить другое. Они укрепят нашу работу — они превзойдут нас — Какая награда! Кто осмелится, подло, установить пределы величии Франции? Кого не воодушевляет надежда? Кто не радуется тому, что является гражданином этой империи?

Однако финансовый кризис таков, что государству угрожает распад еще до того, как этот великий порядок вещей сможет найти свое воплощение. Прекращение поступлений привело к исчезновению наличных денег. Тысячи обстоятельств ускоряют его экспорт. Источники кредита исчерпаны; и колеса правительства почти остановились. Если патриотизм тогда не выступит на помощь правительству, наши армии, наш флот, наши средства к существованию, наше искусство, наша торговля, наше сельское хозяйство, наш национальный долг, сама наша страна будут стремительно приближаться к той катастрофе, когда она будет получать законы только от беспорядка и анархии - Свобода мелькнула бы перед нашими глазами только для того, чтобы исчезнуть навсегда, только для того, чтобы оставить после себя горькое сознание того, что мы не заслужили обладания ею. И, к нашему стыду, в глазах вселенной это зло можно было бы приписать исключительно нам самим. При такой плодородной почве, такой продуктивной

промышленности, такой процветающей торговле и таких средствах к процветанию — что это за затруднение в наших финансах? Наши нужды не равны расходам на летнюю кампанию — и наша свобода, разве она не стоит большего, чем эта бессмысленная борьба, когда даже победа оказалась разорительной?

‘Преодоленные нынешние трудности не только не обременяют людей, но и легко улучшат их положение. Сокращения, которые не должны уничтожать роскошь; реформы, которые никого не доведут до нищеты; смягчение деспотических налогов, равная оценка самозванцев вместе с равновесием, которое должно быть восстановлено между нашими доходами и нашими расходами; порядок, который должен стать постоянным благодаря нашему бдительному надзору.— Это разрозненные объекты вашей утешительной перспективы.— Это не бездоказательные монеты, созданные фантазией; но реальные, осязаемые формы — надежды, поддающиеся доказательству, вещи, подчиненные расчету.

‘ Но наши действительные потребности - паралич наших общественных сил, сто шестьдесят дополнительных миллионов, необходимых на этот год и на следующий, — что мы можем сделать? Премьер-министр предложил в качестве главного рычага усилий, призванных решить судьбу королевства, внести вклад, пропорциональный доходу каждого гражданина.

‘Учитывая необходимость немедленного удовлетворения потребностей общественности и невозможность столь быстрого изучения представленного нам плана; опасаясь углубляться в лабиринт расчетов и не видя в предложении министра ничего противоречащего нашему долгу, мы подчинились велениям нашей совести, предполагая, что они будут вашими. Привязанность нации к автору плана казалась нам залогом его успеха; и мы полагались на его многолетний опыт, а не на наши умозрительные суждения.

‘Оценка его доходов остается на совести каждого гражданина: таким образом, эффект от этой меры зависит от вашего собственного патриотизма. Когда нация прорывается из ничтожества рабства к созиданию свободы, когда политика вот—вот согласится с природой в раскрытии непостижимого величия ее будущей судьбы, будут ли низменные страсти противостоять ее величию? интерес задержит ее бегство? а спасение государства весит меньше, чем личный вклад?

‘ Нет, такого безумия нет в природе; страсти даже не прислушиваются к таким вероломным расчетам. Если революция, подарившая нам страну, не может вывести некоторых французов из оцепенения безразличия, то, по крайней мере, спокойствие королевства, единственный залог их личной безопасности, повлияет на них. Нет, не в вихре всеобщего разрушения, не при падении опекунской власти, когда толпа неимущих граждан, изгнанных из мастерских, будет взывать к бессильной жалости; когда распущенная солдатня превратится в голодные банды вооруженных грабителей, когда собственность будет безнаказанно попирается, а само существование отдельных людей окажется под угрозой - ужас и горе ждут у дверей каждой семьи, — не среди такой сложной нищеты эти жестокие и эгоистичные люди будут спокойно наслаждаться сокровищами, которые они собрали. они отреклись от своей страны. Единственным отличием, которое ждет их среди всеобщего крушения, будет всеобщее порицание, которого они заслуживают, или бесполезное раскаяние, которое разъест самые сокровенные уголки их сердец.

‘Ах! сколько у нас недавних доказательств общественного духа, который делает любой успех таким легким! С какой быстротой было сформировано национальное ополчение, эти легионы граждан, вооруженных для защиты страны, сохранения спокойствия и поддержания законов! Великодушное соревнование охватило все стороны. Деревни, города, провинции рассматривали свои привилегии как отвратительные отличия и домогались чести лишить себя особых преимуществ, чтобы обогатить свою страну. Вы знаете это: не было времени оформить взаимные уступки, продиктованные чисто патриотическим чувством, в декреты; так нетерпеливы были все классы граждан, стремившихся вернуть великой семье все, что наделяло одних ее членов в ущерб другим.

‘Прежде всего, после затруднительного положения с нашими финансами возросли патриотические взносы. От трона, величие которого благодетельный принц возвышает своими добродетелями, исходил самый поразительный пример.—О ты, столь справедливо горячо любимый своим народом —король—гражданин - достойный человек! тебе выпало бросить взгляд на окружавшее тебя великолепие и превратить его в национальные богатства. Предметы роскоши, которыми ты пожертвовал, придали новый блеск твоему достоинству; и хотя любовь французов к твоей священной особе заставляет их роптать на лишения, их чувствительность приветствует твою великодушие; и их великодушие оплатит тебе тем, чего оно жаждет, подражанием твоим добродетелям, продолжением твоего пути на поприще общественной полезности.

‘Сколько богатств, свернутых показухой в бесполезные кучи, растают в текущие потоки процветания! Насколько разумная экономия отдельных людей могла бы способствовать восстановлению королевства! Сколько сокровищ, которые благочестие наших предков накопило на алтарях наших храмов, покинут свои темные кельи, не изменив своего священного назначения! “Это я выделяю во времена процветания,” говорит религия. “Подобает мне раздавать это в день невзгод. Это было не ради меня — заимствованный блеск ничего не добавляет к моему величию — это было ради вас и государства, когда я воздал эту почетную дань уважения добродетелям ваших предков”.

‘Кто может избежать воздействия таких примеров? Какой подходящий момент продемонстрировать наши возможности, призвать на помощь каждый уголок империи! — О, предотврати позор, которым нарушение наших обязательств, наших самых священных обязательств, запятнало бы рождение свободы! Предотвратить эти ужасные потрясения, которые, опрокинув самые прочные институты и расшатав самые устоявшиеся состояния, оставили бы Францию покрытой печальными руинами постыдного урагана. Как ошибаются те, кто на определенном расстоянии от столицы созерцает не те звенья, которые связывают общественную веру с национальным процветанием, а с общественным договором! Те, кто произносит печально известный термин "банкротство", разве они не являются скорее стадом свирепых зверей, чем обществом справедливых и свободных людей? Где тот француз, который осмелится посмотреть в лицо своим согражданам, когда его совесть будет упрекать его в том, что он способствовал отравлению существования миллионов его собратьев? Неужели мы та нация, о чести которой свидетельствуют ее враги, которые собираются запятнать гордое звание **БАНКРОТСТВОМ**? — Дадим ли мы им повод сказать, что мы вернули себе свободу и силы только для того, чтобы без содрогания совершать преступления, от которых бледнела даже щека деспотизма?

‘ Будет ли это каким-либо оправданием для протеста против того, что это отвратительное злодеяние не было преднамеренным? Ах! нет: крики жертв, которых мы рассеем по Европе, заглушат наш голос. Тогда действуйте!— Принимайте меры быстро, решительно, наверняка. Развейте тучу, нависшую над нашими головами, мрак которой вселяет ужас в сердца кредиторов Франции.— Если она разразится, опустошение наших национальных ресурсов будет более масштабным, чем ужасная чума, которая недавно опустошила наши провинции.

‘Как возродится наше мужество при выполнении функций, которые вы нам доверили? С какой энергией мы будем трудиться над формированием конституции, когда нам не помешают! Мы поклялись спасти нашу страну — судите о наших страданиях, пока она находится на грани разрушения. Достаточно сиюминутной жертвы; жертвы, приносимой ради общественного блага, а не ради посягательств алчности. И неужели такое легкое искупление ошибок периода, заклеянного политическим рабством, выше наших сил? Подумайте о цене, которую заплатили за свободу другие народы, показавшие себя достойными ее: — за это пролились реки крови — долгие годы горя и ужасных гражданских войн повсюду предшествовали славному рождению!—От нас ничего не требуется, кроме денежной жертвы — и даже это вульгарное подношение не является обедняющим даром: оно вернется в наше лоно, обогатит наши города, наши поля, приумножит нашу национальную славу и процветание”.

ГЛАВА III.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОМ СПОСОБЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЗАПАСОВ. СПРАВЕДЛИВОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПОКА НЕ УСТАНОВЛЕНО. БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ. НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТЕПЕННЫХ РЕФОРМ.

Задача, безусловно, была очень трудной для министра в этот кризис - удовлетворить потребности народа и в то же время удовлетворить потребности государства; ибо было маловероятно, что общественность, которая протестовала против непрекращающихся требований старого правительства, была бы довольна новым бременем или терпеливо переносила бы его. Тем не менее, для финансиста всегда является верхом безумия пытаться удовлетворить потребности правительства любыми, кроме конкретных средств, поскольку такие неопределенные меры когда-либо приведут к *дефициту*, последствия которого наиболее пагубны для государственного кредита и личного комфорта.

Человек, у которого есть точная сумма для жизни, обычно учитывает в своей оценке расходов определенную часть своего дохода как причитающуюся правительству за защиту и социальные преимущества, которые оно ему обеспечивает. Поскольку эта доля его дохода обычно остается одинаковой от периода к периоду, он откладывает ее на эту конкретную цель, а оставшейся частью удовлетворенно пользуется. Но если слабый министр или капризное правительство обратятся к нему за дополнительной суммой, потому что налоги оказались непродуктивными либо из-за неспособности некоторых членов государства, либо из-за того, что они были возложены на предметы потребления, а потребление не соответствовало расчетам; это не только нарушит его схемы ведения домашнего хозяйства, но может стать причиной самых серьезных неудобств.

Человек, имеющий ограниченный доход и большую семью, не только обязан быть очень трудолюбивым, чтобы содержать их, но и обязан делать все свои приготовления с величайшей осмотрительностью и точностью; потому что незначительная потеря, вовлекающая его в долги, может привести к его разорению, включая разорение его семьи. Богатый человек, действительно, редко думает об этих самых жестоких несчастьях, ибо несколько фунтов, больше или меньше, не имеют для него реального значения. И все же бедняк, нет, даже человек со средним достатком, склонен к тому, что обстоятельства такого рода нарушат весь его жизненный уклад, и все его будущие дни будут омрачены постоянной борьбой с денежными затруднениями.

Правительства, которые должны защищать, а не угнетать человечество, не могут быть слишком регулярными в своих требованиях, ибо способ взимания налогов имеет первостепенное значение для политической экономии и счастья людей. Ни одно правительство еще не установило справедливую систему налогообложения^[31]: ибо в каждой стране государственные расходы неравномерно ложатся на плечи граждан; и, возможно, невозможно сделать их совершенно равными, кроме как возложив все налоги на землю, мать всякого производства.

При таком положении дел энтузиазм французов в борьбе за свободу мог бы быть обращен в пользу новой и постоянной финансовой системы. Способный, смелый министр, пользующийся доверием нации, мог бы с успехом рекомендовать передачу национальной собственности под непосредственное управление ассамблеи; а затем, попытавшись получить заем под эту собственность, он придал бы респектабельность новому правительству, немедленно закупив материалы, совершенно необходимые не только для ее сохранения, но и для приведения ее в движение.

Во времена гражданских волнений или во время общего потрясения люди, у которых есть деньги, а они обычно наиболее робки и осмотрительны, очень склонны беречь их, даже в ущерб своим процентам; и, следовательно, можно было предположить, что богатые люди Франции не были бы очень готовы подписаться на различные займы, предлагаемые министром, если бы обеспечение не было очевидным или спекулятивные выгоды не были непомерными. Но если бы Неккер, которого благоразумный ростовщик почитал как своего бога-покровителя, сказал нации: "Есть собственность стоимостью 4 700 000 000 *фунтов стерлингов* независимо от собственности эмигрантов, возьмите ее в свое непосредственное владение; и, пока идет распродажа, предоставьте ее в качестве гарантии получения кредита, который вы хотите. Эта справедливая и достойная мера не только облегчит ваши нынешние нужды, но и позволит вам выполнить большую часть ваших прежних обязательств." Тогда не было бы нужды в красноречии Мирабо; разум сделал бы свое дело; и люди, руководствуясь собственными интересами, способствовали бы общественному благу, не кружа себе голову романтическими полетами героизма.

Сиюминутные и непрекращающиеся потребности государства всегда должны удовлетворяться; следовательно, благоразумие требует, чтобы управляющие финансами скорее обеспечивали свои потребности, предвосхищая их, чем страдали от *дефицита*. Поскольку правительство однажды задолжало, дополнительные налоги становятся необходимыми для восстановления баланса, или нация должна прибегнуть к бумажным банкнотам; средство, которого, как показал опыт, всегда следует опасаться, потому что увеличивая долг, она только усугубляет зло. И этот растущий долг, подобно снежному шару, который собирается по мере того, как он катится,

вскоре достигает поразительных размеров. Каждое государство, которое неизбежно накопило свой долг, должно, при условии, что те, кто стоит у руля, желают сохранить правительство и повысить безопасность и комфорт своих граждан, принять все справедливые меры для обеспечения сохранности процентов и финансирования основной суммы; ибо, увеличиваясь, подобно окаменевшей массе, оно стоит на пути всех улучшений, распространяя повсюду леденящие душу страдания бедности — до тех пор, пока зло не сведет на нет все средства, мощный крах не приведет к новому порядку вещей, сокрушающему на руинах старого тысячи невинных жертв.

Драгоценные металлы считались лучшим из всех возможных знаков стоимости, призванным облегчить обмен товарами, удовлетворить наши взаимные потребности: и они всегда будут необходимы для нашего комфорта, пока, по общему согласию человечества, они являются стандартами обмена. Золото и серебро имеют определенную ценность, потому что их нелегко накопить сверх определенного количества. Бумага, напротив, является опасным средством, за исключением случаев, когда правительство находится в хорошем состоянии; и даже в этом случае бизнес следует вести с большой умеренностью и рассудительностью. — Возможно, было бы разумно, чтобы его масштабы соответствовали коммерции страны и количеству видов, фактически обитающих в ней, — Но в духе коммерции слишком растягивать кредиты. Банкноты, также выпущенные государством до того, как его правительство утвердится, несомненно, будут обесцениваться; и по мере того, как они будут становиться ненадежными, золото и серебро, которые раньше были в обращении, исчезнут, и каждый предмет торговли и все удобства жизни будут дорожать.

Таковы соображения, которые должны были прийти в голову французскому министру и побудить его принять решительные меры. Согласно отчету за 1792 год, проценты по государственному долгу составляли 255 395 141 л. — Неккер в своем отчете от 1 мая 1789 года указывает доход в размере 475 294 000 л., а расходы в размере 531 533 000 л.: следовательно, дефицит составлял 56 239 000 л.; и было маловероятно, этого даже нельзя было ожидать, что во время конвульсий революции налоги упали. будут регулярно выплачиваться: тогда и долг, и требования государства должны возрасти.

Кредит каждого правительства в значительной степени зависит от регулирования его финансов; и наиболее верным способом придать стабильность новой системе было бы принятие таких мер, которые гарантировали бы оперативность платежей. Ни один министр никогда не имел такой силы, чтобы принять меры, славные для Франции, полезные для Европы, счастливые для людей того времени и полезные для потомков. Ни одна эпоха, с тех пор как была изобретена раздутая бумажная система (надувшиеся пузыри государственного кредита, которые могут быть уничтожены уколom булавки), никогда не казалась столь благоприятной, как этот момент во Франции, чтобы полностью ее перевернуть: и, игнорируя эти обстоятельства, нация, вероятно, утратила большую часть преимуществ, которые ее финансы могли бы получить благодаря революции.

Такие ошибки, хотя и влекут за собой тысячи трудностей, доказывают необходимость постепенных реформ, чтобы свет, внезапно озаряющий невежественных людей, не подавил разум, который он должен направлять. Линия, по которой Неккер привык двигаться, сдерживая ту малую энергию, на которую был способен его разум, не позволяла ему увидеть слабые линии, нанесенные на обширную шкалу, которая давала данные для расчетов; и нация, доверив ему

направление бизнеса, для которого у него не было достаточных талантов, кажется, созерцала в воображении перспективу, которая еще не была реализована; и пока ожидания витали на ее границе, ослепительный пейзаж был скрыт облаками, самыми угрожающими и ужасающими.

Это зло, которое с начала времен сопровождало стремительные и великие перемены.

Улучшения в философии и морали были крайне запоздалыми. Все внезапные революции были так же внезапно отменены, и все вернулось к своему прежнему состоянию.

Усовершенствования в политической науке продвигались еще медленнее, чем в философии и морали; но революция во Франции была прогрессивной. Это была революция в умах людей, и всего лишь потребовалось, чтобы новая система правления была адаптирована к этим изменениям. Это не было широко воспринято; и политики того времени яростно метались от одной крайности к другой, не помня, что даже Моисей, сорок лет проживший в пустыне, мог лишь привести евреев к границам земли обетованной после того, как первое поколение погибло в своих предрассудках - самых закоренелых грехах людей.

Это не обескураживающее соображение. Наши предки трудились для нас; а мы, в свою очередь, должны трудиться для потомков. Именно отслеживая ошибки и извлекая выгоду из открытий одного поколения, следующее способно занять более возвышенную позицию.

Первому изобретателю какого-либо инструмента едва ли когда-либо удавалось довести его до приемлемой степени совершенства; и открытия каждого гениального человека, за исключением оптики Ньютона, были улучшены, если не расширены, их последователями.— Можно ли тогда ожидать, что наука о политике и финансах, самое важное и самое трудное из всех человеческих усовершенствований; наука, которая изучает страсти, темпераменты и манеры людей и наций, оценивает их нужды, болезни, удобства, счастье и несчастье и вычисляет сумму добра или зла, проистекающих из социальных институтов; не потребует тех же ступеней и не будет продвигаться столь же медленными шагами к тому состоянию совершенства, которое необходимо для обеспечения священных прав каждого человеческого создания?

Тщеславие и слабость людей постоянно имели тенденцию тормозить этот ход событий: и все же он продвигается вперед; и хотя роковая самонадеянность упрямых французов и еще более разрушительные амбиции их иностранных врагов остановили его, мы можем с самодовольным спокойствием созерцать приближение славной эры, когда названия дурак и тиран станут синонимами.

АН

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

ИЗ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА V.

ГЛАВА I.

ОШИБКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ СВОБОДЫ ФРАНЦИИ. ЕГО ПОВЕДЕНИЕ СРАВНИВАЮТ С ПОВЕДЕНИЕМ АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ. НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ, КАК ТОЛЬКО СТАРОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БУДЕТ УНИЧТОЖЕНО. ОБЪЯВЛЕНИЕ КОРОЛЯ НЕПРИКОСНОВЕННЫМ - НЕПРАВИЛЬНАЯ МЕРА. ЗАЩИТА ФРАНЦИИ ОТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. БЕГСТВО КОРОЛЯ ЗАТЯНУЛОСЬ.

Поведение ассамблеи, приведшее к потере такого количества времени — самого драгоценного времени для обеспечения счастья своей страны и предоставления нынешнему поколению возможности участвовать в благословениях, которые они готовили для потомков, вместо того, чтобы сталкиваться со всеми страданиями анархии, никогда не может быть достаточно оплакано. Франция уже обрела свободу; нация уже установила определенные и наиболее важные политические истины; следовательно, следующим соображением должно было стать то, как их сохранить, а свободу империи укрепить на основе, которую время сделало бы только более прочной.

Умеренные люди, или настоящие патриоты, удовлетворились бы тем, что было достигнуто, на данный момент, позволив остальным постепенно последовать их примеру. Это был самый политический и разумный способ обеспечить приобретение. В этой ситуации Франции пришлось бороться с предрассудками, по крайней мере, половины Европы, и противодействовать влиянию коварных интриганов, которые противодействовали ее возрождению; для содействия этому собранию следовало бы сделать одной из своих главных целей удовлетворение короля переменами; и тогда махинации всех подрывников революции не расшатали бы ни одного фундаментального камня, который поставил бы под угрозу растущее здание.

Такова разница между людьми, действующими на основе практического знания, и людьми, которые руководствуются исключительно теорией или вообще никакими принципами. Большинство Соединенных Штатов Америки сформировали свои отдельные конституции в течение месяца, и ни одной из них не потребовалось больше трех лет после провозглашения их независимости конгрессом. Конечно, между этими штатами, тогда колониями Великобритании, и Францией после 14 июля существовало огромное различие; но обе страны были без правительства. Америка столкнулась с врагом в сердце своей империи, а Франция угрожала нападением. Ведущие люди Америки, однако, знали, что необходимо иметь какое-то правительство, и, похоже, осознали легкость, с которой могут быть осуществлены любые последующие изменения. Члены национального собрания, напротив, оказались окруженными руинами; и, стремясь к состоянию совершенства, для которого умы народа были недостаточно зрелыми; делая вид, что ими руководит великодушное бескорыстие, они не только посеяли зародыш самого опасного и распущенного духа, но и продолжали раздражать отчаявшихся придворных, которые, решив противопоставить хитрость силе и не преуспев в этом, возлагали все свои будущие надежды на побег короля.

Свобода прессы, которая в тот период была практически установлена, была успешным двигателем, использованным против ассамблеи. А для нации, прославившейся эпиграмматической фантазией и чей вкус был настолько утончен искусством, что они утратили природную изюминку, простота некоторых членов общества, их неуклюжие фигуры и деревенская походка по сравнению с придворным обликом и непринужденной уверенностью версальских кавалеров представляли собой прекрасную тему. Некоторые из этих сатир были написаны с изрядным остроумием и таким удачным карикатурным поворотом, что невозможно не рассмеяться вместе с автором, хотя и косвенно высмеивающим принципы, которые вы считаете священными. Самые почтенные декреты, самые важные и серьезные обсуждения превращались в шутку, что разделяло людей без дверей на две отдельные партии: одна говорила об ассамблее с полновластным презрением, как о сборище выскочек и болтливых плутов, а другая устанавливала новые троны для своих фаворитов и смотрела на них со слепым восхищением, как на синод полубогов. Содержание этого злоупотребления свободой было непродуманным. Различные партии были уже достаточно разгорячены; и все же, возможно, было бы невозможно обуздать дух времени, настолько сильно опьянение новым безумием, хотя собранию было бы легко принять декрет о клевете. Но их страсть к свободе была настолько яркой, что они были неспособны отличить распущенное использование этого важного изобретения от его реальной полезности. Относясь тогда с несвоевременным пренебрежением ко многим оскорбительным публикациям, которые продавались в тех самых стенах, где они сидели, они не осознавали того эффекта, который они производили на умы псевдогероев, которые, не имея никаких принципов, кроме чести, были готовы рисковать своими жизнями, чтобы утешить несчастную красавицу, независимо от того, что ее вызвало; или облегчить страдания короля, хотя бы из-за его распущенности.

После крушения правительства план новой конституции должен быть составлен немедленно, то есть, как только позволят обстоятельства, и представлен гражданам для их принятия; или, скорее, народ должен назначить людей для этой цели и предоставить им ограниченное время для ее составления. Конституция - это стандарт, вокруг которого должен сплотиться народ. Это опора правительства, скрепляющая все социальное единство и порядок. Исследование его принципов делает его источником света, из которого исходят лучи разума, которые постепенно продвигают умственные способности всего сообщества. И всякий раз, когда обнаруживается, что колеса правительства, как и колеса любой другой машины, забиты или не работают должным образом, они в равной степени требуют изменения и усовершенствования: и эти улучшения будут пропорционально совершенны по мере того, как люди станут просвещенными.

Авторитет национального собрания был признан почти за три месяца до этой эпохи, но они не предприняли никаких решительных шагов для достижения этих важных целей. Действительно, похоже, что это не было их первой целью. Похоже, они не знали или, по крайней мере, не опасались, что по мере того, как люди остаются без установленного правительства, анархисты приобретают власть над их умами; и тогда становится нелегкой задачей сформировать конституцию, адаптированную к их своенравному нраву.

Когда установлены несколько фундаментальных принципов и государство решило, что они должны лечь в основу его государственного устройства, кажется, что привести в движение новые рычаги управления не составит труда. Верно, что многие из предрассудков французов все еще были укоренившимися и в какой-то мере влияли на них; и также несомненно, что их полное невежество в отношении функционирования любой рациональной системы правления

было препятствием для этого предложения; но, тем не менее, следует предположить, что, поскольку свобода французов была ранее обеспечена принятием декларации прав, если бы ассамблея разработала своего рода конституцию и предложила ее нации и королю, если бы он считался ее составной частью, для их принятия, спор между ними был бы разрешен. народ и суд были бы привлечены к скорейшему рассмотрению дела; и общественное внимание, направленное на определенный момент, придало бы достоинство и респектабельность их разбирательству. Если бы такие меры были приняты, а это кажется немного странным, что их не приняли, то, скорее всего, король и двор, понимая, что их будущие последствия полностью зависят от их согласия с состоянием разума и настроениями времени, отказались бы от всех этих абсурдных и опасных проектов по ниспровержению растущей политической структуры нации, которую поощряла анархия.

Именно колонны здания указывают на его долговечность, а не второстепенные балки, которые вставляются через них, чтобы поддержать конструкцию. Естественные, гражданские и политические права человека являются главными столпами всякого общественного счастья; и благодаря их твердому утверждению свобода людей будет обеспечена навечно. Следовательно, в тот момент, когда государство получает эти важные и священные привилегии, становится ясно, что оно должно сформировать какое-то правительство, основанное на этой прочной и широкой основе, поскольку это единственный возможный способ обеспечить им постоянство. Но учредительное собрание, не обращая внимания на ужасные последствия, начинающие проистекать из безграничной распущенности, продолжало проявлять романтическую возвышенность характера, опасную для всех подлунных законов; проявляя самое пристальное внимание к вещам, которые должны были быть подчинены их первой цели, они были вовлечены в проволочки, которые в результате оказались в высшей степени фатальными.

Указ, делавший короля неприкосновенным, принятый 15 сентября, в то время, когда корона была объявлена наследственной, а империя неделимой, был самой бесполезной, если не самой опасной мерой, как для него, так и для Франции, которую только можно было придумать. Прежняя жизнь Людовика проявила ряд безумств и проявила неискренность, которую нельзя было терпеть, а тем более поощрять; и было вероятно, что, если бы эта доктрина, пережиток унижения невежества, о том, что короли не могут поступать неправильно, была включена в закон, составляющий часть конституции, он воспользовался бы декретом собрания, чтобы скрыть свое презрение к национальному суверенитету. Когда правительство страны рассматривает королей просто как символы, очень справедливо и уместно, чтобы их министры несли ответственность за свое политическое поведение: но в тот момент, когда государство собирается установить конституцию на основе разума, подрывать этот фундамент мастерским абсурдным произведением представляется солецизмом столь же вопиющим, сколь смехотворна сама доктрина, когда ее применяют к просвещенной политике. Фактически, в то время как Мирабо отстаивал непогрешимость короля, он, по-видимому, не имел разумного права высмеивать тех, кто уважал церковь: ибо, если правительство обязательно должно поддерживаться благочестивым мошенником, один был столь же респектабелен, как и другой.

Фанатизм Людовика был хорошо известен; более того, было печально известно, что он использовал своего духовника, чтобы стереть из своей нежной совести воспоминания о пороках, которым он решил потворствовать, и примирить самое низкое притворство с рабским страхом перед Существом, первым атрибутом которого является истина. Этот человек, чье

скотство тщательно баловалось королевой и графом д'Артуа, потому что в моменты разгула, доходящего до самого отвратительного обжорства и опьянения, он одобрял все их требования, был сделан в его лице и поведении священным и безупречным. Это была крайняя глупость слабости. Но, если также принять во внимание, что в тот самый период, когда он был объявлен неприкосновенным, его подозревали, что он по согласованию с судом фактически обдумывал свое бегство, в этом, по-видимому, есть малодушие, столь же презренное, сколь нелепым было притворное достоинство собрания.

Истинная твердость заключается в том, чтобы делать все, что является справедливым и разумным, не зависящим от каких-либо других соображений. Определение власти короны в ассамблее как подчиненной власти народа, должно быть, показалось королям Европы опасным посягательством на их неоспоримые права: ересью, стремящейся подорвать их привилегии, если такая дерзость останется безнаказанной, и разрушить великолепие королевской власти, предполагая контролировать ее всемогущество. Тогда едва ли можно было ожидать, что их негодование будет смягчено защитой личности Людовика от опасности интриг и насилия. На самом деле, не сохранение жизни этого несчастного человека интересовало их настолько остро, чтобы привести в ужас европейских подхалимов. — Нет; именно атака на деспотизм и попытка отодвинуть великолепный занавес, скрывающий его безумие, вызвали у них всеобщее брожение и возбуждение. Это волнение не могло не внушить версальскому двору надежды, и они стояли, готовые воспользоваться надвигающейся бурей, с таким же нетерпением, с каким терпящий бедствие моряк, долгое время находившийся в штиле, замечает наконец легкое волнение моря и, ощущая волнообразное движение своего судна, предвидит приближающийся бриз и распускает паруса, чтобы поймать первое дуновение ветра. Следовало опасаться последствий притворной или реальной жалости многих поклонников старой системы, которые были глубоко уязвлены несправедливостью, причиненной, как они настаивали, своему королю; ибо нельзя было предполагать, что рыцарский дух Франции будет уничтожен в одно мгновение, хотя *мечи перестали выскакивать из ножен*, когда красоту не обожествляли. Тогда, несомненно, следовало опасаться, что они будут рисковать своими жизнями и состоянием, чтобы поддержать славу своего повелителя и свои собственные представления о чести: и ассамблея, не возлагая ответственности на Людовика ни за какие его действия, какими бы неискренними, несправедливыми или зверскими они ни были, предоставляла убежище всем его пособникам, поощряя в то же время его лицемерие и ослабляя ту небольшую энергию характера, которую, казалось, использовало его несчастье.

Ошибочная снисходительность в политике не более опасна, чем ложное великодушие - осязаемая мелочность в глазах простого честного человека. Кроме того, если бы представители народа рассматривали Людовика просто как мужчину, вполне вероятно, что он вел бы себя скорее как мужчина. Вместо того, чтобы смягчать ситуацию, они должны были, напротив, заявить всей Европе тоном достойной твердости, что французская нация, желая для себя, независимо от прав и привилегий других, хотя и уважая их предрассудки, прийти к выводу, что между судом и народом не может быть никакого компромисса, интересы которого никогда не должны различаться ни в правосудии, ни в политике, не считают себя ответственными ни перед какой властью или конгрессом на земле за любые меры, которые они могут принять при разработке конституции для регулирования их собственного внутреннего устройства. Что, обращаясь со своим монархом как с человеком, а не просто как с идолом для государственного шика, они хотели бы, установив достоинство правды и справедливости, придать стабильность свободе французов и поставить памятник в своих учреждениях, чтобы увековечить искреннего и

покладистого короля. Но что, хотя их идеи могут сильно отличаться от идей их соседей, с которыми они хотели жить в самых дружеских отношениях, они пойдут по пути вечного разума в укреплении прав человека; и своим поразительным примером заложат основу свободы всего земного шара, той свободы, которая до сих пор была ограничена маленьким островом Англией и которой даже там пользовались несовершенно.

Австрийский дом в это время был вовлечен в войну с турками, которая вынудила его вывести большую часть своих войск из Фландрии; и известие о том, что фламандцы, крайне недовольные нововведениями, которые тщеславный флюгер Иосиф Второй ввел в их культ, были накануне восстания, направленного скорее против безумия этого человека, чем против деспотизма его двора, успокоило опасения французов относительно опасности немедленного нападения Германии. Эта безопасность, поскольку они не боялись Сардинии, заставляла их рассматривать возможность контрреволюции, совершенной иностранными врагами, как далеко не тревожную. Это правда, не было никаких законных оснований для опасений, если не принимать во внимание, что политика Европы на протяжении веков подвергалась внезапным изменениям; состояние глубокого спокойствия уступало место кровавым сценам смятения и бесчеловечной бойне — часто из-за таких пустяковых оскорблений и пустых претензий, что отдельные люди постеснялись бы использовать предлог для ссоры; и, имея основания ожидать этих изменений до тех пор, пока система судов сохраняет свое существование, Франция не могла рассчитывать с какой-либо степенью уверенности на продолжение мира.— Национальное собрание, по-видимому, также не рассчитывало на это; ибо они, несомненно, проявили признаки малодушия, когда допустили, что на их поведение в малейшей степени повлияло опасение объединения коронованных особ Европы, которые заменят королевскую диадему Франции, если к самой блестящей из ее драгоценностей прикоснутся руки нечестивца.

Эти опасения, возможно, были тайной причиной, в сочетании со старой привычкой обожать короля как дело чести и любить двор как дело вкуса, побудившей их сохранить тень монархии при новом порядке вещей. Его сохранение, возможно, было политически необходимо; потому что, прежде чем упразднить какую-либо древнюю форму, необходимо обеспечить все политическое благо, которое могло исходить от нее, и остерегаться истощения путем отсечения наростов.— Но, если бы пребывание короля при новой системе было целесообразно для предотвращения нынешнего зла, они должны были бы предоставить ему власть, необходимую для придания энергии правительству; и возложив на него ответственность за правильность его действий, этот человек предстал бы перед справедливым судом, и потомство, судя по его поведению, смогло бы составить справедливую оценку королевского правления.

Хитрость Макиавелли, однако, все еще руководила движениями всех дворов Европы; и эти политические кроты, слишком хорошо понимая робость, смешанную с буйной отвагой собрания, только ждали благоприятного момента, чтобы опрокинуть растущее здание. Их агенты имели частные инструкции способствовать побегу Людовика, как самому надежному способу внести решительный раскол в национальную политику; и они твердо верили, что все еще сохранившаяся привязанность к его христианскому величеству облегчит выполнение их плана. Суд, также полагаясь на разногласия и снисходительность собрания, прилагал самые неустанные усилия, чтобы воспитать в сознании общественности, более того, во всей Европе, жалость к униженной личности короля и отвращение к святотатству, которое было совершено по отношению к достоинству королевской семьи. Их постоянной темой было позорное положение, до которого довели самых кротких из Бурбонов люди, узурпировавшие бразды

правления и поправившие честь этого августейшего и древнего рода. Ограничивая авторитет трона, который поддерживал самую отвратительную тиранию, они потрясали деспотизм, державший в рабстве девять десятых жителей мира. Это были тревожные сигналы для определенного класса людей, для трутней и мирмидонцев, которые живут добычей и кровью трудолюбия и невинности. Вторжение знаний, которое, несомненно, сделало бы их бесполезными существами в обществе, должно было быть предотвращено изобретательными призывами, в то время как огромное количество слабых, благонамеренных людей и еще больше мошенников встали под их знамена.

Всеобщая сырость, которую революция принесла дворам Европы, вызвав среди них живое сочувствие к мрачной атмосфере Версаля, вследствие чего всеобщая скорбь была выражена всеми их приспешниками, и выражалась с неподдельным беспокойством, поскольку отсутствие обычной рутины развлечений делало ее реальной. Надежда, действительно, снова начала оживлять их, когда короля убедили организовать его побег; однако их стремление ускорить его отъезд к границам, где они намеревались водрузить королевский штандарт, чтобы воспользоваться близостью немецких соединений, было в значительной степени причиной срыва этого плохо продуманного плана.

План, сформировавшийся очень рано и систематически осуществлявшийся, вероятно, потерпел полный крах из-за упрямства придворных, которые все еще продолжали лелеять веру в то, что общественное мнение изменилось лишь на мгновение и что их глубоко укоренившаяся любовь к королевской власти вернет их к тому, что они называли своим долгом, когда поутихнет ажиотаж, возбужденный новизной. И думая, что сердечный прием, оказанный парижанами солдатам, способствовал их отчуждению и вызвал революцию, они решили вернуть утраченные позиции и ослепить их пирами, вместо того чтобы завоевывать их расположение гостеприимством. И все же, нетерпеливо перенося свое унижительное положение, придворные не могли удержаться от хвастливого разоблачения своего проекта; и радостный гул показал слабость голов, которые могли так скоро опьяниться надеждой.

Было сочтено необходимым сделать подготовительный шаг, чтобы пробудить чувство преданности в сердцах народа и способствовать расколу среди них, если не полному их согласию, после того, как кабинет министров надежно заполучит в свое распоряжение личность короля; и это разделение тогда позволило бы им рассчитать свои силы и действовать соответственно. С этой целью, несмотря на комментарии, которые были сделаны по поводу праздника в Версале, которые, как казалось раньше, оскорбляли нищету народа и имели большую тенденцию провоцировать усилия, которые свергли Бастилию и изменили весь облик вещей, они спроектировали другое развлечение, чтобы соблазнить военных, которые толпились при дворе, в то время как голод был у самых ворот Парижа. Но ранее старая французская гвардия, которая была объединена с *гвардейско-буржуазной* армией, начала проявлять некоторые симптомы недовольства тем, что ей не разрешили охранять особу короля. Считали ли они свою честь уязвленной или были воодушевлены стремлением вернуть себе эту привилегию, не решено; но ясно, что двор, либо для того, чтобы облегчить ввод свежих войск, либо из действительной неприязни к людям, принявшим такое активное участие в срыве их первого заговора, воспротивился их желанию; и даже муниципалитет, как уже было замечено, был вынужден потребовать, чтобы был вызван полк свежих войск для охраны особы короля и поддержания мира, который этот пустяковый спор перерос в восстание. в отчете пригрозили потревожить.

Королевские телохранители, срок службы которых истек первого октября, все еще оставались с теми, кто пришел им на смену; и огромная толпа статистов продолжала ежедневно пополнять этот отряд, который еще не присягнул на верность нации. Офицеры, в частности, стекались в Версаль численностью от одиннадцати до двенадцати сотен человек, постоянно маршируя вместе. Всеобщей темой было сочувствие судьбе короля и намеки на амбиции ассамблеи. Тем не менее, даже там придворная партия, казалось, одержала верх: был избран президент, приверженный лояльности; и увещевания Мирабо относительно увеличения численности войск были проигнорированы.

Между тем двор обласкал не только офицеров нового полка, но и офицеров национальной гвардии, в то время как граждане, проявившие большую проницательность, расточали свое внимание солдатам. Кабинет министров не обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что народ теперь нужно вести, а не подгонять; и популярные сторонники анархии, чтобы служить своим частным интересам, воспользовались, к сожалению, слишком хорошо этим недостатком рассудительности. Таким образом, в то время как одна сторона, заявляя о необходимости порядка, казалось, пыталась заковать их в цепи рабства, другая возносила их над законом тщеславными представлениями об их суверенитете. И это верховенство народа, совершенство науки управления, которого можно достичь только тогда, когда нация по-настоящему просвещена, состояло в том, чтобы сделать их тиранами; более того, худшими из тиранов, потому что они были орудиями зла людей, которые притворялись, что подчиняются их воле, хотя и играли роль министров, которых они ненавидели.

ГЛАВА II.

УВЕСЕЛЕНИЯ В ВЕРСАЛЕ. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОКАРДА РАСТОПТАНА. ТОЛПА ЖЕНЩИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ОТЕЛЬ-ДЕ-ВИЛЬ, А ОТТУДА В ВЕРСАЛЬ. ОТВЕТ КОРОЛЯ НА ЗАПРОС НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ О ТОМ, ЧТО ОН САНКЦИОНИРУЕТ ДЕКЛАРАЦИЮ ПРАВ И ПЕРВЫЕ СТАТЬИ КОНСТИТУЦИИ. ДЕБАТЫ По ЭТОМУ ПОВОДУ. ПРИБЫТИЕ ТОЛПЫ В ВЕРСАЛЬ. КОРОЛЬ ПРИНИМАЕТ ДЕПУТАЦИЮ ОТ ЖЕНЩИН И САНКЦИОНИРУЕТ УКАЗ О СВОБОДНОМ ОБРАЩЕНИИ ЗЕРНА. СОЗВАНО СОБРАНИЕ. ЛАФАЙЕТ ПРИБЫВАЕТ С ПАРИЖСКИМ ОПОЛЧЕНИЕМ. ДВОРЕЦ АТАКОВАН ТОЛПОЙ, КОТОРУЮ РАЗГОНЯЮТ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОВЕДЕНИИ ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО.

Первого октября, вследствие этих новых махинаций, в оперном театре замка было дано великолепное представление от имени королевских телохранителей, но на самом деле некоторыми из их главных офицеров. Показное исключение драгун, отличавшихся своей приверженностью свободе, казалось, слишком явно указывало на преследуемую цель, что еще более бросалось в глаза из-за необычной фамильярности лиц первого ранга с самыми низшими солдатами.

Когда их головы были разгорячены роскошным банкетом, шумом огромной толпы и обилием превосходных вин и *ликеров*, разговор, намеренно направленный в одно русло, стал безудержным, и рыцарская сцена довершила безумие. Королева, чтобы засвидетельствовать

свое удовлетворение оказанным ей почтением и высказанными в ее пользу пожеланиями, предстала перед этой полупьяной толпой, неся на руках дофина, на которого она смотрела со смесью печали и нежности, и, казалось, умоляла в его пользу привязанность и рвение солдат.

Эта игра, поскольку ясно, что все это было заранее спланировано, была еще более опьяняющей, чем вино. Возгласы *да здравствует король, да здравствует королева* раздавались со всех сторон, и королевское здоровье пили над обнаженными мечами, в то время как здоровье нации было с презрением отвергнуто телохранителями. Музыка, выбор которой не мог быть результатом случайности, играла хорошо известную мелодию — О Ричард! О мой король! вселенная покидает тебя^[32]! и в этот момент восхищения несколько голосов, возможно, подкупленных специально для этого случая, разразились проклятиями в адрес собрания. Один гренадер даже выскочил из гущи своих товарищей и, обвиняя себя в неверности своему принцу, несколько раз пытался вонзить ему шпагу в грудь. Его удерживаемой руке действительно не позволили нащупать предательское сердце; но крови было позволено пролиться — и это театральное проявление чувствительности, доведенное до высшей степени, вызвало почти конвульсивные эмоции во всем кругу, о которых английский читатель едва ли может составить представление. Короля, которого всегда изображают невиновным, хотя он всегда приводит доказательства того, что он более чем потворствовал попыткам восстановить свою власть, также убедили появиться на этом мероприятии. И некоторые из тех же солдат, которые отказались поддержать прежний проект кабалы, теперь были вынуждены произносить оскорбления и угрозы в адрес той самой власти, которую они тогда поддерживали. "Национальная кокарда, — воскликнул Мирабо, — эта эмблема защитников свободы была разорвана на куски и растоптана ногами; а на ее место водрузили другой флаг. - Да, даже на глазах у монарха, который позволил называть себя *Восстановителем прав своего народа*, они осмелились поднять знак фракции".

Та же сцена повторилась через два дня, хотя и с меньшим парадом; и приглашения на аналогичное угощение были разосланы на следующую неделю.

Слух о них, дошедший до Парижа, содержал множество преувеличенных обстоятельств и был расценен двором как начало новых враждебных действий. Теперь все кричали, что ошеломленная аристократия снова подняла голову; и что несколько старых офицеров, кавалеров ордена Людовика Святого, подписали обещание присоединиться к телохранителям в новой попытке. Говорили, что этот список содержал тридцать тысяч подписей; и какой бы нелепой ни была эта история, она, казалось, подтверждалась появлением белых и черных кокард, которые невнимательные люди выставляли напоказ, рискуя своей жизнью. Это, по словам парижан, первые признаки планируемой гражданской войны — двор желает только, чтобы король был в безопасности и возглавил их, прежде чем они выступят открыто. — Следовательно, его следует перевезти в Париж, заключили политики из пале-рояля. Раздражение людей таким образом, безусловно, было самой абсурдной грубостью, которая могла погубить партию, которая, очевидно, видела необходимость разделить людей, чтобы завоевать их. Фактически, это было своего рода безумием, и объяснить это можно, только вспомнив невыразимое презрение, которое суд действительно испытывал к *канальям*, что заставляло их все еще считать революцию лишь временным потрясением, не веря, что, несмотря на ежедневные события, они могут быть раздавлены массой, которую они презирали. Их самонадеянность проистекала из их невежества и была неизлечимой.

Предполагалось, что королева возглавит этот слабый заговор, направленный на то, чтобы отвести солдат от перехода на сторону народа. Она вручила знамена национальной гвардии Версаля, и когда они подошли к ней, чтобы выразить свою благодарность, она ответила с самой подкупающей приветливостью: 'Нация и армия должны относиться к королю так же хорошо, как и мы сами. Я был совершенно очарован тем, что произошло в четверг'. Это был день праздника.

Нехватка хлеба, общая беда революции, усилила смутные опасения парижан и довела людей до такого отчаяния, что было нетрудно убедить их предпринять любое предприятие; а поток негодования и энтузиазма требовалось только направить в нужное русло, чтобы осуществить все задуманное. Свобода была постоянным лозунгом; хотя мало кто знал, в чем она заключается.— Действительно, кажется необходимым, чтобы каждый вид энтузиазма был вызван невежеством, чтобы вознести его на какую-либо высоту. Одна только тайна дает полную волю воображению, люди страстно преследуют объекты, которые неясно видны или поняты, потому что каждый человек формирует их по своему вкусу и ищет чего-то, выходящего даже за рамки его собственного представления, когда он не в состоянии сформировать точную идею.

Парижане теперь постоянно размышляли о несправедливостях, которые они до сих пор перечисляли только в песне; и, сменив насмешку на брань, все требовали возмещения ущерба, стремясь к немедленному общественному счастью, которого нельзя было достичь, да и не следовало ожидать, пока изменение национального характера не поддержит новую систему правления.

Благодаря тому, что женщины Франции пользуются большей свободой, чем женщины других частей света, они приобрели больше независимости духа, чем кто-либо другой; поэтому после революции очень часто создавалась схема, по которой мужчины прятались за ними в качестве своего рода охраны, подталкивая их к какому-нибудь отчаянному поступку, а затем называя его безумием, потому что это всего лишь гнев женщин, которые, как предполагалось, должны были руководствоваться только эмоциями момента. Рано утром пятого октября множество женщин, повинаясь какому-то импульсу, собрались вместе и, поспешив в *отель-де-виль*, заставляли каждую встреченную женщину сопровождать их, даже заходя во многие дома, чтобы заставить других следовать за ними.

Поначалу сборище состояло в основном из рыночных женщин и отбросов общества, женщин, которые отбросили достоинства одного пола, не имея возможности перенять больше пороков другого. За ними последовало также несколько человек, вооруженных пиками, дубинками и топориками; но, строго говоря, это была толпа, вкладывавшая всю ненависть в название, которое оно только могло означать; и ее не следовало путать с честной толпой, взявшей Бастилию.—На самом деле, такая толпа редко собиралась вместе; и они быстро показали, что их движение не было результатом общественного настроения.

Сначала они хотели обратиться в комитет, назначенный муниципалитетом для надзора за операциями, необходимыми для обеспечения города продовольствием, и выразить протест в связи с их невниманием или безразличием к общественному бедствию. Тем временем к пресловутой лампе-утюгу, где впервые допустили развлечение смертью, был прикреплен новый шнур. Национальные гвардейцы, образовав изгородь из штыков, чтобы не допустить женщин в отель, несколько мгновений держали их в напряжении.— Когда, издав громкий и общий крик, они обрушили залп камней на солдат, которые, не желая или стыдясь стрелять в женщин, хотя и имели вид фурий, отступили в зал и оставили проход свободным. Затем они принялись искать

оружие и, взломав двери складов, вскоре раздобыли ружья, пушки и боеприпасы; и даже воспользовались неразберихой, чтобы унести деньги и банкноты, принадлежащие населению. Тем временем некоторые отправились на поиски добровольцев Бастилии и выбрали из их числа командира, который проводил отряд в Версаль; в то время как другие привязали веревки к лафетам пушек, чтобы тащить их за собой. Но они, будучи в основном артиллеристами морской пехоты, не последовали за ними с готовностью, необходимой для выполнения их пожеланий; поэтому они остановили несколько карет, вынудив мужчин выйти, а дам присоединиться к ним; закрепили пушки сзади, на которые вскочили несколько самых разъяренных, размахивая любым оружием, которое они нашли, или фитилями к пушкам. Некоторые управляли лошадьми, а другие взяли на себя заботу о порохе и пулях, построившись в шеренги, чтобы облегчить им марш. Около полудня они двинулись по дороге мимо *Елисейских полей* в количестве четырех тысяч человек в сопровождении четырехсот или пятисот человек, вооруженных всем, что только могло попасться под руку.

Тем временем со всех сторон зазвучал *набат*; французские гвардейцы, все еще подстегиваемые уязвленной гордостью, громко заявили, что короля следует доставить в Париж; и многие горожане, не находящиеся при исполнении служебных обязанностей, согласились с остальным составом национальной гвардии в том же мнении, особенно те, кто привык присутствовать на речах в Пале-Рояле. Лафайет, отказавшись сопровождать их, попытался успокоить. Но, обнаружив, что волнение усилилось и что молитвы уступают место угрозам, он предложил сообщить королю, стоящему во главе их, о пожеланиях столицы, если муниципалитет отдаст ему соответствующие распоряжения. Теперь их совет был в сборе; однако, затянув обсуждение до четырех-пяти часов пополудни, народ пришел в такое нетерпение, что было сочтено благоразумным позволить им отправиться в путь; и восклицания толпы доказали, как легко управлять ими или сбить их с пути истинного с помощью каждой новой надежды.

В Париже произошло мало событий, которые различные партии не приписывали бы махинациям лидеров другой стороны; чтобы очернить их характер, когда они одерживали верх, усердно распространялись самые дерзкие лживые домыслы; раскрытие которых побудило многих спокойных наблюдателей поверить, что все сообщения о заговорах были сфабрикованы таким же образом; не принимая во внимание, что даже всеобщность этих подозрений была доказательством интригующего характера людей, которые, зная самих себя, стали настолько недоверчивыми к другим. Недавно сообщалось, что среди толпы были розданы весьма значительные суммы, прежде чем она двинулась маршем на Версаль; и, хотя многие баснословные истории о золотых дождях с тех пор были пересказаны лежковерными, это, судя по их последующему поведению, имело под собой некоторое основание: ибо не проявилось ничего похожего на героизм, бескорыстие, которые в большинстве других восстаний парижан составляли разительный контраст с их варварством; иногда этого было достаточно, чтобы обязать нас, сетующих на иллюзии невежества, давать жестокости мягкое название энтузиазма; уважая намерение, хотя и вызывает отвращение к эффектам. Теперь, напротив, действуя как банда воров, они придали окраску сообщению о том, что первыми зачинщиками беспорядков были наемные убийцы.— И кем же они были наняты? Общественный голос со всех сторон повторяет имя презренного герцога Орлеанского, чье огромное состояние дало ему чрезмерное влияние в бальяже и который по-прежнему использовал все средства, какие только могли изобрести хитрость и богатство, чтобы отомстить королевской семье. Он был особенно разгневан против королевы, которая отнеслась к нему с презрением, которого он, несомненно,

заслуживал, и даже подтолкнула короля сослать его в одно из своих загородных поместий, когда он высказал некоторые популярные чувства, он продолжал питать самую непримиримую ненависть к ее особе, в то время как меняющиеся чувства нации к нынешней ветви его семьи возбудили в нем надежды, которые одновременно удовлетворили бы и его месть, и его честолюбие.

Невозможно просчитать вред, который может причинить мстительный хитрый плут, обладающий мощным двигателем золота для осуществления своих проектов и действующий по воле случая, который, подобно подземному огню, долгое время приводившему горючую материю в состояние плавления, неожиданно вспыхивает, и внезапное извержение распространяет вокруг ужас и разрушения.

Агенты деспотизма и мстительных амбиций использовали те же средства, чтобы будоражить умы парижан; и хотя сейчас они покрыты грязными пятнами, следует отметить, что благодаря их первоначальному доброму нраву в тот период они были настолько упорядоченными, что требовалось значительное руководство, чтобы склонить их к каким-либо грубым нарушениям поведения. Следовательно, орудиям герцога было необходимо привести в действие группу самых отчаявшихся женщин; некоторые из них умирали от голода из-за нехватки хлеба, которого намеренно стало мало, чтобы облегчить чудовищный замысел убийства короля и королевы в жареном виде, который, по-видимому, был вызван исключительно яростью голода.

Бесстыдная манера, в которой проводились развлечения офицеров телохранителей; нескромный визит королевы, чтобы заинтересовать армию в деле королевской власти, искусно вошедшей после того, как толпе солдат разрешили войти; вместе с неосторожными выражениями, которые она впоследствии использовала; послужили предлогом, нет, возможно, были одними из причин, побудивших этих женщин заподозрить, что нехватка хлеба в столице была вызвана ухищрениями двора, который так часто производил тот же эффект, чтобы способствовать их зловещему поведению. цели. Тогда они полагали, что единственным надежным способом исправить такое тяжкое бедствие в будущем было бы умолять короля остаться в Париже: и национальное ополчение, состоящее из более организованных граждан, которые считали, что сообщение о преднамеренном побеге не лишено оснований, вообразило, что они должны пресечь гражданскую войну в зародыше, предотвратив отъезд короля и эффективно отделив его от заговорщиков, которым они приписывали все его проступки.

Пока толпа продвигалась вперед, ассамблея рассматривала ответ короля на их просьбу утвердить декларацию прав и первые статьи конституции, прежде чем будут предоставлены материалы. Ответ был сформулирован в несколько расплывчатых выражениях, но его смысл нельзя было понять неправильно.—Он заметил, что о статьях конституции можно судить только в их связи с целым; тем не менее он считал естественным, что в тот момент, когда нация была призвана помочь правительству сигнальным актом доверия и патриотизма, они должны ожидать повторных гарантий в отношении их главных интересов.—"Соответственно, — продолжает он, — принимая как должное, что первые статьи конституции, которые вы представили мне, объединенные завершением ваших трудов, удовлетворят пожелания моего народа и обеспечат счастье и процветание королевства, в соответствии с вашим желанием, я принимаю они; но с одним положительным условием, от которого я никогда не отступлю; а именно, что, исходя из общего результата ваших обсуждений, исполнительная власть будет полностью действовать в руках монарха. И все же мне остается откровенно заверить вас, что,

если я даю свое согласие на принятие нескольких статей, которые вы представили мне, то это не потому, что они без разбора дают мне представление о совершенстве; но я считаю похвальным с моей стороны проявить такое уважение к пожеланиям депутатов нации и к тревожным обстоятельствам, которые так серьезно побуждают нас желать превыше всего скорейшего восстановления мира, порядка и уверенности.

‘Я не буду высказывать свои чувства по поводу вашей декларации прав человека и граждан. В нем содержатся превосходные максимы, подходящие для руководства вашими рассуждениями; но принципы, допускающие применение и даже различные толкования, не могут быть оценены справедливо и нуждаются в этом только тогда, когда их истинный смысл определяется законами, на которых они должны основываться”.

В уловке, использованной в этом ответе, проявляется глубокое лицемерие короля; и то "жалкое уважение к ложной чести", которое заставляет человека поражаться неприкрытой лжи, даже когда он произносит ряд презренных уверток. Так он сначала боролся против всяких уступок, против предоставления какой-либо реальной свободы народу; но впоследствии, не в силах удержаться на своих позициях, он бессильно уступал поднятой им буре, каждый раз теряя часть авторитета, который зависел от общественного мнения.

Собрание выразило всеобщее недовольство. Один из членов заметил, что король воздержался от принятия декларации прав; и только уступил обстоятельствам, приняв статьи конституции: поэтому он предложил не взимать налоги до того, как декларация прав и конституция будут приняты без каких-либо оговорок.—Другой утверждал, что ответ короля должен был быть подписан кем-то из министров. Какой абсурд! и все же неприкосновенность короля, стоявшего у них на пути, казалась необходимой для обеспечения министерской ответственности, для того, чтобы свести ее к нулю; не только для того, чтобы помешать министрам найти за ней убежище, но и для того, чтобы сделать ее совершенно бесполезной для короля, который, таким образом, был, буквально говоря, сведен к шифру. Мирабо, однако, после того, как он с энергией упомянул об этом развлечении, которое в насмешку называли патриотическим, внес три или четыре предложения. Одно из них гласило: "ни один акт, исходящий от короля, не должен быть объявлен без подписи государственного секретаря". — Настолько непоследовательным был человек, который с таким красноречием отстаивал абсолютное *вето*. — Другое заключалось в том, ‘что его величество изволит выражаться недвусмысленно, а не путем условного согласия, вымогаемого обстоятельствами, чтобы оставить в сознании народа какие-либо сомнения в его искреннем согласии’. В подтверждение вывода о том, что король лишь на мгновение уступил мнениям, которые он надеялся увидеть взорванными, было также отмечено, что указ об обращении зерна был изменен перед публикацией, и обычная преамбула "к *нашему удовольствию*" странно контрастировала с признанием законодательных прав нации. Робеспьер, в частности, утверждал, что нация не нуждалась в помощи монарха для самоорганизации — что ответ короля был не принятием, а порицанием; и, следовательно, нападением на права народа.

Казалось, что это фактически совпадало с мнением собрания, хотя мягкий стиль выражения воли Мирабо был принят. Именно в этом решении депутаты проявили большую степень слабости, которая ошибочно принимает безрассудство за храбрость, а тень справедливости - за правдивость.— И притворяясь, что власть королей приостанавливается всякий раз, когда суверен занят разработкой элементов конституции или изменением основных законов, они

продемонстрировали непоследовательность своей собственной системы и признали ее абсурдность; что еще более вопиюще показано в иррациональном заявлении Мирабо о том, что "благочестивой фикцией закона король не может обмануть самого себя; но недовольство народа требует жертв, и эти жертвы - министры".

В этот момент дебатов в Версаль прибыла шумная толпа женщин; но не должно остаться незамеченным, что с ними было несколько мужчин, переодетых в женскую одежду; это доказывает, что это не было, как утверждалось, внезапным порывом необходимости, кроме них были мужчины в своей одежде, вооруженные как головорезы, с ответственными лицами, которые, поклявшись отомстить королеве и телохранителям, казалось, готовились привести свои угрозы в исполнение. Некоторые варвары, добровольно признавшие свою вину, возможно, присоединились бы к нам, побуждаемые исключительно надеждой на грабеж и любовью к беспорядкам; но ясно, что главные движущие силы вели более надежную игру.

Женщины пошли двумя путями; и одна группа, без оружия, появилась у ворот собрания, в то время как другая собралась вокруг дворца, ожидая их. Улицы были уже заполнены телохранителями, фландрский полк выстроился в шеренги; короче говоря, солдаты быстро собрались в одном квартале, хотя жители Версаля были чрезвычайно встревожены, особенно появлением бродяг, следовавших за женской толпой.

С некоторым трудом удалось уговорить женщин позволить нескольким из них организованно войти в собрание с представителем, который озвучил бы их требование; в то время как толпы, укрывшиеся от дождя на галереях, представляли там странное зрелище - пики, ружья и огромные палки, окованные железом. Их оратор выражал недовольство народа и необходимость постоянно обеспечивать его средствами к существованию: он выразил озабоченность парижан медленным формированием конституции и приписал эту задержку противодействию духовенства. Затем епископ председательствовал в отсутствие президента Мунье, который был направлен ассамблеей с обличительной петицией к королю. Один из помощников шерифа, чтобы избавить его от необходимости отвечать на инсинуацию против его приказа, сделал петиционеру выговор за клевету на этот уважаемый орган. Соответственно, он принес извинения, но в то же время оправдал себя, заявив, что он лишь сообщил о недовольстве Парижа. В ответ вице-президент сообщил им, что к королю уже отправлена депутация с просьбой санкционировать указ об облегчении внутреннего оборота зерна и муки; и, обнаружив, что заняться текущими делами невозможно, он закрыл собрание, не дожидаясь возвращения президента.

Женщины, собравшиеся во дворце, вступили в разговор с солдатами, некоторые из которых сказали: 'Если бы король восстановил всю свою власть, народу никогда не понадобился бы хлеб!' Этот нескромный намек привел их в ярость, и они ответили на языке, вошедшем в поговорку как самый оскорбительный. Также последовала драка, вызванная спором по поводу кокард, один из телохранителей обнажил шпагу, что спровоцировало версальского национального гвардейца нанести ему удар мушкетом, который сломал ему руку.

Национальные войска стремились убедить толпу, что они в равной степени оскорблены неуважением, проявленным к эмблеме свободы; а фламандский полк, хотя и находился в боевом порядке, заставил женщин бросить свои кольца в ружья, чтобы убедиться, что их не обвинили: 'Это правда, они выпили вино телохранителей; но что это заставило их сделать? Они также кричали: *"Да здравствует король"*, как и сами люди делали каждый день; и их

намерением было верно служить ему, но не против нации!" — с другими речами того же содержания; — добавив, "что один из их офицеров заказал тысячу кокард; и они не знали, почему их не раздали!" Вzbешенный содержанием этой речи, телохранитель ударил одного из солдат, говоривших таким образом, который в ответ выстрелил в него и сломал ему руку. Теперь все пришло в замешательство, и все делало телохранителей еще более ненавистными для населения.

В самый разгар этого события король вернулся с охоты и одновременно принял депутацию национального собрания и выступление женщин. Он принял последнего с большой приветливостью, выразил свое сожаление по поводу нехватки хлеба в Париже и немедленно санкционировал декрет о свободном обращении зерна, который он только что получил от ассамблеи. Заговорившая женщина попыталась поцеловать ему руку, он вежливо обнял ее и отпустил их самым джентльменским образом. Они немедленно присоединились к своим товарищам, очарованные оказанным им приемом, и король отдал приказ стражникам не пускать в ход оружие. Граф д'Эстен, главнокомандующий, объявил также версальскому ополчению, что телохранители на следующий день принесут присягу на верность нации и наденут патриотическую кокарду. "Они недостойны", - раздался возмущенный ропот толпы.

Несколько женщин, возвращавшихся в Париж, чтобы сообщить о милостивом поведении короля, к несчастью, подверглись жестокому обращению со стороны отряда телохранителей под командованием дворянина; а пришедшие им на помощь добровольцы Бастилии, двое мужчин и три лошади, были убиты на месте. Те же самые раздраженные женщины, встретив парижское ополчение на пути в Версаль, дали им преувеличенное описание поведения гвардейцев.

Придворные, которые теперь забили тревогу, опасаясь, что их план потерпит крах из-за того, что король будет вынужден отправиться в Париж, призвали его немедленно выехать в Мец, и экипажи были действительно подготовлены. Едва ли можно поверить, что они зашли бы так далеко без его согласия.

Одной груженной карете было разрешено выехать за ворота, но национальные войска, начавшие подозревать, что происходит, заставили ее вернуться. Тогда король со своей обычной учтивостью, считая свое бегство в то время неосуществимым и не желая проливать кровь, прокладывая себе путь, оправдал необходимость заслугой и заявил, что он скорее погибнет, чем увидит, как в его ссоре льется кровь французов! Человеку, сведущему в языке двуличия, так легко навязаться легковверным и внушить искренним умам веру в мнение, которое они с радостью приняли бы без всяких сомнений, если бы другие обстоятельства не противоречили этому убеждению сильнее. Это заявление, однако, которое было повторено с большим рвением, было расценено как явное доказательство чистоты его намерений и признак его твердой приверженности делу, которое он якобы отстаивал. И все же, чтобы доказать обратное, необходимо только заметить, что он отложил принятие декларации прав и первых статей конституции до тех пор, пока попытка побега не была сорвана: ибо было около одиннадцати часов, когда он послал за президентом, чтобы вручить ему простое согласие и попросить его немедленно созвать ассамблею, чтобы он мог воспользоваться их советом в этот критический момент; встревоженный толпой снаружи, которая, несмотря на всю неблагоприятность погоды, поскольку ночь была очень дождливая и ненастная, произносил призывы. самые ужасные проклятия в адрес королевы и телохранителей.

Барабанный бой немедленно созвал собрание; и менее чем через час Лафайет прибыл со своей армией, и снова был вызван президент, который вернулся в собрание с заверениями короля, что он даже не думал покидать их и никогда не отделится от представителей народа.

Лафайет ранее заверил короля в верности метрополии и в том, что он был специально послан муниципалитетом Парижа для охраны его августейшей особы. С момента прибытия женщин распространился слух, что парижское ополчение прибудет им на подмогу; но поскольку коммуна Парижа приняла решение только ближе к вечеру, гонец от Лафайета во дворец не мог прибыть в Версаль задолго до него; но двор, предполагавший, что они прибудут, и услышавший о желании парижан доставить короля в Париж, где у них всегда были шпионы, которые как можно раньше уведомляли их о происходящем, настаивал на том, чтобы он выехал, не теряя времени; тем не менее, ими двигало исключительно желание парижан доставить короля в Париж. из желания увести его подальше, а не из каких-либо опасений, что его жизнь в опасности.

Успокоив короля, Лафайет присоединился к парижскому ополчению на аллее, чтобы сообщить им, что король санкционировал постановление собрания об ускорении распространения провизии; что он без каких-либо оговорок принимает декларацию прав вместе с первыми статьями конституции, заявляя в то же время о своей непоколебимой решимости оставаться среди своего народа; и что он согласен также направить отряд национальных войск Парижа для охраны своей особы.

Радость сменилась теперь ужасом в Версале; и горожане распространили свои обращения среди солдат, предлагая им жилье; ранее их под бой барабана просили принять как можно больше парижских ополченцев. Остальные, проведя несколько часов с оружием в руках вокруг дворца, с наступлением утра искали убежища в церквях. Все казалось спокойным, но измученных короля и королеву убедили отправиться на покой, в котором они нуждались; и Лафайет около пяти утра удалился в свои покои, чтобы написать в муниципалитет отчет о своих действиях, прежде чем он также попытается урвать немного отдыха.

Не прошло и часа после этого, как неугомонная толпа, большая часть которой укрылась в зале и галереях собрания, начала бродить по нему. Самая порядочная из женщин, которых заставили поступить на службу, ночью улизнула. Остальные вместе со всей бандой негодяев бросились ко дворцу и, обнаружив, что его аллеи не охраняются, хлынули внутрь подобно потоку; и некоторые из них, по всей вероятности, сообразили, что настал подходящий момент совершить преступление, за которое их вытащили из их парижских убежищ.

Оскорбив одного из телохранителей, воспротивившихся их появлению, он выстрелил и убил человека. Это послужило новым предлогом для того, чтобы войти и разыскать убийцу, как его называли эти бунтовщики; и, прогнав стражников перед собой по парадной лестнице, они начали врывать в разные покои, клянясь отомстить телохранителям, в которых были примешаны самые горькие проклятия, адресованные королеве.

Поймав одного несчастного стражника в одиночку, его стащили вниз по лестнице; и его голова, мгновенно отделенная от тела, была насажена на пику, что скорее разозлило, чем утетило ярость чудовищ, которые все еще охотились за кровью или добычей.

Самые отчаявшиеся пробрались в покои королевы и оставили умирать человека, который мужественно воспротивился их приходу. Но она была встревожена суматохой, хотя негодяи не

заставили себя долго ждать, и, накинув на себя накидку, побежала потайным ходом в покои короля, где нашла дофина; но король ушел на ее поиски; он, однако, быстро вернулся, и они ждали вместе в ужасном напряжении. Несколько охранников, пытавшихся сдержать толпу, были ранены, но все это произошло за очень короткий промежуток времени.

Быстрота этого движения с учетом всех обстоятельств дает дополнительные аргументы в поддержку мнения о том, что имел место преднамеренный замысел убийства королевской семьи. Король удовлетворил все, о чем они просили накануне вечером, отослав большую часть толпы, восхищенную его снисхождением; и они не получили новой провокации, чтобы вызвать это возмущение. Дерзость самой отчаявшейся толпы никогда не побуждала ее в присутствии превосходящих сил пытаться наказать своих правителей; и даже маловероятно, чтобы бандиты, движимые общими причинами подобных восстаний, подумали об убийстве своего государя, который в глазах большей части французов все еще был окутан этим божеством, которому молчаливо позволялось парить рядом с королями, и уж тем более осмелились бы попытаться это сделать.

Лафайет был быстро поднят; и, послав своих *адъютантов* собирать национальную гвардию, он с такой же быстротой последовал за негодяями. Они фактически ворвались в апартаменты короля в тот момент, когда он прибыл; и королевская семья прислушивалась к нарастающему шуму, как предвестнику смерти, — когда все стихло, — и через мгновение дверь открылась, почтительно вошли национальные гвардейцы, сказав, что пришли спасти короля; "и мы спасем вас тоже, джентльмены", — добавили они, обращаясь к телохранителям, которые были в комнате.

Теперь бродяг, в свою очередь, преследовали и гнали из комнаты в комнату в разгар их грабежа, ибо они уже начали грабить этот роскошно обставленный дворец. Из дворца они направились в конюшни, все еще намереваясь пограбить, и увели несколько лошадей, которых так же быстро отбили. Повсюду они преследовали телохранителей, и повсюду великодушные парижские войска, забыв о своей уязвленной гордости и личной вражде, рисковали своими жизнями, чтобы спасти их. - Пока, наконец, порядок не был установлен полностью.

Таково было завершение этого самого загадочного дела; одной из самых черных махинаций, которые со времен революции опозорили достоинство человека и запятнали анналы человечества. Разочарованные в своей главной цели, эти негодяи обезглавили двух стражников, которые попали к ним в руки, и поспешили прочь по направлению к столице с *отличительными знаками* своего зверства на остриях варварских орудий мести, во всем показывая отличием своего поведения, что они были сборищем монстров, отличавшихся от людей.

В то время как природа содрогается, приписывая кому-либо столь бесчеловечный план, общий характер и жизнь герцога Орлеанского позволяют предположить, что он был зачинщиком этого беспорядка. И когда мы сравниваем необычайно свирепый вид толпы с жестоким вторжением в апартаменты королевы, не остается почти никаких сомнений в том, что был разработан план, направленный против жизни как ее, так и короля. — И все же в этом и большинстве других случаев этому человеку потребовалось мужество, чтобы довести свое злодейство до конца, когда созрел заговор, который он вынашивал.

Возможно, не в последнюю очередь благородная способность ума подвергать сомнению мотивы поступков, которые противоречат чувствам природы, оскорбляют самые священные чувства человеческой души. Но именно развитие характера позволяет нам оценить его порочность; и если бы поведение этого негодяя когда-либо менялось, завеса тайны все еще могла бы оставаться нераскрытой, и потомки, услышав о суде над шатле, поверили бы, что *Эгальтэ* невиновен. Двор стал крайне неприятен нации, и вместе с ним был замешан король, несмотря на усилия Мирабо и некоторых других фаворитов народа сделать его респектабельным; так что не было никаких веских оснований подозревать, что герцог может претендовать на регентство, хотя Людовика не убили и ему не позволили сбежать. Но поскольку нынешний план провалился, страх на некоторое время притупил его честолюбие, и Лафайет, обнаружив, что эти подозрения все еще служат предлогом для возбуждения волнений с целью успокоить умы парижан, поддержал настойчивые просьбы герцога, который хотел посетить Англию, пока дело не уляжется. Поэтому короля убедили дать ему номинальное поручение, которое можно было использовать в качестве предлога для получения права не присутствовать на собрании, членом которого он был.

Он, конечно, очень опасался расследования этого дела; и месть и честолюбие, в равной степени уступившие место личному страху, он предоставил своим коллегам заканчивать конституцию, а своим агентам восстанавливать свою славу, представляя эту историю как клевету на роялистов, против которых общественность была достаточно разъярена, чтобы поверить любой клевете.

Дерзкий тон, который он взял на себя в июле следующего года, был далек от того, чтобы служить доказательством его невинности, потому что было маловероятно, чтобы хитрый человек принял свои меры в таком критическом деле без должной предосторожности.— Напротив, он постарался бы настолько полностью погрузиться в подоплеку сюжета, чтобы сделать его трудным, если не невозможным, для восприятия. И это было осуществимо для человека, который был готов ради достижения своей цели растратить самое блестящее состояние.

К склонности к низменным интригам добавилось также решительное предпочтение самого грубого распутства, приправленного вульгарностью, что в высшей степени соответствовало манерам героинь, составлявших единственную армию женщин.

Поселившись в центре пале-рояля, великолепной площади, которая, однако, была последней, на которой человек хоть сколько-нибудь деликатный, не говоря уже о приличиях или морали, захотел бы поселиться; потому что, за исключением торговцев, которые находили ее удобной, она была полностью занята самыми бесстыдными девушками города, их назойливыми защитницами, игроками и шулерами всех мастей. Короче говоря, самой подлой из женщин; негодяями, жившими в домах, из которых, как предполагалось, выбрасывались раздетые тела, часто находимые в Сене^[33]— и его считали великим султаном этого логова беззакония. Живя таким образом в лоне преступности, его сердце было так же запятнано, как и отвратительная атмосфера, которой он дышал. Неспособный на привязанность, его любовные похождения были желчными капризами пресыщения; и, доказав в деле Кеппеля и д'Орвиллье, что ему не хватало мужества мужчины, он, по-видимому, был столь же пригоден для темных подлых убийств, сколь и неспособен к любым попыткам, проистекающим из добродетельного честолюбия.

То, что группа женщин пришла в движение, чтобы потребовать помощи у короля или выразить протест собранию по поводу их запоздалого способа выработки конституции, едва ли вероятно; и что они взялись бы за это дело, не будучи подстрекаемыми коварными личностями, когда весь Париж был недоволен поведением и проволочками собрания, - это вера, с которой вряд ли согласятся самые легковверные, если только они не примут во внимание, что нехватка хлеба была прощальным словом, использованным теми, кто в значительной степени ее породил; ибо понимая, какой поворот принимает общественное мнение, они подтолкнули толпу к совершению давно задуманного злодеяния под давлением национального возмущения.

Очевидно, что двор не был обеспокоен, как бы ни стремился кабинет министров вызвать недовольство народа новым порядком вещей; ибо они, по-видимому, были всецело заняты планом, на котором строили самые оптимистичные ожидания, убедить короля удалиться в Мец. Кроме того, ход, по которому шел проект, является косвенным доказательством того, что, будучи задуманным против Версаля, он не замышлялся там.

В том, что Шатле не смог представить никаких доказательств своей вины, нет ничего экстраординарного.— Нужно только быть знакомым с общей склонностью французов к интригам, знать, что нет службы, какой бы опасной, или цели, какой бы черной она ни была, для которой человек не найдет золота. Были негодяи, которые рассматривали изгнание как спасение от постоянного страха разоблачения, если бы они могли иметь при себе сумму, чтобы начать заново свои мошеннические действия в другой стране; и денег герцог не жалел для удовлетворения своих страстей, хотя и был отвратительно скуп, когда о них не могло быть и речи.

Его пребывание также в Англии на такой длительный срок, просто чтобы не нарушать спокойствие государства, когда было возможно, что из-за беспорядков и волнений он мог получить скипетр, не заслуживает доверия; потому что хорошо известно, что он никогда не жертвовал никакими эгоистичными соображениями ради общего блага. Такие примеры самоотречения и истинного патриотизма редки даже у самых добродетельных людей; и напрасно воображать, что человек, которому весь мир позволял быть порочным, должен рисковать популярностью, которую он с таким трудом добивался, если только это не касалось защиты его жизни.

Тем не менее по возвращении, убедившись, что все в порядке, он появился в собрании, спровоцировав расследование, от которого до этого уклонялся; и, не боясь разоблачения, когда опасность миновала, он выступил с речью, чтобы убедить общественность в своей невинности. Более того, мнимые патриоты того времени, притворявшиеся, что презирают принцев, были рады иметь принца на своей стороне.

Сообщение о том, что Мирабо, всегда признанный сторонник ограниченной монархии, был замешан в заговоре, безусловно, было клеветой; потому что общеизвестно, что он питал привычное презрение к герцогу, которое некоторое время назад даже вызвало решительную прохладу. И, если бы потребовались какие-либо дополнительные доказательства его невинности, было бы достаточно добавить, что аббат Мори, его конкурент в красноречии и оппонент во мнениях, заявил, что нет оснований для его импичмента.

Действительно, прискорбно, что некоторые из нанятых злодеев не были немедленно допрошены. Солдаты, гонясь за ними из одного квартала в другой, доказывали не только свою

отвагу, но и преданность новому правительству; и единственной предосудительной частью их поведения было то, что они позволили убийцам скрыться, вместо того чтобы задержать как можно больше людей и предать их достойному наказанию. Следовало опасаться, что такое упущение привело бы к самым фатальным последствиям, потому что безнаказанность всегда побуждает негодяев, дошедших до такой степени безнравственности, совершать новые и, если возможно, еще более жестокие преступления; и именно приостанавливая исполнение судебных постановлений, закоренелые негодяи, доведенные до такого состояния угнетением, дают полный простор всей жестокости своих кровожадных наклонностей.

Это пренебрежение, в свою очередь, не было ни в малейшей степени предосудительной или фатальной ошибкой, допущенной фракциями собрания. Кризис потребовал энергии и смелости.—Законы были попорчены бандой самых отчаянных бандитов —Алтарь человечества был осквернен—Достоинство свободы было запятнано —Святыни покоя, убежище забот и усталости, целомудренный храм женщины, я рассматриваю королеву только как таковую, покои, где она предается своим чувствам в объятиях сна, забыв о мире, были осквернены с убийственной яростью —Жизнь короля подверглась нападению, когда он согласился на все их требования —И, когда их награбленное было уничтожено. вырванные у них, они перебили охранников, которые выполняли свой долг.—И все же этим негодяям было позволено с триумфом сбежать — и, удостоенные названия народа, их возмущение в значительной степени пытались оправдать те депутаты, которые иногда пытались получить чрезмерное влияние через вмешательство толпы.

В этот момент ассамблее следовало бы знать, что будущая респектабельность их законов должна была в значительной степени зависеть от поведения, которого они придерживались в настоящем случае; и пришло время показать парижанам, что, давая свободу нации, они намеревались охранять ее строгим соблюдением законов, которые естественным образом вытекают из простых принципов равной справедливости, которые они принимали; наказывая со справедливой суровостью всех, кто мог бы предложить нарушить их или относиться к ним с презрением. Мудрость, точность и мужество являются постоянной опорой власти — прочными столпами любого справедливого правительства, и им нужно только быть, так сказать, портиками структуры, чтобы сразу добиться восхищения и повиновения народа. Поддерживать подчинение в государстве любыми другими средствами не просто трудно, но и в течение какого-либо периода времени невозможно.

Им следовало бы, как одному человеку, встать на защиту оскорбленного правосудия; и, направляя руку закона, задушить в зародыше тот дух мятежа и распушенности, который, начиная проявляться в столице, можно было опасаться, что безнаказанность достигнет геркулесовой силы и в конечном счете бессмысленным легкомыслием или своевольным рвением сведет на нет все их труды. Однако их поведение настолько противоречило требованиям здравого смысла и общей твердости в правильности намерений, что они не только позволили банде убийц вернуться в свои логова, но и немедленно подчинились требованию солдат и настоящему желанию парижан — чтобы король жил в стенах Парижа.

Твердости поведения, которую всегда должны были сохранять представители народа, не хватало собранию с того момента, как была признана их власть; ибо вместо того, чтобы руководствоваться каким-либо регулярным планом действий, линией, в равной степени отмеченной честностью и политическим благоразумием, они руководствовались

легкомысленным рвением и пародийным наигрышем великодушия; столь же ребяческим, сколь и легкомысленной была большая часть их дебатов. В то время как их тщеславие тешилось живыми аплодисментами, расточаемыми их напыщенным и популярным выступлениям, они разжигали слабости толпы, обучая своих отчаянных демагогов соперничать с ними в этом виде красноречия, пока планы лидеров клубов и популярных обществ не стали всеобщим достоянием и претворялись в жизнь.

Поскольку воля народа является высшей, уважать ее - не только обязанность его представителей, но и их политическое существование должно зависеть от того, будут ли они действовать в соответствии с волей своих избирателей. Их голос в просвещенных странах всегда является голосом разума. Но в зачаточном состоянии общества и во время развития науки о политической свободе крайне необходимо, чтобы руководящая власть руководствовалась прогрессом этой науки; и разумными мерами предотвращать какие-либо препятствия на пути ее развития, в то же время проявляя равную заботу о том, чтобы не создавать страданий анархии, поощряя распущенную свободу. Национальное собрание, однако, в восторге от своих пышных почестей, позволило толпе, перед которой слишком внезапно вспыхнул политический свет, поспешить вперед и, казалось, не подозревало об опасности, которая столь фатально возникла из-за их кроткого согласия.

Жители Парижа, у которых больше, чем у них, национального тщеславия, верили, что они произвели революцию; и считая себя одновременно отцом и матерью всех великих событий, которые произошли с момента ее начала, и что национальное собрание, поведение которого действительно выдавало признаки непонимания взрослого человека, должно направляться их руководством, часто заявляли, что свобода не будет обеспечена, пока суд и ассамблея не будут перенесены в стены столицы. Это было предметом клубных дебатов, решение о которых принималось с законодательной помпезностью на основании слухов о предполагаемом побеге короля; и оскорбление, нанесенное национальной кокарде первого октября, привело их к выводу, что ему подобает присутствовать там.— Такова была их воля, столица нации- теперь суверенная. Предвидя также, как они уже опасались, что единственной гарантией свободы младенцев будет охрана двора и помещение в центр информации их малолетних представителей, которых они попеременно боготворили и подозревали.

Благопристойность нравов в народе, долгое время подчинявшемся власти своих магистратов, несколько раз, и даже пятого октября, сдерживала буйное население, которое предприняло это предприятие или присоединилось к нему ; и, принимая во внимание то, как на них давили, удивительно, что они не совершили более масштабных грабежей. Ибо при всей их жестокости и стремлении разграбить дворец, они не пытались разграбить Версаль, хотя и умирали от голода.

Действительно, армия Лафайета, состоявшая в основном из горожан, вела себя не только безукоризненно; но и быстрота их движений, их подчинение дисциплине, которую они так быстро усвоили, в сочетании с милосердием и умеренностью, которые они проявляли, вызывали благодарность и уважение всех сторон. И все же, дрожа за права, которые были так славно вырваны из цепких рук деспотизма, все лидеры хотели видеть короля в Париже. На самом деле таково было общее настроение в Париже и большей части нации.

Этот город, внесший столь существенный вклад в осуществление революции, с тревогой наблюдал за влиянием партийного духа в собрании, хотя сами они раскололись на несколько политических сект, которые почти ненавидели друг друга. И обнаружив, что нерешительность депутатов вселила в двор новые надежды, которые, наконец, могли бы превратить их освобождение в ослепительный метеор, они были неугомонно настроены на то, чтобы как можно скорее заполучить короля и ассамблею в свою власть. Слух о предполагаемом побеге Людовика, который, если бы он осуществил, вполне вероятно, был бы следующим, кого убедили присоединиться к недовольным принцам и знати, вызвав таким образом раскол в королевстве, который, несомненно, вызвал бы не только жестокую гражданскую войну, но и поссорил их со всеми различными державами Европы, был еще более настоятельным мотивом: хотя они постоянно притворялись, что верят в доброту его сердца, они никогда не показывали своим поведением, что они хоть сколько-нибудь уверены в его искренности.— Их мнение об ассамблее было столь же непоколебимым.— Однажды депутата превозносили как героя свободы, а на следующий день осудили как предателя, борющегося с деспотизмом.

Эти настроения были опасны для авторитета нового правительства; но это были настроения, которые никогда не были бы обнародованы, даже если бы они существовали, если бы ассамблея действовала честно и великодушно. Потому что, хотя люди не всегда рассуждают в наиболее логичном или риторическом стиле, все же они обычно понимают, в чем заключаются недостатки их законодателей. И в любом свободном правительстве, когда депутаты штата, созданные для выработки законов, не действуют точно и рассудительно, они, несомненно, потеряют свою респектабельность; и следствием этого будет роспуск всей власти.

Представляется несомненным, что в то время ассамблея не пользовалась безоговорочным доверием народа, требуя, чтобы король был обязан проживать за пределами столицы.— Несомненно, было так же возможно охранять его в Версале, как и в Париже; и если было необходимо, чтобы он содержался как государственный пленник или заложник, правительство имело надлежащую власть определять, как и где: — и, отказавшись от этой необходимой привилегии власти, они передали свою власть множеству парижан.

Или, скорее, меньшинство собрания, желавшее перебраться в столицу, возбуждая и ублажая народ, руководило большинством; и таким же образом достоинство представительного органа с тех пор было попорчено эгоизмом или слепым рвением тщеславия.— В действительности именно с этой эпохи, не забывая о таком важном обстоятельстве, можно справедливо датировать начало правления анархии. Ибо, хотя сносная степень порядка сохранялась значительное время спустя, потому что толпа, давно привыкшая к рабству, не сразу ощущает свою собственную силу; все же вскоре они начали тиранить одну часть своих представителей, побуждаемые другой. Они, однако, продолжали уважать постановления национального собрания, тем более что редко принимались какие-либо решения, по которым предварительно не учитывалось общественное мнение, направляемое народными депутатами, которые получили свое постоянное избирательное право с помощью устаревшего трюка с призывом к большей свободе. Непременной обязанностью депутатов было уважать достоинство своего органа, вместо чего многие из них в злобных целях инструктировали народ, как тиранить собрание; таким образом, они пренебрегали главным принципом представительства - уважением, подобающим большинству. Это первое грандиозное отступление от принципов, которые они притворялись принятыми во всей их чистоте, привело к общественным

страданиям, вовлекая этих близоруких людей в ту самую разруху, которую они сами вызвали своими подлыми интригами.

Авторитетное требование парижан было настолько прямым ударом по свободе собраний, что они, должно быть, либо сознавали, что хотят власти, либо не имели представления о достоинстве действий, иначе они не допустили бы, чтобы требования народа были выполнены. И все же они, похоже, рассматривали это, если не парадоксально так утверждать, как продвижение своей независимости; или, возможно, как придание надежности своей власти, по-детски гордясь тем, что регулируют дела нации, хотя и находятся под влиянием парижского деспотизма.

Это правда, такие вещи являются естественным следствием слабости, следствием неопытности и более фатальными ошибками трусости. И таковыми всегда будут последствия робких, необдуманных мер. Люди, посягнувшие на священные чувства вечной справедливости, если только они не закоренели в пороке, никогда впоследствии не смогут смотреть честным людям в лицо; и законодательный орган, за которым наблюдает интеллигентная общественность, общественность, которая претендует на право думать самостоятельно, никогда после этого не пойдет дальше этого и не примет ни одного декрета, который вряд ли будет популярен.

Обращение к общественному разуму в совершенном состоянии цивилизации будет не только необходимо, но и приведет к самым счастливым последствиям, породив правительство, исходящее из чувства нации, для которого только оно и может законно существовать. Поскольку развитие разума происходит постепенно, мудрость законодательной власти заключается в том, чтобы продвигать упрощение своей политической системы способом, наилучшим образом адаптированным к состоянию улучшения понимания нации. Внезапная перемена, произошедшая во Франции, от самой сковывающей тирании к необузданной свободе, едва ли позволяла ожидать, что чем-либо можно управлять с мудростью опыта: это было морально невозможно. Но, тем не менее, это прискорбное размышление о том, что такое зло должно следовать за каждой революцией, когда требуется столь же существенная смена политики.— Таким образом, все более очевидной обязанностью историка становится фиксирование истины и свободный комментарий.

Каждая нация, лишенная благодаря прогрессу своей цивилизации силы характера при смене своего правительства с абсолютного деспотизма на просвещенную свободу, скорее всего, будет ввергнута в анархию и должна будет бороться с различными видами тирании, прежде чем она сможет укрепить свою свободу; а этого, возможно, невозможно сделать, пока нравы и развлечения народа полностью не изменятся.

Утонченность чувств, порождая восприимчивость характера, который из-за своей капризности не оставляет времени на размышления, препятствует осуществлению суждения. Живые излияния ума, характерно свойственные французам, столь же бурны, сколь преходящи впечатления; и их доброжелательность испаряется во внезапных порывах сочувствия, они становятся холодными в той же мере, в какой быстры их эмоции, а комбинации их фантазии блестящи. Люди, увлеченные сиюминутным энтузиазмом, чаще всего бывают обмануты своим воображением и совершают какую-нибудь ошибку, убежденность в которой не только ослабляет их героизм, но и расслабляет нервы от обычных усилий. Свобода - это прочное благо, к которому нужно относиться с почтением.—Но, в то время как женоподобная раса героев борется за ее улыбки со всеми любезностями галантности, именно их более энергичному и

естественному потомству она отдаст себя со всем мягким сиянием безыскусственного очарования.

ГЛАВА III.

ТОЛПА ТРЕБУЕТ ПЕРЕВЕЗТИ КОРОЛЯ В ПАРИЖ. ОПИСАН ЭТОТ ГОРОД. КОРОЛЬ НАПРАВЛЯЕТСЯ В СТОЛИЦУ В СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕПУТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ПАРИЖСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ. ТИТУЛ КОРОЛЯ ИЗМЕНЕН. ЗАСЕДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ.

После того, как утром 6 октября дикая суматоха утихла, король появился перед народом на балконе, и королева последовала за ним с дофином на руках. Сначала он тщетно пытался заговорить, но Лафайет сообщил народу, что его величество вышел вперед, чтобы заверить их, что делом его жизни должно стать содействие счастью своего народа. *Король в Париже*, - воскликнул чей-то голос, которому тут же вторила толпа. "Дети мои, - ответил король, - вы хотите, чтобы я был в Париже, и я поеду; но это при условии, что моя жена и семья будут сопровождать меня". Громкие крики *да здравствует король* свидетельствовали о важности момента. Король сделал знак, требуя тишины, а затем, со слезами на глазах, снова обратился к ним. — Ах, дети мои, бегите на помощь моей страже. Тотчас же на балконе появились двое или трое с национальными кокардами на шляпах или шапках свободы на головах. Король обнял одного из них, и народ, следуя его примеру, обнял тех, кого они взяли в плен при дворе. Одно чувство радости, казалось, окрылило все сборище людей; и их чувствительность вызывала такие же безумные проявления радости, какие в последнее время проявлялись со свирепостью. Все солдаты смешались вместе, обмениваясь шпагами, шляпами или наплечными ремнями, самым поразительным образом демонстрируя выдающиеся черты французского характера.

Между тем собрание, вместо того чтобы немедленно разобраться в деталях этой тревожной судороги и приложить все усилия, чтобы добиться должного уважения к верховенству закона, по-детски поддалось всеобщему восторгу: вместо того, чтобы рассматривать настоящее желание народа увезти короля в Париж как недоверие к их мудрости, а также к правдивости суда, что в какой-то мере имело место, оно единогласно согласилось с предложением Мирабо, поддержанным Барнавом, "чтобы король и собрание не разлучались во время нынешние сессии." Мирабо и другие популярные депутаты, вероятно, были рады обезопасить личность короля, не будучи обязанными показным образом участвовать в этом деле; потому что они всегда старались сохранить некоторое влияние при дворе, пока они руководили народом. Таковы жалкие поступки людей, которые не руководствуются компасом моральных принципов, которые одни только делают характер достойным или последовательным. Тогда, с готовностью согласившись на самую пагубную и презренную меру, они постановили, что собрание неотделимо от личности короля, и послали депутацию сообщить ему об этом решении до его отъезда.

В том, что Людовик, обнаружив, что все его планы на данный момент потерпели крах, и после того, как ему едва удалось спастись, с готовностью согласился на требования толпы, нет ничего удивительного. — Но в том, что представители нации без сопротивления или увещаний сложили свою власть и очертя голову бросились в сердце города, который мог внезапно всполошиться и погрузиться в самую беспорядочную и опасную суматоху из-за интриг или

глупости любого отчаявшегося или мятежного лидера толпы, — позволив себе быть окруженным. за его стеной, запертый за его барьерами — одним словом, выбор жить во вместительной тюрьме; ибо люди, вынужденные или втянутые в любую подобную ситуацию, на самом деле являются рабами или заключенными, — почти превосходит всякое представление. Это абсурдное поведение, по сути, может быть объяснено только учетом национального характера и различных, хотя и одинаково заинтересованных взглядов придворных и популярных партий в ассамблее.

Независимо от дополнительных похвал, которыми Мирабо хотел, чтобы его постоянно потчевали в столице, он отдавал ей решительное предпочтение, часто утверждая, что это единственное место, где общество действительно желанно; люди и место, несмотря на их пороки и безумства, в равной степени придают вкус, который они культивировали.

Выступая против заглавных букв, беспристрастный наблюдатель должен признать, что многое было сделано для того, чтобы превратить это произведение в превосходный памятник человеческой изобретательности.

Въезд в Париж через Тюильри, безусловно, очень великолепен. Расширение дорог соответствует идее большого роскошного города и красоте зданий на благородной площади, которая в первую очередь привлекает внимание путешественников. Высокие деревья по обе стороны дороги, образующие очаровательные аллеи, по которым люди прогуливаются и отдыхают с присущей этой нации непринужденной веселостью, кажется, в равной степени призваны обеспечивать их здоровье и способствовать получению удовольствия. Барьеры также представляют собой величественные сооружения, которые возвышаются с величием, делая вид, открывающийся при приближении к городу, поистине живописным.

Но — именно эти барьеры, возведенные Калоном, которому нравилось сравнивать Париж с Афинами, наводят на самые меланхолические размышления. — Впервые они были воздвигнуты деспотизмом для обеспечения уплаты репрессивного налога, и с тех пор фатально способствовали усилению анархии за счет концентрации, лишая невинные жертвы возможности спастись от ярости или ошибки момента. — Таким образом, негодяи имели достаточное влияние, чтобы охранять эти барьеры, и, заключив в клетку объекты своего страха или мести, убивали их; или, нарушая чистоту правосудия, хладнокровно отменяли законы, наспех составленные для служения зловещим замыслам — превращая священный меч в кинжал и называя удар убийцы ударом правосудия, потому что наносился с пародийными церемониями равенства, что только делало преступление более жестоким. Тиран, который, преодолевая все ограничения, бросает вызов вечному закону, который он попирает, и вполнину не так отвратителен, как рептилия, которая ползет под прикрытием принципов, которые он нарушает. Таков был эффект огораживания Парижа: и отражения уязвленного человечества, разочаровывающие чувства, элегантные сооружения, служившие воротами в эту великую тюрьму, больше не кажутся великолепными портиками.

Тем не менее, глаз знатока вкуса с удовольствием останавливается на его зданиях и украшениях: пропорции и гармония радуют глаз, в то время как воздушные украшения, кажется, придают окружающим простую, игривую элегантность. Небеса тоже улыбаются, распространяя благоухание: и когда жители прогуливаются по очаровательному бульвару, добродушная атмосфера, кажется, мгновенно пробуждает животный дух, который рождает разнообразную грацию, витающую вокруг. Грозди цветов с пышной помпезностью придают своей сладости,

придавая сказочному пейзажу свежесть — природа и искусство сочетаются с великим блаженством, очаровывая чувства и трогая сердца, живые для социальных чувств, и красоты, наиболее дорогие воображению.

Почему слезы тоски смешиваются с воспоминаниями, которые вызывает чувство, даже повинувшись разуму?—Потому что быть счастливым - мудро!—а природа и добродетель всегда откроют входы радости в сердце. Но как быстро исчезает эта перспектива наслаждений! наслаждений, которые должен вкусить человек! Кавалькада смерти движется вперед, покрывая плесенью все красоты происходящего и уничтожая всякую радость! Элегантность дворцов и зданий вызывает отвращение, когда на них смотрят как на тюрьмы, а жизнерадостность людей отвратительна, когда они спешат посмотреть на действие гильотины или небрежно проходят по земле, обгащенной кровью. Тогда раздраженное человечество с горечью в душе обрекает город на разрушение; отворачиваясь от такого гнезда преступлений, оно ищет утешения только в убеждении, что по мере того, как мир становится мудрее, он должен становиться счастливее; и что по мере того, как возделывание почвы улучшает климат, улучшение понимания предотвратит те пагубные проявления страсти, которые отравляют сердце.

Депутация национального собрания сопровождала королевскую семью в Париж, а также парижское ополчение. Несколько женщин предшествовали им, восседая на экипажах, в которых они ехали в Версаль, и на пушках, украшенных национальными кокардами, и волоча по грязи те, что считались символами аристократии. Вскоре после того, как они отправились в путь, то ли случайно, то ли, что более вероятно, в соответствии с планом, разработанным кем-то из власти имущих, сорок или пятьдесят груженных пшеницей и мукой попали в процессию прямо перед королем, что придавало вес восклицаниям населения о том, что они привезли пекаря и его семью в город.

Собрание продолжало заседать в Версале до девятнадцатого числа; и было затеяно несколько интересных дебатов, особенно один, выдвинутый епископом Отенским, относительно присвоения поместий духовенства для удовлетворения потребностей правительства. Рассматривался вопрос об отмене *регистрационных знаков* и предлагалась новая организация муниципалитетов; но поскольку ни одно из этих предложений не было внесено до их более подробного обсуждения в Париже, представляется лучшим свести различные аргументы по этим важным вопросам под одной точкой зрения.

Однако при обсуждении статей конституции, которые ранее занимали их внимание, несколько легкомысленных дискуссий относительно стиля выражения, который должен быть принят для обозначения принятия королем их указов, были продолжены с жаром, и были выдвинуты ребяческие возражения против древних форм, которые были всего лишь формами. После некоторых споров титул монарха был изменен с короля Франции вместе с остальной формулировкой на титул короля Франции; потому что Руссо заметил, возможно, придирчиво, что титул должен выражать скорее главу народа, чем хозяина земли.

Предполагаемый перенос ассамблеи в Париж также вызвал несколько жарких дебатов. Эта резолюция, действительно, возбудила, и не без оснований, опасения в груди некоторых депутатов относительно их личной безопасности, если они в будущем решатся выступить против какого-либо из предложений народной партии, которые эта партия поручила парижской черни поддержать.

Президент Мунье, сославшись на плохое состояние здоровья, попросил уволить его; а Лалли-Толендаль, думая, что не сможет остановить этот поток, в то же время отошел от государственной деятельности. Очень многие депутаты, намекая на свои опасения, что ассамблея не будет свободной в Париже, под различными предлогами потребовали такое количество паспортов, что заставили президента выразить некоторое опасение, как бы ассамблея таким образом косвенно не распустилась; в то время как другие депутаты изрекали множество неприличных сарказмов по поводу поведения, которое, казалось, оправдывалось поведением населения и даже самих этих ораторов. Мирабо, который так искренне желал оказаться в Париже, с неподобающей горечью высмеивал всякое противодействие удалению собрания; однако, выслушав заявление о том, что разрешение такому количеству недовольных удалиться в провинцию может вызвать опасные брожения, он предложил не выдавать паспорта до тех пор, пока депутат, потребовавший этого, не сообщит собранию причину своего решения. Письмо от короля, уведомляющее о его намерении проводить большую часть своего времени в Париже и выражающее его заверения в том, что они не собирались отделяться от него, теперь содержало просьбу прислать в Париж уполномоченных для поиска подходящего места, где они могли бы в будущем проводить свои заседания. Соответственно, они решили отправиться туда в соответствии с указом от шестого октября, когда будет найдена удобная ситуация.

После этого определения несколько членов комиссии рассказали о грубых оскорблениях, которые они получили в Париже. В частности, один из них, который не был неприятен публике, чудом избежал жизни только потому, что его приняли за депутата, против которого толпа поклялась отомстить. Другой, который также был оскорблен, с должным воодушевлением потребовал немедленного принятия декрета о клевете. 'Неужели нас,' спросил он, - приведет к свободе только распущенность? Нет; люди, обманутые и опьяненные, приходят в ярость. Сколько раз (добавил он) я сетовал на импульсивность этого собрания, которое приучило публику, сидящую на наших галереях, хвалить, порицать, высмеивать наши мнения, не понимая их.— И кто вдохновил их на такую дерзость?" — Он был прерван знаками неодобрения; и теперь личности опозорили дискуссию, в которой Мирабо смешивал сатирические наблюдения и реплики, делавшие больше чести его способностям, чем сердцу. Но через день или два, придя в себя, он представил план указа о предотвращении беспорядков, который он представил, сказав, что это имитация, хотя и не копия, английского закона о беспорядках.

Вечером накануне отъезда ассамблеи в Париж, когда паспорта все еще требовались со всей серьезностью, был издан указ, "что паспорта должны выдаваться только на короткий и определенный срок в связи с неотложными делами; и что неограниченное количество паспортов в случае плохого состояния здоровья не должно выдаваться до замены депутатов их заместителями"; и далее, разрубая узел, который мог бы возродить старые претензии и вражду, если бы это было выдвинуто самостоятельно, они постановили, "что в будущем заместители должны назначаться гражданами в целом; и что через восемь дней после первой сессии депутаты будут избраны". в Париже должен состояться созыв палаты представителей; до тех пор следует отложить рассмотрение вопроса о целесообразности печатания и разослать по провинциям список отсутствующих депутатов".

Принуждение стольких членов церкви оставаться на своих постах и осуждение человека на позорное рабство, в то время как они не говорили ни о чем, кроме свободы, было столь же ничтожно малым, сколь и неблагоприятной была политика. Ибо, если король притворился, что соглашается с их мерами, чтобы лучше скрыть свое истинное намерение, которое, несомненно,

состояло в том, чтобы бежать, как только он найдет возможность или окажется на свободе, что они выиграли? Поскольку они должны были знать, что его освобождение станет следствием принятия им конституции, его заключение в тюрьму могло только замедлить их деятельность; однако у них не хватило великодушия позволить ему уйти с солидным жалованьем, если бы таково было его желание; или предоставить ему такую часть власти в новой конституции, которая, сделав его респектабельным в его собственных глазах, примирила бы его с лишением остального. Но когда все было улажено, стало морально ясно, что всякий раз, когда его друзья будут готовы, против них будет направлен удар, к которому они были настолько хорошо подготовлены, насколько это было возможно в последующий период.

Под влиянием устоявшихся систем определенные моральные последствия столь же безошибочны, как и физические. Следовательно, было несомненно, что дворы Европы предпримут все коварные попытки свергнуть новое правительство Франции; и, если только все они не были свергнуты одновременно, следовало ожидать того же, что и любого следствия от естественной причины. Таким образом, наиболее вероятным средством для отражения зла была бы решительная твердость поведения, которая, проистекая из истинной любви к справедливости, порождает истинное великодушие, а не демонстративное преувеличение добродетелей римлян перед дегенеративными умами их потомства.

Точность, мудрость и мужество неизменно вызывают восхищение и уважение у людей любого типа; и любое правительство, управляемое таким образом, будет держать в страхе своих распущенных соседей. Но страх и робость выдают симптомы слабости, которые, порождая презрение и непочтительность, поощряют попытки честолюбивых деспотов; так что самые благородные дела иногда разрушаются или очерняются глупостью или неосмотрительностью их руководителей. Вся Европа видела, и все порядочные люди с ужасом видели, что французы взялись поддерживать дело, которое у них не было ни достаточной чистоты сердца, ни зрелости суждений, чтобы вести с умеренностью и благоразумием; в то время как недоброжелатели потворствовали совершенным ими ошибкам, приписывая это несовершенство принятой ими теории, которая была применима только к безрассудству их практики.

Однако у французов есть основания радоваться, и потомки будут благодарны за то, что было сделано ассамблеей.

Писатели нашего времени так умело трактовали государственную экономию, что для них было невозможно, действуя в огромных масштабах общественного блага, не заложить основы многих полезных планов, поскольку они исправляли многие тяжкие и изматывающие злоупотребления. Соответственно, мы обнаруживаем, что, хотя у них и не хватило проницательности, чтобы предвидеть ужасные последствия многолетней анархии, вероятный результат их образа действий, тем не менее, следуя, в некоторой степени, указаниям своих избирателей, которые усвоили из ярких строк философских истин выдающиеся правила политической науки, они, закладывая основные столпы конституции, установили вне возможности уничтожения, великие принципы свободы и равенства.

Все стороны признают, что цивилизация является благословением, поскольку она обеспечивает безопасность личности и собственности, а также более мягкий вкус общества и манеры. Следовательно, если шлифовка человека и совершенствование его интеллекта становятся необходимыми для обеспечения этих преимуществ, то из этого, конечно, следует,

что чем более общим становится такое совершенствование, тем больше увеличивается человеческое счастье.

В диком государстве человек отличается только превосходством гения, доблести и красноречия. Я говорю "красноречие", поскольку считаю, что на данной стадии развития общества он наиболее красноречив, потому что наиболее естественен. Ибо только в процессе развития правительств наследственные различия, жестоко ограничивающие свободу разума, помешали человеку подняться до нужной ему точки возвышения путем применения своих совершенствуемых способностей.

То, что среди людей существует превосходство природного гения, не подлежит сомнению; и что в странах наиболее свободных всегда будут различия, проистекающие из превосходства суждений и способности приобретать более тонкий вкус, что может быть следствием особой организации или какой-либо другой причины, вызывающей это, является неоспоримой истиной. Но было бы явной ошибкой предполагать, что люди всех классов не одинаково восприимчивы к общему улучшению: следовательно, если какое-либо правительство стремится лишить возможности улучшения большую часть граждан государства, это нельзя рассматривать ни в каком ином свете, кроме как как чудовищную тиранию, варварское угнетение, одинаково вредное для обеих сторон, хотя и по-разному. Ибо все преимущества цивилизации невозможно ощутить, пока она не проникнет во все массы, очеловечивая каждое описание человека, — и тогда это первое из благословений, истинное совершенство человека.

Улучшение старого правительства Франции произошло исключительно благодаря той степени вежливости, которую приобрел высший класс, который незаметно, благодаря своего рода природной вежливости, приобрел небольшую долю гражданской свободы. Но что касается политической свободы, то от нее не было и тени; да и могла ли она когда-либо возникнуть при такой системе: потому что, в то время как людям не разрешалось не только занимать государственные должности или голосовать за выдвижение других на их место, но даже достигать какого-либо отчетливого представления о том, что подразумевается под свободой в практическом смысле, подавляющая часть людей была хуже дикарей; сохранив большую часть невежества варваров, после того как они отравили благородные качества природы, усвоив некоторые привычки дегенеративной утонченности. Национальному собранию Франция обязана тем, что подготовила простой кодекс инструкций, содержащий все истины, необходимые для всестороннего восприятия политической науки; который позволит невеждам взобраться на гору знаний, откуда они смогут увидеть руины хитроумной системы деспотизма, который так долго унижал достоинство человека своими одиозными и унижительными заявлениями.

Декларация прав содержит совокупность принципов, наиболее полезных, но в то же время настолько простых, что самый обычный человек не может не понять их значения. Она начинается с утверждения, что права людей равны и что в здоровом правительстве не может существовать никаких различий, кроме тех, которые основаны на общественной полезности. Затем, показывая, что политические объединения предназначены только для сохранения естественных и неотчуждаемых прав человека, которыми являются его свобода, неприкосновенность собственности и сопротивление угнетению; и утверждая также, что нация является источником всякого суверенитета; это очерчивает в простой и наглядной форме, в чем состоят эти права и этот суверенитет. Исходя из этого определения, люди могут узнать, что при

осуществлении своих естественных прав они обладают властью делать все, что не причиняет вреда другим; и что эта власть не имеет пределов, которые не определены законом — законы в то же время являются выражением воли сообщества, поскольку все граждане государства, либо лично, либо через своих представителей, имеют право участвовать в формировании.

Таким образом, ознакомив граждан с фундаментальными принципами законного правительства, автор продолжает показывать, как можно выяснить мнение каждого; которое он имеет право высказать лично или через своих представителей для определения необходимости общественных взносов, их присвоения, способа оценки и продолжительности.

Простота этих принципов, провозглашенных гениальными людьми прошлого и настоящего веков, и их справедливость, признаваемая всеми непредвзятыми людьми, не были признаны ни одним сенатом или правительством в Европе; и это была достойная честь, которую представители двадцати пяти миллионов людей, поднявшихся до уровня разумных существ, были первыми, кто осмелился утвердить такие священные и благотворные истины - истины, существование которых было вечным; и которые требовали только того, чтобы их узнали, чтобы они были общепризнанными — истины, которые никогда не были известны. были воспитаны гением философии, в то время как наследственное богатство и штык деспотизма постоянно противодействовали их установлению.

Публичность правительства, действующего в соответствии с принципами разума, в отличие от принципов угнетения, дает людям возможность или, по крайней мере, шанс судить о мудрости и умеренности своих министров; а проницательное око, когда ему позволено обнародовать свои наблюдения, всегда будет сдерживать расточительность или опасные амбиции честолюбивых людей.—Так что, рассматривая распространение представительных систем государственного устройства, мы имеем твердую почву, на которой основывается ожидание, что войны и их пагубные последствия будут становиться все реже по мере того, как с людьми, которые обязаны поддерживать их своим потом и кровью, будут проводиться консультации относительно их необходимости и последствий.

Такие консультации могут проводиться только при представительных системах правления — при системах, которые требуют ответственности своих министров и обеспечивают публичность их политического поведения. Придворные тайны и интриги их паразитов постоянно заливали Европу кровью ее самых достойных и героических граждан, и от такого зла нет конкретного лекарства, кроме как дать людям возможность сформировать мнение относительно предмета спора.

Версальский двор, обладавший самыми широкими полномочиями, был самым деятельным и коварным из всех в Европе; и ужасы, которые она натворила в разные периоды, были столь же неисчислимы, сколь безграничны были ее амбиции, а ее советы низки, беспринципны и бесчестны. Если бы речь шла только об устранении ее господства, Европа должна была бы быть благодарна за перемены, которые, изменяя политические системы наиболее развитой части земного шара, должны в конечном итоге привести к всеобщей свободе, добродетели и счастью.

Но следует предположить, что, когда ажиотаж, который сейчас будоражит предрассудки всего континента, утихнет, справедливость принципов, выдвинутых в декларации прав человека и гражданина, будет в целом признана; и что правительства в будущем, обретя разум и достоинство, сочувствуя страданиям людей, осуждая святотатство тирании, сделают своей

главной целью противодействие этой пагубной тенденции путем ограничения в справедливых рамках амбиций отдельных лиц.

ГЛАВА IV.

ХОД РЕФОРМ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. СВОБОДА ПЕЧАТИ. СТОЛИЦЫ. ФРАНЦУЗЫ НЕДОСТАТОЧНО ПОДГОТОВЛЕННЫ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ. ДИКАРЬ ПО СРАВНЕНИЮ С ЦИВИЛИЗОВАННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКСТРАВАГАНТНОСТИ ТОРГОВЛИ И МАНУФАКТУР. ОПРАВДАНИЕ СВИРЕПОСТИ ПАРИЖАН.

У людей, думающих самостоятельно, в голосе больше энергии, чем у любого правительства, которое может изобрести человеческая мудрость; и каждое правительство, не осознающее этой священной истины, в какой-то период будет внезапно свергнуто. Пока люди в диком государстве сохраняют свою независимость, они не принимают никакой регулярной системы политики и никогда не пытаются превратить свой грубый свод законов в конституцию, чтобы обеспечить политическую свободу. Следовательно, мы обнаруживаем, что в каждой стране, после того как ее цивилизация достигла определенного расцвета, люди в тот момент, когда они недовольны своими правителями, начинают кричать против них; и, в конце концов, отвергая всякую власть, кроме своей собственной воли, разрывая оковы безумия или тирании, они насыщают свое негодование злонамеренным разрушением произведений веков, рассматривая их только как моменты своего рабства.

Исходя из социальных особенностей человека, по мере того, как он становится цивилизованным, он будет все больше и больше смешиваться с обществом. Первый интерес, который он проявляет к делам своих братьев, связан с делами его ближнего; затем он размышляет о комфорте, нищете и счастье нации, к которой он принадлежит, исследует степень мудрости и справедливости в политической системе, при которой он живет, и, шагая в области науки, его исследования охватывают весь человеческий род. Таким образом, он получает возможность оценить долю зла или добра, производимую правительством его страны, по сравнению с другими; и сравнение, наделяющее его превосходящими способностями ума, приводит его к представлению модели более совершенной формы.

Этот дух исследования впервые проявляется в гамлетсе; когда его взгляды на улучшение ограничены местными преимуществами; но сближение различных районов ведет к дальнейшему общению, открываются пути сообщения, пока центральное или любимое место не становится водоворотом людей и вещей. Затем возвышающиеся шпили, помпезные купола и величественные памятники указывают на столицу; средоточие информации, вместилище гениев, школу искусств, средоточие сладострастных удовольствий и рассадник порока и безнравственности.

Центробежные лучи знания и наукообразия теперь проникают через империю, все интеллектуальные способности человека подпадают под их влияние, и одно общее чувство управляет гражданским и политическим сообществом. В ходе этих улучшений государство претерпевает множество изменений, порожаемое им счастье или несчастье вызывает разнообразие мнений; и, чтобы предотвратить путаницу, наиболее просвещенная часть народа терпела абсолютные правительства. Но, вероятно, эта терпимость была просто следствием

сильных социальных чувств людей, которые предпочитали спокойствие и процветание своей страны сопротивлению, которое, судя по невежеству их сограждан, по их мнению, принесет больше вреда, чем пользы. Короче говоря, как бы долго сочетание тирании ни тормозило прогресс, одним из преимуществ больших городов Европы было то, что они зажигали искры разума и распространяли принципы истины.

Добро и зло, исходящие из столиц государств, таковы, что в период зарождения правительств, хотя они и имеют тенденцию развращать и ослаблять умы, они ускоряют внедрение науки и задают тон национальным чувствам и вкусу.

Но это влияние происходит чрезвычайно постепенно; и требуется большой промежуток времени, чтобы отдаленные уголки империи ощутили либо одно, либо другое из этих воздействий. Таким образом, мы видели жителей мегаполиса слабыми и порочными, а жителей провинций - крепкими и добродетельными. Следовательно, мы видели, как оппозиция в городе (бунты, как их называют) незаконным правительствам мгновенно терпела поражение, а их лидеры вешались или подвергались пыткам; потому что суждения государства были недостаточно зрелыми, чтобы поддержать борьбу несчастных жертв за правое дело. И поэтому случилось так, что мировые деспоты сочли необходимым содержать большие постоянные армии, чтобы противодействовать действию истины и разума.

Однако сохранение феодальной системы в течение длительного времени, придавая чрезмерно большое влияние дворянству Франции, в немалой степени способствовало противодействию деспотизму ее королей. Таким образом, только после произвольного правления Ришелье, который наводил ужас на весь орден своей тиранией, коварный Мазарини сломил независимый дух нации, введя продажу почестей; и что Людовик XIV великолепием своих безумств и вычурными украшениями в виде звезд, крестов и других знаков отличия или эмблем рабства выманил дворян из их замков; и, сосредоточив удовольствия и богатство королевства в Париже, роскошь двора стала соразмерна произведениям нации. Кроме того, поощрение изнуряющих удовольствий и продажность титулов, купленных либо за деньги, либо за неблагородные услуги, вскоре сделали дворянство столь же известным своей изнеженностью, сколь оно было прославлено героизмом во времена доблестного Генриха.

В искусстве уже сформировалась школа, и люди науки и литературы спешили со всех концов королевства в метрополию в поисках работы и почестей; и пока это задавало тон империи, парижский вкус проникал в Европу.

Тщеславие, связанное с модой в высших слоях общества, - это не малейшая слабость, порожденная медлительностью, в которую естественно впадают люди высокого положения. Порочность нравов и однообразие удовольствий, составляющие праздную жизнь, несомненно, вызывают невыносимую скуку; и, пропорционально глупости человека или по мере того, как его чувствительность притупляется, он прибегает к разнообразию, находя изюминку только в новом творении чар; и обычно для пробуждения болезненных, привередливых чувств необходимы самые неестественные. И все же в той же степени, в какой развиваются утонченность чувств и совершенствование вкуса, общества знаменитых литературных персонажей ищут с жадностью; а благодаря господству моды царство остроумия сменяет царство формальной безвкусицы, после того как брезгливый вкус стал утонченным даже от тошнотворных пиршеств сладострастия.

Это естественное следствие улучшения манер, предвестник разума; и по соотношению этого прогресса во всем обществе мы можем оценить прогресс политической науки. Ибо как только изучение философских предметов стало общим для избранных увеселительных заведений, постепенно распространяясь на все классы общества, строгость древнего правительства Франции начала смягчаться; пока его мягкость не стала настолько значительной, что поверхностные наблюдатели приписывали проявление мягкости в управлении мудрости и совершенству самой системы.

Конфедерация философов, чьи мнения служили пищей для разговорного развлечения, давали повод для поучительного и полезного чтения лидерам кружков и привлекали внимание нации к принципам политического и гражданского управления. Составляя Энциклопедию, хранилище их мыслей, в виде абстрактного труда, они ускользнули от опасной бдительности абсолютных министров; таким образом, в организации, распространяющей те истины в области финансовой экономики, которые, возможно, у них не хватило бы смелости изложить в отдельных публикациях по отдельности; или, если бы они это сделали, они, скорее всего, были бы подавлены.

Это один из немногих примеров, когда объединение людей становится полезным, а не стесненным совместными усилиями. И причина ясна: работа не требовала особого партийного настроения; но у каждого был свой особый предмет исследования, которым они могли заниматься в одиночку. Его маршрут пролегал по спокойному морю, которое не могло подвергнуть его опасности столкнуться со Сциллой или Харибдой тщеславия или корысти.

Экономисты, отобрав пальму первенства у своих оппонентов, показали, что процветание государства зависит от свободы промышленности; что талантам должно быть позволено найти свой уровень; что снятие оков с торговли - это единственный секрет, который делает ее процветающей и более эффективно отвечает целям, для которых это политически необходимо; и что налоги должны быть наложены на излишки, оставшиеся после того, как земледельцу возместят его труд и затраты.

Идеи, столь новые и в то же время столь справедливые и незамысловатые, не могли не произвести большого эффекта на умы французов; которые, от природы привязанные к новизне и остроумным спекуляциям, были, несомненно, очарованы перспективой закрепления огромных преимуществ такой новой и просвещенной системы; и, не просчитывая опасности нападения на старые предрассудки; более того, даже не принимая во внимание, что разрушить было гораздо легче, чем построить, они не давали себе труда изучить постепенные шаги, с помощью которых другие страны достигли своей степени политического совершенствования.

Многочисленные досадные налоги, которые при французском правительстве не только ослабляли усилия непривилегированных лиц, останавливая живой поток торговли, но и создавали чрезвычайно досадные неудобства для каждого частного человека, который не мог путешествовать из одного места в другое, не будучи остановленным у заграждений и не подвергаясь обыску чиновниками разного звания, были почти непреодолимыми препятствиями на пути совершенствования промышленности: и ограничение свободы было не более тяжелым по своим финансовым последствиям, чем по личному унижению от того, что его заставляли соблюдать правила в качестве меры предосторожности. неприятные, поскольку они расходились со здоровой политикой.

Вспыльчивость вызывает более острые ощущения отвращения, чем серьезные травмы. Французы, действительно, так давно привыкли к этим досадным формам, что, подобно волу, которого ежедневно впрягают в ярмо, они больше не были раздражены духом и не изливали свой гневный пыл в песне. И все же можно было предположить, что после недолгих размышлений и долгих разговоров о возвышенности и превосходстве замыслов *французских* писателей над замыслами других наций они вспыхнут такой же страстью к свободе, как мужчина, сдерживаемый каким-нибудь праздным религиозным обетом, стремится обладать возлюбленной, чьим чарам воображение придало весь свой собственный мир изяществ.

Кроме того, сам образ жизни во Франции придает живость характеру народа; ибо благодаря уничтожению животных соков при приготовлении пищи они не подвержены той скуке, которая является следствием более питательной диеты в других странах; и это веселье усиливается умеренным количеством слабого вина, которое они пьют к мясу, бросая вызов флегматичности. Люди, живущие исключительно в деревнях и городах, также более общительны; так что тон столицы, как только в нем появились нотки, отличные от придворных, стал ключевым для нации; хотя жители провинций оттачивали свои манеры с меньшей опасностью для их морали или естественной простоты характера. Но такой способ заселения страны имел тенденцию скорее цивилизовывать жителей, чем изменять облик почвы или приводить к усовершенствованиям в сельском хозяйстве. Ибо именно благодаря проживанию посреди своей земли фермеры извлекают из нее максимум пользы во всех смыслах этого слова, так что грубое состояние хозяйства и неуклюжесть орудий, используемых этими изобретательными людьми, могут быть приписаны исключительно этой причине.

Положение Франции также было очень благоприятным для сбора информации, полученной в других частях мира. Париж, ставший магистралью для всех королевств континента, принимал в свое лоно чужаков со всех сторон; и сам по себе напоминал переполненный улей, где даже трутни жужжали в каждом углу всеми чувствами свободы, какими только могут обладать люди, которые никогда не были озарены ярким солнцем свободы; но, вероятно, именно по этой причине они были полны романтического энтузиазма. Таким образом, Париж, не только распространивший информацию, но и представивший себя оплотом в противостоянии придворному деспотизму, принявший на себя основную тяжесть борьбы, кажется, не без оснований гордится тем, что является автором революции.

Хотя свободы печати не существовало ни в одной части света, за исключением Англии и Америки, тем не менее изучение политических вопросов давно занимало интеллигентную часть Европы; и во Франции больше, чем в какой-либо другой стране, книги, написанные с безудержной свободой, передавались из дома в дом с той осмотрительностью, которая возбуждает любопытство. Не стоит особо подчеркивать универсальность языка, который сформировал единое общее мнение о пользе, проистекающей из прогресса науки и разума, распространившегося в соседних государствах, особенно в Германии; там начали появляться оригинальные сочинения той кропотливой эрудиции, которая используется только при разъяснении произведений древних авторов, суждения бездействуют или просто приводятся в действие для взвешивания значения слов, а не для оценки ценности вещей. В Париже точно так же группа остроумных, если не глубоких писателей озаряла своим светом каждый круг; ибо, обласканные великими, они не обитали в уютных уголках бедности, смягчая свои манеры по мере того, как совершенствовали свое понимание; напротив, утонченность, необходимая для передачи их свободных чувств в их книгах, разбитая на мелкие намеки, придавала елейность их

беседам и позволяла им лидировать за столами, за сладострастие которых были благодарны философы, а не эпикурейцы. чем секта стоиков.

Долгое время было модно говорить о свободе и спорить по гипотетическим и логическим вопросам политической экономии; и эти споры распространяли проблески истины и порождали больше демагогов, чем когда-либо появлялось в любом современном городе.— Это число превышало, пожалуй, любое сравнение с числом в самих Афинах.

Привычка также проводить большую часть своих вечеров в каком-нибудь театре дала им слух к гармонии языка и привередливый вкус к чистой декламации, в которой sentimentalный жаргон гасит всю простоту и огонь страсти: большое количество театров^[34], а также умеренные цены в партере и различные варианты лож, благодаря чему все находится в пределах обязанности каждого гражданина - посещать развлечения, столь любимые французами.

Расположение звуков и согласование рифм мужского и женского рода, являясь секретами их поэзии, пышность дикции придает подобие величия обычным наблюдениям и избитым чувствам; потому что французский язык, хотя и богат фразами, передающими каждый оттенок чувства, не имеет, в отличие от итальянского, английского или немецкого, фразеологии, свойственной поэзии; тем не менее, это удачные обороты, двусмысленные, более того, лаконичные выражения и многочисленные эпитеты, которые, будучи изобретательно применены, передают предложение или придают смысл для полудюжины сделайте его более приспособленным к ораторскому искусству, чем у любой другой нации. Следовательно, все французы - риторы, и они обладают необычайным запасом поверхностных знаний, захваченных суматохой удовольствия от неглубокого течения беседы; так что, если они и не обладают глубиной мысли, которая достигается только созерцанием, они обладают всей пронизательностью отточенного остроумия; и их познания настолько близки к концу, что они никогда не упускают возможности сказать что-нибудь уместное или искусно опровергнуть аргументы, с которыми у них нет сил честно бороться.

Каждое политическое благо, доведенное до крайности, должно порождать зло; однако у каждого яда есть противоядие; и существует уровень роскоши и утонченности, который, будучи достигнут, свергнет все абсолютные правительства в мире. Определение этих противоядий - задача наиболее трудная; и пока она остается несовершенной, некоторое количество людей будет продолжать становиться жертвами ошибочного применения. Подобно эмпирикам, которые пускали пациенту кровь до смерти, чтобы умерщвление не стало фатальным, земные тираны прибегали к отрубанию голов или пыткам тел тех людей, которые пытались ограничить их власть или сомневались в их всемогуществе. Но, хотя тысячи людей погибли жертвами эмпириков и деспотов, все же улучшения, достигнутые как в медицине, так и в философии морали, продолжались уверенными, хотя и постепенными темпами.—И если люди еще не открыли ясного средства от каждого зла, физического, морального и политического, то следует предположить, что накопление экспериментальных фактов в значительной степени приведет к их уменьшению в будущем.

Таким образом, в то время как роскошные гала-концерты при французском дворе были главным источником утонченности искусств, вкус стал противоядием от скуки; и когда рыцарские и готические турниры заняли место sentimentalности, на смену воображению пришло господство философии. И хотя правительство, окруженное прецедентами, все еще устраивало праздные церемонии, которые уже не были внушительными, слепое к незаметной перемене

вещей и мнений, как будто их способности были скованы вечным морозом, прогресс был неизменным; пока, достигнув определенного момента, Париж, который с момента особого образования империи был таким полезным центром для нее, не стал причиной ужасных бедствий, переходящих от отдельных людей к нации, а от нации к Европе. Таким образом, мы вынуждены обвинять тех, кто настаивает на том, что, поскольку положение вещей приносило пользу, оно всегда rispettable; тогда как, напротив, попытки сохранить какое-либо древнее установление сверх его естественной даты часто пагубны и всегда бесполезны.

На заре становления правительств или, скорее, цивилизации суды, по-видимому, необходимы для ускорения совершенствования искусств и нравов, для развития науки и морали. Крупные капиталы являются очевидным следствием богатства и роскоши дворов; но поскольку после того, как они достигли определенной величины и степени утонченности, они становятся опасными для свободы народа и несовместимыми с безопасностью республиканского правительства, можно усомниться в том, что Париж не вызовет больше беспорядков в установлении нового порядка вещей, чем эквивалентно тому благу, которое он произвел, ускорив эпоху революции.

Однако представляется совершенно очевидным, что в случае консолидации республиканского правительства Париж должен быстро прийти в упадок. Его возвышение и величие были обязаны главным образом, если не полностью, старой системе правления; и поскольку основа его роскоши была поколеблена, и маловероятно, что разрозненная структура когда-либо снова будет надежно опираться на свою основу, мы можем справедливо заключить, что по мере того, как ощущаются прелести уединенных размышлений и сельскохозяйственных развлечений, люди, покидая деревни и города, придадут новый облик лицу страны - и тогда мы можем искать более твердый склад ума, более твердые принципы и поведение, более последовательное и добродетельное. .

Занятия и привычки жизни оказывают удивительное влияние на формирующийся ум; настолько сильное, что достижения искусства останавливают рост спонтанных побегов природы, пока не становится трудно отличить естественную мораль и чувства от надуманных; а поскольку энергия мышления всегда будет в значительной степени происходить либо из нашего образования, либо из образа жизни, легкомыслие французского характера можно объяснить, не прибегая к старому укрытию невежества — оккультным причинам.

Когда целью образования является подготовка ученика к тому, чтобы угождать всем и, конечно же, обманывать, единственное, что необходимо, - это достижения; и желание, чтобы им восхищались, всегда преобладает, страсти подчинены или все втянуты в водоворот эгоизма^[35]. Это придает каждому человеку, каким бы разным ни был его характер, оттенок тщеславия и ту слабую неустойчивость мнений, которая несовместима с тем, что мы называем характером.

Таким образом, можно сказать, что француженка, как и большинство женщин, не обладает характером, отличающимся от характера нации; если только не допустить, чтобы незначительные оттенки, и случайный свет составляли существенную характеристику. Чего же тогда можно было ожидать, когда их амбиции в основном сводились к тому, чтобы грациозно танцевать, с непринужденной уверенностью входить в зал, улыбаться и делать комплименты тем самым людям, которых они намеревались высмеять на следующем светском собрании? Обучение искусному фехтованию, это правда, было полезно народу, чьи ложные представления о чести требовали, чтобы хотя бы капля крови искупила тень оскорбления. Умение также

отпускать остроумные реплики стало необходимым искусством, чтобы заменить тот настоящий интерес, который можно подпитывать только в нежном общении семейной близости, где доверие расширяет сердце, которое оно открывает. Кроме того, желание съесть все блюда за столом, будь их даже пятьдесят, и обычай расходиться сразу после трапезы разрушают социальные привязанности, напоминая постороннему человеку вульгарную поговорку "каждый за себя, а Бог за всех нас". После этих беглых наблюдений не будет преувеличением сказать, что французы были в некоторых отношениях самыми неподготовленными из всех народов в Европе для выполнения важной работы, к которой они приступили.

В то время как удовольствие было единственной целью жизни среди высших слоев общества, делом низших было давать жизнь своим радостям, а удобство - своей роскоши. Это кастовое разделение, уничтожая всякую силу характера в первых и принижая последних до уровня машин, научило французов быть более изобретательными в своих изобретениях для удовольствия и показухи, чем людей любой другой страны; в то время как в отношении сокращения труда в механическом искусстве или обеспечения комфорта обычной жизни они были далеко позади. На самом деле они никогда не имели представления о том независимом, комфортном положении, в котором ищут удовлетворения, а не счастья; потому что рабы удовольствия или власти могут быть возбуждены только живыми эмоциями и экстравагантными надеждами. В самом деле, в их словаре нет слова, чтобы выразить *комфорт*— то состояние существования, при котором разум делает дни безмятежными и полезными, а страсть обманула бы только улетучивающимися мечтами о счастье.

Перемена характера не может быть столь внезапной, как ожидают некоторые оптимистично настроенные расчетчики: тем не менее, за отменой права первородства наверняка последует большая степень имущественного равенства; и поскольку Париж не может сохранить свое величие, но за счет торговли роскошью, которая никогда не сможет подняться на прежнюю высоту, у богатых есть веские мотивы, побуждающие их дольше жить в деревне, они должны приобрести новые склонности и мнения. Поскольку изменение системы образования и домашних манер также будет естественным следствием революции, французы незаметно возвысятся до достоинства характера, намного превосходящего достоинства нынешней расы; и тогда плоды их свободы, созревая постепенно, будут иметь вкус, которого нельзя ожидать при их грубом и принудительном состоянии.

Такое позднейшее устройство вещей, по-видимому, было общим следствием абсолютного правления, деспотичного духовенства и огромного имущественного неравенства; и хотя оно полностью разрушило важнейшую цель общества, комфорт и независимость людей, оно породило самую постыдную развращенность и слабость интеллекта; так что мы видели, как французы занимались делом, самым священным для человечества, подавая своим энтузиазмом в один момент великолепные примеры своей стойкости, а в другой - из-за недостатка твердости и недостатка рассудительности, совершая самые вопиющие и роковые поступки. доказательства справедливой оценки, которую все народы сформировали о своем характере.

Следовало предположить, что люди, настолько искушенные, никогда не стали бы вести дела уравновешенно и умеренно; но требовалось знание нации и их манер, чтобы составить отчетливое представление об их отвратительном тщеславии и жалком эгоизме, настолько превосходящих все расчеты разума, что, возможно, если бы сейчас не была набросана точная

картина, потомки затруднились бы объяснить их безрассудство и приписали бы безумию то, что проистекает из слабоумия.

Естественные чувства человека редко бывают настолько загрязнены и унижены, чтобы иногда не позволить ускользнуть отблеску щедрого огня, неземной искры души; и именно эти пылающие эмоции в самых сокровенных уголках сердца, которые продолжали подпитывать чувства, внезапно проявляются во всей своей первозданной чистоте и силе. Но из-за обычной лени заржавленных интеллектов, или порочности сердца, убаюканного жестокостью на похотливом ложе наслаждений, эти небесные лучи затемняются, и человек предстает либо отвратительным чудовищем, всепожирающим зверем, либо бездуховной рептилией, лишенной достоинства и человечности.

Тех жалких негодяев, которые ползают под ногами у других, редко можно встретить среди дикарей, где люди, привыкшие к физическим упражнениям и воздержанию, в целом храбры, гостеприимны и великодушны; и только когда они отказываются от своих прав, они теряют эти благородные качества сердца. Свирепость дикаря отличается от свирепости выродившихся рабов тиранов. Один убивает, исходя из ошибочных представлений о храбрости; и все же он уважает своего врага пропорционально его стойкости и презрению к смерти; другой убивает без угрызений совести, в то время как его трепещущие нервы выдают слабость его охваченной страхом души при каждом появлении опасности. Среди первых людей уважают в соответствии с их способностями; следовательно, праздные трутни изгоняются из этого общества; но среди последних люди достигают почестей и должностей в той мере, в какой талант к интриге, верное доказательство ничтожности ума, превратил их в рабов. Самые печальные размышления возникают при ретроспективном взгляде на возвышение и прогресс правительств различных стран, когда мы вынуждены заметить, что вопиющие безумства и чудовищные преступления были более распространены при правительствах современной Европы, чем у какой-либо из древних наций, если не считать евреев. Кровавые пытки, коварные отравления и темные убийства попеременно являли расу чудовищ в человеческом обличье, при созерцании свирепости которых леденеет кровь и затемняются все оживляющие ожидания человечества; но мы должны заметить, чтобы возродить надежды на милосердие, что совершение этих ужасных деяний произошло от деспотизма в правительстве, который разум учит нас исправлять. Иногда, правда, сдерживаемые железной полицией, люди кажутся миролюбивыми, хотя они всего лишь ошеломлены; так что мы обнаруживаем, что всякий раз, когда толпа вырывалась на свободу, ярость населения была шокирующей и пагубной. Этими соображениями объясняются противоречия во французском характере, которые должны поражать постороннего: ведь грабежи очень редки во Франции, где повседневные мошенничества и хитрое воровство доказывают, что у низшего класса так же мало честности, как и искренности. Кроме того, убийство и жестокость почти всегда демонстрируют подлую свирепость страха во Франции; в то время как в Англии, где преобладает дух свободы, разбойник с большой дороги, требующий у вас денег, обычно не только избегает варварства, но и ведет себя гуманно и даже покладисто.

Вырождение морали вместе с утонченными манерами порождает наихудшие страсти, которые пронизывают общественное тело, жизнерадостный поток естественных чувств отравлен; и, совершая преступления с трепетным любопытством, преступники не только навлекли на себя месть закона, но и навлекли ненависть на свою природу, которая очернила лицо человечества. И хотя этот храм был кощунственно осквернен каплями крови, вытекшими из самых сердец

печальных жертв их безумия, твердость характера под покровом сентиментальности, называющей это пороком, помешала нашему сочувствию подвести нас к исследованию источников жестокости нашего вида и затемнила истинную причину позорных и порочных привычек.

С момента существования дворов, чье величие бросалось в глаза в той же степени, в какой накапливались страдания униженных людей, удобство и комфорт людей были принесены в жертву показной помпезности и нелепому зрелищу. Ибо все категории людей, от нищих до королей, стремились привнести в общество ту экстравагантность, которая в равной степени подрывает семейную добродетель и счастье. Господствующий обычай жить не по средствам оказал самое пагубное воздействие на независимость представителей всех классов в Англии, так же как и во Франции; так что, пока они жили в праздности, они были вовлечены в излишества, которые, оказавшись разорительными, привели к последствиям, одинаково пагубным для общества и унижающим достоинство личности. Расточительность вынуждает пэра торговать своими талантами и влиянием ради места, чтобы восстановить свое разбитое состояние; а сельский джентльмен становится продажным в сенате, чтобы иметь возможность жить наравне с ним или возместить себе расходы на предвыборную кампанию, на которую его толкнуло чистое тщеславие. Профессии, по той же причине, становятся одинаково беспринципными. Тот, чьей характеристикой должна быть честность, опускается до придинок, в то время как другой пренебрегает здоровьем, важность которого он знает во всем. Торговец также занимается спекуляциями, настолько граничащими с мошенничеством, что обычные честные умы едва ли могут отличить околное искусство продажи любой вещи по цене, намного превышающей ту, которая необходима для получения справедливой прибыли, от чистой нечестности, усугубляемой жестокосердием, когда речь идет о том, чтобы воспользоваться потребностями неимущих.

Разрушительное влияние торговли, которой, правда, занимаются люди, жаждущие разбогатеть и разделить уважение, оказываемое знати, ощущается по-разному. Возможно, самым пагубным является то, что это порождает богатую аристократию, которая унижает человечество, заставляя его лишь менять дикость на ручное раболепие, вместо того чтобы приобретать вежливость улучшенного разума. Торговля также, перенасыщая страну людьми, вынуждает большинство становиться фабрикантами, а не земледельцами; и тогда разделение труда, направленное исключительно на обогащение собственника, делает ум совершенно бездеятельным. Время, которое, по словам одного знаменитого писателя, тратится на переход от одной части работы к другой, - это то самое время, которое предохраняет человека от вырождения в животное; ибо каждый, должно быть, заметил, насколько умнее кузнецы, плотники и каменщики в деревне, чем подмастерья в больших городах; и, уважая мораль, нельзя проводить сравнения. Сама походка человека, который сам себе хозяин, настолько более устойчива, чем сутулая походка слуги слуги, что нет необходимости спрашивать, какие его действия доказывают наибольшую независимость характера.

Приобретение состояния также является наименее трудным путем к превосходству и наиболее надежным; так целые группы людей превращаются в машины, позволяющие заядлому спекулянту разбогатеть; и все благородные принципы природы искореняются, когда человека заставляют проводить свою жизнь, натягивая проволоку, втыкая булавку, загибая гвоздь или расстилая лист бумаги на простой поверхности. Кроме того, допускается, что любое объединение людей делает их чувственными и, следовательно, эгоистичными; и в то время как

ленивых монахов изгоняют из их келий как застойные организации, разлагающие общество, может возникнуть сомнение, не содержат ли в больших мастерских люди, в равной степени склонных препятствовать тому постепенному прогрессу совершенствования, который ведет к совершенствованию разума и установлению рационального равенства.

Лишение естественных, равных гражданских и политических прав привело к тому, что самые хитрые представители низших сословий стали заниматься мошенничеством, а остальные привыкли к воровству, дерзким грабежам и убийствам. И почему? потому что богатые и бедные были разделены на банды тиранов и рабов, а возмездие рабов всегда ужасно. Короче говоря, все священные чувства, моральные и божественные, были уничтожены, а достоинство человека запятнано системой политики и юриспруденции, столь же противоречащей разуму, сколь и человечеству.

Единственное оправдание свирепости парижан состоит в том, что они не доверяли законам, которые всегда считали всего лишь паутиной для ловли мелких мух. Привыкшие сами подвергаться наказанию за каждый пустяк, и часто только за то, что стояли на пути богатых или их паразитов; когда, в самом деле, парижане видели казнь дворянина или священника, хотя и осужденного за преступления, выходящие за рамки смелости вульгарных умов?—Когда правосудие, или закон, настолько пристрастно, день возмездия наступит с красным небом мести, чтобы смешать невинных с виноватыми. Толпа была варварской по сравнению с жестокостью тигра: ибо как они могли доверять суду, который так часто обманывал их, или ожидать наказания его агентов, когда применялись те же самые меры?

Давайте окинем взглядом историю человека, и мы едва ли найдем страницу, которая не была бы запятнана каким-нибудь грязным поступком или кровавой сделкой. Давайте рассмотрим перечень пороков людей в диком состоянии и сравним их с пороками людей цивилизованных; мы обнаружим, что варвар, рассматриваемый как нравственное существо, является ангелом по сравнению с утонченным злодеем искусственной жизни. Давайте исследуем причины, вызвавшие это вырождение, и мы обнаружим, что это те несправедливые планы правительства, которые были сформированы особыми обстоятельствами в каждой части земного шара.—Тогда давайте хладнокровно и беспристрастно рассмотрим улучшения, которые набирают силу в формировании принципов политики; и я льщу себя надеждой, что каждое гуманное и рассудительное существо согласится с тем, что политическая система, более простая, чем существовавшая до сих пор, эффективно сдерживала бы те стремительные безумства, которые путем подражания, ведущие к пороку, лишили правительства самой тени справедливости и великодушия.

Так выросла Франция и заболела коррупцией больного государства. Но, как в медицине есть своего рода заболевание кишечника, которое само лечится и, оставляя тело здоровым, придает бодрости организму, так и в политике: и пока продолжается процесс его регенерации, выделяющиеся из зараженного организма выделения будут вызывать всеобщую неприязнь и презрение к нации; и только философский взгляд, который всматривается в природу и взвешивает последствия человеческих действий, сможет распознать причину, которая произвела так много ужасных последствий.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

1. Чего еще можно было ожидать от придворного, который мог написать мадам де Ментенон в таких выражениях: *Бог был так милостив ко мне, мадам, что, в какой бы компании я ни оказался, мне никогда не придется краснеть за евангелие или короля.*
2. Например, прием португальского авантюриста под видом персидского посла. Фарс, разыгранный двором, чтобы пробудить притупленные чувства короля.
3. Мемуары маршала де Ришелье.
4. В этом ответе можно найти многие доводы, которые были недавно повторены; и некоторые (доказательство прогресса разума), которые ни у кого не хватило смелости повторить, выступая в защиту привилегий.
5. Хорошо известно, что в течение долгого времени он хотел созвать генеральные штаты; и Дюбуа не без труда заставил его отказаться от этого замысла. В 1789 году был переиздан любопытный мемуар, написанный им по этому случаю; и он, как и автор, является образцом дерзости.
6. С тех пор как учредительное собрание уравнило самозванцев, Калонн хвастался, что он предложил способ взимания равных налогов; но дворянство не прислушалось ни к одному такому предложению, упорно отстаивая свои привилегии. Это слепое упорство в противодействии любым реформам, которые касались их изъятий, может быть причислено к числу основных причин, которые, ускоряя устранение старых злоупотреблений, вели к насилию и беспорядкам. И если помнить, что поведение, столь же нелиберальное и лицемерное, искажило все их политические чувства, то должно быть ясно, что люди, от которых они считали себя отделенными непреложными законами, имели убедительные основания заключить, что было бы почти невозможно провести реформу большей части тех вызывающих недоумение исключений и произвольных обычаев, тяжесть которых придавала особую актуальность и с самой неистовой энергией призывала к революции. Несомненно, вся глупость людей, взятая вместе, была менее предосудительной, чем это полное отсутствие проницательности, эта приверженность предрассудкам, желчное восприятие вопиющего невежества в классе людей, которые, учитывая предоставленную им возможность приобретения знаний, должны были действовать более рассудительно. Ибо их подтолкнули к действию бесчеловечные провокации, акты вопиющей несправедливости, когда у них не было ни правления, ни опыта, чтобы направлять их, и после того, как их воздержание было разрушено годами страданий и бесконечным перечнем повторяющихся и унижительных лишений.
7. Важность религиозных убеждений.
8. "Кодекс этикета, - говорит Мирабо, - до сих пор был священным огнем двора и привилегированных сословий".
9. В царствование Людовика XV было выпущено двести тридцать тысяч *рекламных* листовок; и после этого, кто станет утверждать, что это не было закоренелым злом, которое следовало искоренить; ибо это оскорбление человеческого разума - говорить об изменении таких

злоупотреблений, которые кажутся экспериментами, проверяющими, насколько может быть растянуто человеческое терпение.

10. Граф Лалли-Толендал.

11. Это было написано за несколько месяцев до смерти королевы.

12. Так всегда ведут себя *так называемые* патриоты.

13. Это событие гораздо важнее в Париже, чем было бы в Лондоне.

14. Мэр.

15. Этот человек, аббат Лефебюр, оставался там всю ночь и большую часть следующего дня, стоя над бочкой с порохом, с неустрашимым мужеством отгоняя людей, хотя некоторые из них, чтобы помучить его, приносили трубки, чтобы покурить рядом с бочкой; и один действительно выстрелил из пистолета поблизости, отчего у него загорелись волосы.

16. Лалли-Толендал сказал о Лафайете в то время, что "он говорил о свободе так, как он ее защищал".

17. Снабжение Парижа продовольствием всегда зависело от удачного стечения обстоятельств, которые могли контролироваться правительством государства. Это не похоже на Лондон и другие крупные города, местное положение которых ранее было указано природой и благосостояние которых зависит от большого и постоянного движения торговли, которое они сами регулируют. Чтобы отрезать поставки продовольствия из Лондона, вы должны перекрыть порт и открыто воспрепятствовать сношениям, от которых в значительной степени зависит богатство нации. Париж, напротив, может погибнуть от голода через несколько дней по секретному распоряжению двора. Все жители этого места почувствуют последствия, и никто не сможет установить причину. Эти соображения позволяют легко объяснить продолжающуюся нехватку провизии в Париже летом 1789 года. Никто не может сомневаться, что двор смотрел на революцию с ужасом; и что среди мер, которые они приняли, чтобы предотвратить это, они не упустили из виду такой очевидный прием, как прекращение поставок из столицы; поскольку они предполагали, что люди возложат вину на новый порядок вещей и, таким образом, испытают отвращение к революции.

18. Фонарные столбы, которые можно встретить только на площадях и в местах, где нет двух рядов домов, гораздо солиднее, чем в Англии.

19. "В августе 1778 года, - говорит Лалли-Толендал, — законы были отменены; и двадцать пять миллионов человек остались без правосудия или судей; — государственная казна осталась без средств и без ресурсов; — суверенная власть была узурпирована министрами; - и у народа не было никакой другой надежды, кроме генеральных штатов; — но и без доверия к обещаниям короля".

И Мунье также дает аналогичный набросок. "У нас нет фиксированной или законченной формы правления - у нас нет конституции, потому что все полномочия смешаны — потому что не прослеживаются никаких границ.— Судебная власть даже не отделена от законодательной.— Власть расплывлена; ее различные части всегда находятся в оппозиции; и среди их постоянных

потрясений нарушаются права низшего класса граждан.— Законы открыто презираются, или, скорее, мы не согласны с тем, что следует называть законами".

20. В Бастилии, это правда, было найдено всего семь заключенных. — И все же следует отметить, что трое из них потеряли рассудок, — что, когда секреты тюрьмы были раскрыты, люди содрогнулись от ужаса при виде орудий пыток, которые, казалось, были почти изношены в результате применения тирании, - и что граждане боялись даже на мгновение войти в зловонные подземелья, в которых годами содержались их собратья.

21. Жестокость полуцивилизованных римлян в сочетании с их противоестественными пороками, даже когда литература и искусства были наиболее развиты, доказывают, что человечество является порождением разума и что только прогресс наук может сделать людей мудрее и счастливее.

22. Мирабо, по-видимому, постоянно страдал из-за отсутствия достоинства в собрании.— Непоследовательностью, которая в один момент заставляла их красться как героев, с истинно театральной походкой, а в следующий съезживаться с гибкими спинами закоренелых рабов.

23. 'Давайте сравним,' добавляет он далее, ' количество невинных, принесенных в жертву по ошибке, в соответствии с кровавыми принципами уголовных судов, и месть министров, тайно осуществляемую в венсенских застенках и в камерах Бастилии, с внезапной и безудержной местью толпы, а затем решим, на чьей стороне проявление варварства. В тот момент, когда ад, созданный тиранией для мучений своих жертв, открывается взору общественности; в тот момент, когда всем гражданам было позволено спуститься в эти мрачные пещеры, чтобы снять цепи со своих друзей, со своих защитников; в тот момент, когда реестры этих незаконных архивов попали во все руки; необходимо, чтобы люди были по сути добрыми, иначе это проявление зверств министров сделало бы их такими же жестокими, как они сами!"

24. Эти члены клуба, по-видимому, сформировали справедливую оценку французского характера.

25. Некоторые французские остряки придали большое значение этим указам, принятым после обеда.

26. Лалли-Толендал, в частности; за высказывание своего мнения по вопросу о двух палатах он сказал: "В настоящее время и для этой первой ассамблеи нет сомнений в том, что единая палата предпочтительнее и, возможно, необходима — предстоит преодолеть так много трудностей, победить так много предрассудков, принести так много жертв, изменить такие старые привычки". искоренить столь великую силу, которую нужно контролировать; одним словом, так много разрушить и почти все создать заново. Этот момент, господа, который мы так счастливы видеть, который невозможно описать словами, когда частные личности, сословия людей и провинции соперничают друг с другом, кто принесет наибольшие жертвы ради общественного блага, когда все теснятся на трибуне, чтобы добровольно отказаться не только от отвратительных привилегий, но даже от тех справедливых прав, которые кажутся вам препятствием к братству и равенству всех граждан. Этот момент, джентльмены, этот благородный и богатый энтузиазм, который подгоняет вас вперед, этот новый порядок вещей, который вы начали, — все это, несомненно, могло возникнуть только в результате объединения всех людей, всех мнений и всех сердец".

27. "Следует отметить, что на *божественном праве* на десятину никогда не настаивали, ' говорит французский писатель, ' даже духовенство во время этих дебатов. Однако годом ранее, когда тот же вопрос был выдвинут в ирландской палате парламента, большое внимание уделялось этой готической идее их происхождения".

28. Заметно, что удовлетворение народа ни в коем случае не было равно недовольству, проявляемому привилегированными слоями населения.

29. Смотрите статью 10. "Ни один человек не должен подвергаться преследованию из-за его убеждений, даже из-за его религиозных убеждений, при условии, что его признание их не нарушает общественный порядок, установленный законом".

30. Калонн.

31. В Голландии почти все налоги собираются в виде акцизов.

Раньше во Франции налоги были в основном внутренними; но, поскольку был установлен способ получения дохода в размере 300 000 000 л. за счет налога на землю и дом, составляющего часть от 580 000 000 л., который, по оценкам, был установлением мира, по-видимому, это была слишком большая доля, чтобы быть полученной таким образом. Следовательно, доходы Франции в последнее время сильно упали.

В Америке налоги федерального правительства в последнее время были установлены исключительно на таможенные, то есть на импортируемые товары. Они действуют двумя способами: поощряя отечественное производство и препятствуя производству в других странах.

Великобритания взимает свои доходы с таможенных сборов как внутри страны, так и за ее пределами; с акцизов, главным образом внутренних; с марок, которые действуют как внутри страны, так и за ее пределами; и с неподвижных предметов, а также для внутреннего потребления (например, соли).

32.

‘О Ричард, о мой король,

Я - абандоннский университет!’

33. Раньше они утверждали, что находятся в приметной части города.

34. Их более тридцати разбросано по всему городу.

35. Я использую это слово в соответствии с французским обычаем, потому что у нас нет такого, которое могло бы так убедительно выразить то же значение.

Недавно опубликованный,

ПРАВА ЖЕНЩИНЫ.

Мэри Уолстонкрафт.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

(ЦЕНА ШЕСТЬ ШИЛЛИНГОВ В ДОЩЕЧКАХ.)

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ДЖ. ДЖОНСОНА ВО ДВОРЕ ЦЕРКВИ СВЯТОГО ПАВЛА.

Где может быть,

1. МЭРИ: вымысел. 3с. сшито.

2. РАЗМЫШЛЕНИЯ о ВОСПИТАНИИ ДОЧЕРЕЙ. 2с. 6д. шила.

3. ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ из РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ; рассчитаны на то, чтобы регулировать Чувства и формировать Ум к Истине и Добру. 2s. 6d. в переплете, с разрезами; или 2s. без.

4. ОСНОВЫ МОРАЛИ на пятидесяти медных листах. 3 тома. 10 страниц. 6d. в переплете.

5. МОЛОДОЙ ГРАНДИСОН: Письма молодых людей своим друзьям. 2 тома. 6. переплет.

6. ЧИТАТЕЛЬНИЦА: Избранные произведения в прозе и стихах лучших авторов для улучшения положения молодых женщин. С предисловием о женском образовании. 3s. 6d. связанный.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Без лишних слов исправил очевидные опечатки и отклонения в правописании.
2. Сохранено архаичное, нестандартное и неопределенное написание в печатном виде.